

Анатолий Апостолов

"КАРДИОГРАФИЯ" КНЯГИНИ ЗИНЫ

(Письмо Лаврентию)

Народному комиссару Внутренних Дел СССР
Лаврентию Павловичу Берия
Айдиновой Зинаиды Петровны,
(Спецстрой ВН НКВД, спецколония)

З А Я В Л Е Н И Е

Я арестована 22 февраля 1938 г. в г. Москве по Хохловскому переулку д.11, кв.9 по ордеру № 1022 и приговорена ОСО НКВД 8 марта 1938 года к пяти годам исправительно-трудовых лагерей.

За время своей изоляции я ни одного разу, ни по какой инстанции не подавала заявления о пересмотре решения Особого совещания по моему делу.

Я считала, что если Партия и Правительство нашло нужным временно меня изолировать, то они помнят обо мне, и своевременно также милостиво вернут меня к жизни, как и сурово оторвали от неё.

Новое обстоятельство заставляет меня обратиться к Вам, не дожидаясь общего решения Партии и Правительства.

Обычно в заявлении полагается писать автобиографию, но мне кажется немного наивным писать в НКВД автобиографию в то время, как я последние десять лет непрерывно была засекреченным работником. Единственное, о чём я считаю нужным добавить к автобиографии то, что по моей линии родных, не только прямых, но и косвенных (двоюродных братьев, сестер, дяди, тётки и т.д.) нет ни одного арестованного человека.

Работала я последние пять лет непрерывно в Главкаучуке Наркомата тяжелой промышленности на должности начальника Организационно-административного отдела Главка.

Несмотря на то, что я беспартийная, руководство Наркомата тяжелой промышленности нашло возможным, доверить мне работу, обычно выполняемую членами партии. За последние годы своей работы я была два раза премирована приказами Серго Орджоникидзе.

Самый трудный момент для меня – это говорить о роли жены «врага народа», поэтому я буду писать так, как бы думая вслух.

Мой муж Айдинов Иван Христофорович, управляющий Анил'объединением НКТП был арестован 14 декабря 1937 года. О нем больше, о его дальнейшей судьбе, я ничего до сих пор не знаю. Это мой второй муж и несмотря на то, что я вышла за него замуж в 1925 году, стали мы жить вместе только в 1928 году, так как он работал в Донбассе, а я не хотела покидать Москвы из-за учёбы детей от первого брака, интересы которых всегда были для меня важнее всяких мужей.

Оба мы по роду своей работы виделись редко и мало, но я доверяла ему, основывая своё доверие на том доверии, которое к нему проявляли ЦК партии, хозяйственные и общественные организации (он был несменяемым председателем

Инженерно-технического общества химиков в течение пяти лет).

Я не имела основания даже подозревать его в чем-нибудь, так как за всё время своего пребывания в Партии он не имел ни одного взыскания, а по хозяйственной и общественной линии был неоднократно отмечен и приказами и премиями. Я не пишу это в его защиту, защищать себя – это его личное дело, я пишу это в свою защиту, так как при таком положении вещей, мне и в голову не могло прийти подозревать его в чем-нибудь.

Но если Партия и Правительство нашло нужным наказать меня так сурово, оторвав меня от детей (отец которых жив и работает старшим инженером в Главугле), от работы и кипучей жизни страны, которые были для меня бесконечным источником радости, значит я, действительно, была виновата. Свое наказание я несла мужественно и дисциплинированно, как и полагается каждому настоящему Советскому гражданину.

Новое обстоятельство заставило меня обратиться к Вам с просьбой, пересмотреть решение по моему делу, не дожидаясь общего решения Правительства.

Но так вышло, что такое моё образцовое поведение, внешне спокойная стойкость давались мне в лагере за счет внутреннего сгорания, чрезмерного напряжения физических и моральных сил, и вчера врачебная комиссия (лагерная) установила у меня острое сердечное заболевание (как видно старое, которое здесь осложнилось), предвещающее мне неожиданный и внезапный конец.
Лаврентий Павлович!

Я не хочу умереть здесь, в лагере, не повидав своих детей, детей, которым я отдала всю свою жизнь и силы! Я не хочу умереть, не отдав дорогой и непременно любимой Родине, которая переживает сейчас такой напряженный момент, свои последние силы.

Верните меня, Лаврентий Павлович, к моим детям, верните меня снова к своим обязанностям, вне которых жизнь не имеет для меня никакой цены.

24/9 – 39г. Айдинова.

Ой, Лаврентий Павлович, чуть не забыла! По сообщению моих родственников из Москвы, ими (точнее моим отцом) было подано заявление от 25 мая 1939 года с просьбой о пересмотре решения ОСО по моему делу.

В Вашем секретариате отцу сказали, что я тоже должна подать аналогичное заявление в дополнение к заявлению родственников.

Прошу Вашего распоряжения присоединить моё заявление к заявлению моих родственников.
Айдинова.

Заключенная специального лагеря ВН Спецстроя Темлага НКВД, поселка Явас Мордовской АССР Зина Айдинова (а по первому мужу – княгиня Львова Зинаида Петровна) решила не переписывать заново написанное только что заявление на имя Наркома Внутренних дел Лаврентия Павловича Берия. На это у неё уже не было сил. Она очень устала, особенно в первую декаду сентября. Она смогла только дважды перечитать написанное и вложить сложенный в четвертушку документ в конверт, чтобы отдать его цензору спецчасти лагеря...

Как получилось, так и получилось. Разучилась Зина после всего пережитого писать толковые, обстоятельные заявления высшему начальству. Устала она, очень устала от пересыльных тюрем, от этапа и каторжной работы на скотном дворе.

Сумбурным вышло её заявление на имя нового наркома, но зато искренним и правдивым – и то хорошо! Не в стиле, не в повторах, и даже не в грамматических ошибках главное, а в том – чтобы дошло её отчаянное послание до Лаврентия Павловича и его новых заместителей. Чем черт не шутит, а вдруг и найдутся среди новых чекистов добрые люди и пересмотрят её дело и освободят Зину, отпустят её к своим ненаглядным деточкам.

Говорят, что Берия освободил уже многих невинно осужденных в своё время Ежовым и его бандой. Много наломал дров этот жестокий карлик, много пострадало по его вине народу, это люди Ежова погубили её любимого муженька Ванечку-Малыша. Да, её Малыша! Так она ласкового называла Ивана Христофоровича за его маленький рост, некоторую тучность и живость характера.

Живой ли ещё он, или уже мертв, она, действительно, не знала, поэтому и написала Лаврентию Павловичу об этом честно. С момента его ареста ничего о нём не знает, не получила она ни одного официального ответа от чекистов о судьбе Ивана Христофоровича пока была на свободе, а потом сама была арестована. Хотя в её душе, если честно сказать, не оставалось надежды на лучший исход. На этапе одна из таких же, как она, жен «врагов народа», только еще по круче, жена одного из видных деятелей партии шепнула Зине на ухо: "Учи, когда Сталин рубит могучий лес оппозиции, он старается полностью вырубить вокруг него и подлесок! Благодарю судьбу, что ты – беспартийная"!

Последняя фраза вызвала у Зины недоумевающий взгляд, немой вопрос был написан на её лице. Профессиональная революционерка уловила его и пояснила наивной глупышке:

-Одно дело быть в глазах органов просто беспартийной женой «врага народа», другое – быть исключенной из партии за активную поддержку оппозиции. В последнем случае у тебя срок был бы в два-три раза выше нынешнего, а может быть, схлопотала бы ты, милая моя, и высшую меру. Кто знает?! А так у тебя, как просто жены, срок детский – пять лет лагерей. Пустяк! Да и ты, Зиночка, женщина еще относительно молодая, а самое главное, сильная и здоровая. У тебя много шансов выжить и выйти на свободу, а вот таких как я, чует моя душа, скоро уничтожат...

Тогда, в июне тридцать восьмого года, когда Зина прибыла в Мордовский спецлагерь, в тюрьмах, в ссылках и под надзором находилось свыше семи тысяч приверженцев левой оппозиции – непримиримых троцкистов. Самые активные и опасные из них содержались в политизоляторах.

До середины тридцатых годов политизолятор был своеобразным тюремным парламентом. Кроме троцкистов, там находились бывшие члены других партий – эсеры, меньшевики, анархисты и прочие. Все они сидели «по фракциям», имели старост, содержались в хороших условиях, пользовались богатой по содержанию библиотекой. Они выпускали рукописные журналы и устраивали политические дискуссии по вопросам внутренней и международной политики куда свободней, чем на воле.

В политизоляторах формировалось новое поколение противников Сталина, проходили выучку молодые оппозиционеры, арестованные из «сочувствующих» и многие случайно замеченные метлой ОГПУ люди. Однако постепенно «тюремной демократии» приходил конец. Непримиримых троцкистов стали прессовать. Если узник отказывался подать заявление о капитуляции, ему прибавляли срок тюрьмы или ссылки, направляли в район с худшим климатом.

Несмотря на репрессии, в тридцатые годы ряды троцкистов не только не редели, но, наоборот, росли. В этом Зина сама убедилась, когда стала тянуть срок в Мордовии. Это её весьма удивило, ведь в своё время на политзанятиях в Наркомтяжпроме лекторы убеждали беспартийных слушателей в том, что "с 1934

года троцкизм полностью ликвидирован". А тут на тебе! – совершенно иные факты, самая, что ни есть, реальная, "голимая" правда.

Парадоксально, но великие чистки и массовые ссылки, последовавшие за убийством Кирова, дали новую жизнь троцкизму, ибо к нему присоединилась масса капитулянтов, которые печально размышляли, что события сложились бы по-иному, если бы они держались вместе с троцкистами. Оппозиционеры молодого поколения, комсомольцы, «уклонисты» всех цветов и оттенков, обычные рабочие, сосланные за пустяковые нарушения трудовой дисциплины, недовольные ворчуны, которые начинали думать политически только за колючей проволокой, – все они составили для ветеранов троцкистского блока новую многочисленную аудиторию благодарных учеников и последователей. Лагеря становились школами оппозиции, где наставниками выступали троцкисты. Они своим вызывающим, часто героическим поведением вдохновляли на сопротивление других.

Зина своими глазами увидела, что троцкистское подполье было хорошо организовано, троцкисты, сидевшие в разных уголках страны, вели между собой нелегальную почтовую переписку. Они имели свои каналы связи со свободой и обладали весьма точной информацией о внутренней и внешней политике советского правительства.

Чем чаще прокручивает Зина назад свою жизненную черно-белую киноленту, тем подробнее, до мельчайших деталей и нюансов, восстанавливает она свое славное и проклятое прошлое.

Чем, например, знаменательным был для неё год тысяча тридцать четвертый? О, на это сразу не ответишь! Тут для подробного ответа нужна тысяча и одна ночь, а может и более. Но об этом можно не волноваться, у Зины, при её то пятилетнем сроке, времени навалом! Здесь вполне достаточно времени для написания мемуаров, если бы не изнурительная (но и чём-то спасительная для души) добровольно ею выбранная работа на скотном дворе. Но нужны ли кому будут эти мемуары, даже под таким броским и интригующим названием как: "Кардиограмма княгини Зины"? Ах, оставим эту блажь для других, для тех же самых острых на перо публицистских- большевичек. А Зине сейчас не до славы и сомнительного бессмертия в веках.

Зине сейчас нужно собраться с мыслями, вспомнить своё прошлое, сделать какой-то анализ вчерашних ошибок, осмыслить прожитое и ... Что, и...? А то. Выяснить, наконец, для себя окончательно, что же всё-таки произошло? Очередная ошибка органов безопасности, или закономерная расплата за...

За что? За вредительскую деятельность? Какое вредительство, черт возьми? Почему так всё в её жизни замечательно складывалось и почему так трагически завершилось? Неужели прав был тот забытый, русский поэт, который утверждал: "Неважно с чего я начал, а важно чем я закончу"!

В самом деле, начало было хорошим, даже блестящим после многих лет лишений и бед. Как выяснилось, год тысяча девятьсот тридцать четвертый для самой Зины и её семейства стал годом «великого перелома» к лучшему, к благоденствию и счастливому примирению между двух семей, которые были созданы двумя браками Зины и которые до этого времени находились в негласном антагонизме.

В тот, знаменательный во всех отношениях, год Зина перешла из Главугля в Главкаучук, поближе к своему мужу - Ивану Христофоровичу, и к его славному шефу Серго Орджоникидзе. Ушла подальше от бывшего мужа, князя Львова, который в ту пору работал рядовым горным инженером в тресте "Главуголь" и, в силу занимаемой скромной должности, звезд с неба не хватал. Хотя и мог бы хватать и звёзды и блага земные, ведь всё-таки он был единственным сыном известного химика Львова Федора Николаевича, штабс-капитана, петрашевца, приговоренного к двенадцати годам каторги. Ах, ладно! Что об этом говорить, всякому человеку своё

время: не вписался сын в новую жизнь, не смог, но пусть благодарит он свою судьбу за то, что новая власть отнеслась к нему благосклонно, признала заслуги его отца перед пролетарской революцией, и не убила его, как классово чуждый элемент.

На год тысяча девятьсот тридцать четвертый, точнее на его начало пришлось и «челюскинская эпопея», когда в 1933 году было решено за одну навигацию проплыть по Северному морскому пути из Мурманска во Владивосток. Да было, что греха таить, было всеобщее ликование по этому поводу, но только сейчас она понимает, какой ценой давалась эта творимая искусственно легенда самому народу. Ну, какая тогда могла тогда быть полярная экспедиция, когда полстраны ещё не оклемалось от страшного голода? Ну, какие к черту могут быть герои у народа нищего и голодающего, вымирающего? А? Разве это всё – не цинизм в высшей степени его проявления? Выходит так! Вокруг куда ни кинь – отсталость, в селе соха, а в городе зубило и молот, на великих стройках рабский, пердячий пар, а на этом фоне одни герои, герои всюду, там, где они могут быть и там, где не должны быть! Ну, какой к черту герой может быть на селе? Там может быть только хороший хозяин или бездельник, лентяй. Другого не дано.

Уж она - Зина - теперь это твердо знает! Да! И поэтому подружки-оппозиционерки всех мастей и уклонов не вякайте, пожалуйста, Зине здесь о всяких пятилетках, не гнусавайте все те, кто никогда в жизни не брал в руки кирку или вилы для разброски навоза о героическом, трудовом энтузиазме! Жрать захочешь – зубами будешь грызть гранитные глыбы на Беломорканале, и честь свою не только в молодости не сбережешь, но и в любой время её продашь за гороховую похлебку и две воблы!

Все, кому не лень талдычат: "Береги честь смолоду", но мало кто вспоминает и другую народную мудрость: "Продашь и честь, когда нечего есть", а к ней есть ещё одна: "Были бы деньги, да власть, а честь найдем".

И в самом деле, всякий имущий деньги и власть, считает себя человеком чести! Когда эта моральная гниль и подмена понятий возникла? Давно, ещё в царской России. Об этом Зине и князь Львов рассказывал. Бывало, проиграется в рулетку или карты где-нибудь в Швейцарии, на курорте Баден какой –то русский офицер-дворянин, а денег нет, чтобы долг отдать, а честь свою надо сохранить. Неохота ему ради чести пустить себе пулю в лоб, вот он и закладывает в счет долга все свои имения вместе с крепостными, христианскими душами финансовым жуликам-иностранцам! Вот вам и честь! Честь за чужой счет. А вообще со словом честь необходимо разобраться. Может оно не только морально устарело, но и приобрело другое значение. А? В самом деле, когда утратила Зина свою честь? «Пролетарскую честь»? Когда вышла замуж за князя Львова, или тогда, когда, разведясь с ним, вышла замуж за «врага народа»? Вот ребус, всем нравственным ребусам ребус! А потом говорят, что у нас так много сумасшедших...

На 1934 год пришелся и знаменательный во всех отношениях XVII съезд партии большевиков, "съезд победителей", на котором были окончательно подведены итоги индустриализации всей страны. На этом съезде Иван Христофорович был не только делегатом, но и содокладчиком самого Серго! Доклад Вани касался развития химической промышленности в СССР и достижений советских химиков-технологов во всех областях народного хозяйства страны, особенно, по выпуску искусственного каучука и других особо необходимых полимерных материалов. Доклад был лаконичным, ясным, деловым, вызвал бурные аплодисменты всех делегатов съезда и благосклонные улыбки на лицах товарища Сталина, Ворошилова и Микояна. Вот так! Знай наших, черт возьми! Доклад был настолько блестящим, что выступающий вслед за Иваном Христофоровичем заместитель начальника треста "Главкраска" Клейман Семен Львович не выдержал и сказал следующее: "Блестящий доклад товарища Айдинова я позволю себе назвать поэмой пафоса социалистического строительства, поэмой величайших побед не только химиков-технологов, но и всех

работников Наркомата тяжелой промышленности. На фоне этих исторических побед рядом с нашим славным «тяжеловозом», дорогим товарищем Серго ярко вырисовывается фигура Ивана Христофоровича Айдинова! Я хотел бы – и это желание делегатов – доклад Ивана Христофоровича издать отдельной брошюрой на хорошей бумаге и раздать каждому присутствующему здесь делегату! И пусть этот доклад, эта героическая поэма, симфония нашего социалистического строительства будет понята каждым”!

И что же вы думали, доклад Ивана Христофоровича действительно был издан отдельной брошюрой массовым тиражом! Особо яркие выдержки из него были опубликованы в газете "Правда" и озвучены на государственном радио! После этого фамилия Ивана Христофоровича стала известна всей стране. Руководство партии и Советское правительство высоко оценило вклад Ивана Христофоровича в коммунистическое строительство и развитие химической промышленности. В этом же году он был награжден Орденом Трудового Красного Знамени. Награду вручал председатель ЦИК, «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин в присутствии всех членов Центрального Комитета партии и руководителей правительства. Там, в Георгиевском зале Кремля, среди множества отмеченных наградами был и Лаврентий Павлович Берия, известный закавказский чекист и первый секретарь КП(б) Грузии, с которым Иван Христофорович обменялся парой любезных фраз.

В честь награжденных, в Кремле был устроен торжественный ужин, на котором сам товарищ Сталин, в шуточной форме, поблагодарил Ивана Христофоровича за то, что тот в самые сжатые сроки сумел "обуть не только все, выходящие с конвейера советские автомашины, но обеспечить всех советских граждан обувью из синтетического каучука". А потом товарищ Ворошилов поблагодарил Ивана Христофоровича за его неоценимый вклад в огневую мощь стрелковых корпусов Красной Армии, за новые взрывчатые вещества, которые позволяют усилить значимость не только дивизионной артиллерии, но и артиллерии так называемого ближнего боя.

"Ваш тротил, товарищ Айдинов, самый лучший и самый дешёвый в мире! Он ароматен как лучший шоколад, и мощный как вулкан" – сказал Клим Ворошилов.

Но, слава Богу, тогда Иван Христофорович не ошибся с ответом и сказал: "Дорогие товарищи, да разве это моя заслуга? Это всё, что мы имеем сегодня, и новое и старое, все - это дар нашей матушки-Природы, и наша с вами задача использовать её дар на благо народа! Вот и всё! Вот она и есть – наша большевистская Истина и другой истины не было, и быть не может! Уголь Донбасса, антрацит, - самый лучший уголь в мире. А вы знаете, дорогие товарищи мои, каково качество сырья – таково и качество конечного продукта! Разве не так? Разве иначе?" И такой скромный ответ понравился всем, в том числе и товарищу Сталину.

"Вот каким скромным должен быть ученый-большевик в своих научных изысканиях, - сказал тогда Иосиф Виссарионович, и все с этим восторженно и покорно согласились. Все захлопали в ладоши, и около Ивана Христофоровича сразу же засуетились влиятельные лица...

Этот кремлевский ужин оказался для Ванечки первым и последним (о, нет, может, и не последним, а может, и были ещё пред, ещё раз пред...)? А?

Ах, черт возьми, каким предпоследним? Печальным, или хорошим? Мерзким? Нет, внешне благополучным? Нет? А каким? Может быть роковым? Подскажи, Господи! Никто уже не ответит, а Зина уже и не вспомнит.

Успокойся Зина! Всё было тогда хорошо и прекрасно. Это был истинный триумф Ивана Христофоровича. Тогда Айдинов всем оказался нужен. Один нарком благодарил его за красители, другой – за химически чистый сахарин для диабетиков и углекислый газ, третий - за плексиглас, органическое листовое стекло, четвертый

за советский линолеум на упрочняющей тканевой основе...

А пятые, шестые и седьмые благодарили её мужа за те неведомые до сих пор новые материалы, которые выдумал сам человек, не прибегая к помощи Творца. Какое счастье замещать бога в момент творения! Уметь даже из фабричного дыма получать полезные вещества...

И тут на Зину нахлынуло черное, мерзкое, злое..

«Твари двуногие, сгубившие меня ни за что, ни про что, вы меня понимаете? Нет? Ненавидите меня? Я чувствую, что завидуете и ненавидите. А за что, Господи прости? За то, что мне выпало невиданное вам счастье? А разве в этом моя вина? За что шельмуете меня? За что? За то, что я жена –талантливого человека?»

Успокойся Зина, успокойся, лучше вспомни то хорошее далёко. Вспомни, как твой Иван Христофорович после славного «съезда победителей», сразу же, чуть ли ни автоматически, вошел в состав многих редакционных коллегий специальных научных журналов и издательств, связанных с тематикой современной органической химии как прикладной науки. Имея лишь диплом горного инженера, он в одночасье был утвержден членом Ученого Совета Института химической промышленности при Академии наук СССР по сектору «Химия полимеров» и стал бессменным председателем Инженерно-технического общества химиков. Ах, господи, как всё тогда казалось Зине фантастичным и далеким от истинной жизни! Далеким? Это как сказать...

Зина и тогда понимала, что партия и правительство не могли не оценить тот трехлетний титанический труд Ивана Христофоровича, который был вложен им в строительство Дорогомиловского, Бобриковского и Лисичанского химических комбинатов. Ведь, по сути, с 1930 по 1934 год Иван Христофорович почти не жил дома, месяцами пропадал в длительных командировках на великих стройках первой пятилетки.

Особенно трудным для Ивана Христофоровича оказалось строительство Бобриковского химкомбината в голой степи у истоков Дона в Тульской губернии. На этой стройке, несмотря на сверхурочные, ночные субботники и трудовые рекорды, дела шли плохо, сроки ввода в действие объектов хронически отставали от запланированных на полтора-два месяца. Люди работали на износ, не жалея ни сил, ни здоровья во имя приближения того светлого будущего, которое скоро наступит и принесет стране и народу счастливую жизнь и всеобщее изобилие. Квалифицированные рабочие и строители не желали ехать на голое место и жить в землянках. Туда в поисках пропитания, спасаясь от голода, хлынули тысячными толпами жители Украины и Северного Кавказа, а также раскулаченные крестьяне из соседних районов и областей, спасавшиеся от высылки на север и в Сибирь. Но разве это работники?

А между тем, строительный комплекс в Бобриках был одним из 18-ти "сверхударных"строек первой пятилетки. Как объяснял Зине Иван Христофорович, по капиталовложениям Бобрикстрой уступал только Магнитке, а по разнообразию производств, их сложности и значению для развития народного хозяйства страны и размаху строительства превосходил Днепрогэс и некоторые другие гигантские стройки.

Здесь по плану Совета Труда и Оборона было решено построить мощный энергохимический комплекс и несколько заводов химкомбината. В первую очередь надо было построить ремонтно-механический завод, цех по термической обработке подмосковного угля (коксохимическую установку), кислородный завод и завод синтетического аммиака, при котором должен быть и «секретный объект» – завод по производству фенола и пикриновой кислоты – взрывчатого вещества, более известного под названием тротил, тол.

Но для такого химического гиганта требуется много электроэнергии и воды.

Необходимые источники воды там были – Иван-озеро, Дон, Шат и его приток Любовка, но для строительства ГРЭС нужно построить плотину и железнодорожные пути. Подвозить грузы, оборудование гужевым транспортом стало невозможным. Без железной дороги, по которой предстояло завозить на химкомбинат в большом количестве уголь Подмосковского бассейна, затевать такую стройку было бы абсурдом. С чего начинать, что должно быть приоритетным, первоочередным? Никто не знал. И как всегда, как повелось у большевиков, строительство химического гиганта началось с рытья котлована и сооружения Шатовской плотины.

Предстояло выполнить огромный объем работ. Между тем на стройке имелось всего три экскаватора, пять тракторов и три катка. Основная тяжесть ложилась на людей, которые трудились с помощью лопаты, тачек и носилок. Большинство новоприбывших объединялись в артели во главе с артельными старостами. Особенно много было артелей грабарей. Они приезжали на своих лошадях, со своими грабарками (телегами). Некоторые из них уже имели опыт на строительстве Беломорканала, а посему они стали бригадирами ударных производственных бригад по возведению Шатовской и Любовской плотин, от которых зависело водоснабжение строящихся заводов химкомбината и ГРЭС.

Эти плотины необходимо было возвести за один год. Но, учитывая, что основная масса воды в водоемах должна быть собрана в период весенних паводков, срок строительства сокращался. А между тем на Шатовской плотине, одном из крупнейших сооружений в Европе, катастрофически не хватало рабочей силы, вместо положенных по графику строительства четырех тысяч рабочих там работало только полторы тысячи землекопов, месячные программы выполнялись на 30-40 процентов.

Но вся беда в том, что нехватка средств и рабочих рук, особенно профессиональных, коснулась всех объектов Бобрикстроя. Великая стройка пятилетки из ударной мягко переходила в долгострой. Вместе с ним стало происходить «омертвление капиталовложений». Опасная формулировка, очень даже опасная в те времена, когда на каждом шагу ловили вредителей и саботажников.

Над Иваном Христофоровичем и его коллегами, старыми друзьями по Донбассу, по Лисичанскому химкомбинату, руководителями стройки Петром Арутюнянцем и Серёжей Ананьевым, стали сгущаться тучи. В печати и на собраниях критиковались руководители строительных объектов и снабженцы. В рабочих коллективах появилось много добровольных "разоблачителей и сигнализаторов", доносчиков. Провалы в выполнении планов областная партийная власть пыталась списать на "классовых врагов".

Зина хорошо помнит тот хмурый ноябрьский вечер, когда Иван Христофорович, сильно осунувшийся в лице и похудевший в теле, приехал из Бобриков в Москву на экстренное совещание в Наркомтяжпроме, созванное Орджоникидзе и Кагановичем. Таким расстроенным и угнетенным Зина его никогда не видела. Первым, что он произнес за ужином, была фраза: " Плохи мои дела, Зина. Возведение ГРЭС нам пришлось законсервировать. Все силы мы бросили на цеха химкомбината. Это страшный удар для электростанции: ушли старые кадры, потеряны необходимые темпы работы. Кому нужен химкомбинат без энергии и воды? Кому, спрашивается, нужен, такой "пустострой"? Никому, кроме, врагов народа".

В тот злополучный хмурый вечер Иван Христофорович впервые за всю их совместную семейную жизнь заговорил с Зиной о внутренней политике руководства страны. Оказалось, что причины трудностей в строительстве химического гиганта в Бобриках заключались не в халатном отношении к поставленным задачам, а в другом.

Первый пятилетний план базировался на нэпе и подкреплялся научными

расчетами. Однако Сталин отошел от нэпа и волевым решением изменил задания пятилетки в сторону резкого повышения темпов прироста промышленной продукции – с 20 до 45 процентов. Были начаты незапланированные стройки. Это привело к перекоосу в снабжении, хаосу в производстве и падению темпов роста экономики страны последние три года в четыре с половиной раза! Страшная, угрожающая статистика! Сталинское "подхлестывание" фактически сбilo страну с курса на ускоренную индустриализацию и прямо сказалось на судьбе многих строек, в том числе и на Бобриковском строительстве. А здесь еще как назло начался голод на Украине, Северном Кавказе, Дону и Кубани, и якобы в бассейне Волги и некоторых частях Западной Сибири.

О голоде на Украине и на Северном Кавказе Иван Христофорович сообщал Зине шепотом. При этом он умолял жену никому о голоде не говорить, а разговоры эту тему ни с кем не поддерживать, и, упаси боже, не комментировать, так как она сегодня является "самой опасной, строго секретной темой", обсуждение которой будет истолковано органами как "крайний оппортунизм и клевета на советскую власть".

Далее Иван Христофорович назвал Зине причины начавшегося голодного мора. Ими стали спешная, непродуманная коллективизация и страшно завышенные нормы хлебозаготовок, а также и быстрый рост городского населения в годы первой пятилетки, который привел на стройки более 10 миллионов человек и увеличил за последние два года численность получающих продукты по карточкам с 26-ти миллионов человек до 40 миллионов. Это данные наркома пищевой промышленности товарища Микояна!

Увы, коллективизация, как оказалось не облегчила проблемы с продовольствием, напротив, продовольствия для городов становится все меньше и ситуация достигла критической точки, голод на Украине поразил не только деревни. Уже сейчас, как выяснил Иван Христофорович, в Киеве и в Харькове нормы для рабочих урезаны с 2 до 1,5 фунта, для служащих – с 1 до 0,5 фунта, растет недовольство рабочих, фабрики и заводы пустеют.

В больших и маленьких городах все труднее становится достать продукты на базарах, цены на которых достигли фантастических высот. Нехватка продовольствия физически ослабила трудящихся и вынуждает многих оставить работу в поисках пищи. Во многих отраслях промышленности текучесть кадров стала превосходить 100 процентов каждые несколько месяцев.

В городах образовались длинные хлебные очереди, распространялись тиф, туберкулез и оспа. Рабочие и служащие продают всё, что у них есть, чтобы купить хлеб, процветает воровство, а перспектив на улучшение нет. Миллионы людей разбегаются, кто куда, мыкаются по стране в поисках лучших условий. На Украине и Дону вводятся внутренние паспорта, войска НКВД держат станицы и хутора в оцеплении, выехать в центральную Россию можно только по специальным разрешениям.

Но партия и правительство в лице товарища Сталина продолжает своё жесткое (даже жестокое) давление на единоличное крестьянство и колхозников. В начале ноября на Украину и Северный Кавказ выехала комиссия ЦК во главе с Кагановичем и Ягодой, которая запретила колхозную торговлю, как для колхозов, так и для колхозников и единоличников, а также производить проверку и чистку «всякого рода чуждых элементов».

Сейчас там, на селе и в районных городах, полным ходом идет чистка партийных и комсомольских организаций. Уже сегодня на Кубани из партии исключено 45 процентов коммунистов и более пяти тысяч арестовано ГПУ, из них 340 председателей колхозов, свыше тысячи членов правлений, бригадиров, счетоводов и завхозов. Всего на Северном Кавказе аресту и суду подверглось 15 тысяч

партийцев. Проведено выселение на Север 1000 хозяйств и 5000 семейств, только из одной станицы Полтавской Ягода выселил на Урал 9000 человек, (то есть всё население станицы!), из них «злостные» кулаки и «крепкие» единоличники отправлены в лагеря. И это – не слухи, а точные цифры!

Такое положение вещей, такой страшный продовольственный кризис не мог не отразиться на темпах строительства химкомбината в Бобриках. Да теперь Иван Христофорович окончательно понял, что революционный энтузиазм народа во многом покрывал просчеты в планировании и организации труда. Он понял, что на голом энтузиазме и «пердячем пару» что-нибудь серьезное не построишь, для получения пара в живом котле необходимо топливо – калорийная пища. Что-то надо делать, нужно искать выход, иначе Ивану Христофоровичу и всему руководству наркомата не сдобровать! Снесут башку!

Никогда Зина не видела своего прежде всегда жизнерадостного, энергичного мужа, своего "вечного движителя, вечного прыжителя", таким растерянным, подавленным и напуганным. Ел он как-то вяло, хотя только что вернулся с дороги из мест не очень-то хлебных и сытых. С большой неохотой, как многие старики, мылся в ванной и, вообще, стал каким-то другим, заметно подряхлевшим: передвигался по комнате как-то неуверенно, по-стариковски шаркал по паркету, и самое главное, что обеспокоило Зину – это то, что он как-то без особого наслаждения дымил трубкой. А это был опасный, весьма опасный симптом.

А после ужина, уходя спать, Иван Христофорович достал из портфеля многотиражную газету "За 100 тысяч киловатт" и молча протянул Зине. В газете Зина нашла статью о вредителях и диверсантах, прокравшихся в трудовые коллективы Бобрикстроя.

"Тихой сапой проникают наши классовые враги в ряды ударников, клянутся с пеной у рта в преданности партии, - писал автор статьи, - а на самом деле держат курс на срыв наших производственных темпов и разложение рабочих. Особенно много обнаружилось тайных вредителей среди служащих и инженеров, прибывших на нашу стройку из Донбасса".

Здесь явно автор статьи намекал на тех инженеров и старых специалистов, которых Иван Христофорович при содействии первого заместителя наркома тяжелой промышленности Пятакова Георгия Леонидовича, пригласил из Лисичанска в Бобрикстрой.

Когда Зина прочитала эту мерзкую статейку-донос, то сразу же нашла причину подавленного состояния мужа и сама не на шутку испугалась за него. Именно тогда, в ту ночь, страшная тупая боль впервые сжала её сердце, и с той поры бесстрастно поплыла незримая бесконечная лента кардиограммы Зиночки, равнодушно фиксируя все крутые этапы её жизни, все раны и шрамы бедного, усталого сердца...

Конечно же, та ночь для Зины была бессонной, до самого утра она думала, как найти выход из этой весьма тяжелой сложившейся ситуации. Она перебрала множество вариантов и остановилась на самых важных, ключевых и реальных моментах в обстановке глубокого продовольственного кризиса.

Вначале, через Серго и Ворошилова, Иван Христофорович должен был придать особый статус своему Бобрикстрою как одному из химических комбинатов работающих на укрепление обороноспособности страны, на усиление огневой мощи Красной Армии в самое ближайшее время, то есть на досрочный запуск завода по производству тротила.

Когда стройке будет определен особый статус, то и будет организовано специально снабжение продуктами питания, техникой и оборудованием, нормальное, бесперебойное финансирование не только самого строительства объекта, но социально-бытового, культурного и образовательного сектора. Тогда не будет огромной текучки кадров и перерасхода денежных средств. Это же ясно как

день! Подтверждением этому может стать опыт Ивана Христофоровича по досрочному пуску химических предприятий в том же самом Лисичанске!

Там не было проблем с жильем для рабочих, инженеров и служащих, не было проблем с электроэнергией и водой, там были школы и техникумы, там не было проблем с кадрами и их обновлением...

Когда Зина во время завтрака поделилась с мужем своими соображениями, Иван Христофорович просиял: "Ах, Зиночка, Зинуля моя родненькая! Умница ты моя, златокудрая! Да чтобы я без тебя делал"? – "Сидел бы в тюрьме! – пошутила тогда Зина и спросила его лукаво: - Надеюсь, ты сейчас уже не жалеешь о том, что раньше брал меня с собой в командировки в Лисичанск? Теперь ты понял, почему я туда ездила? Помнишь, ты меня называл тогда страшной ревнучкой? Ах ты, дурачок, мой любимый, глупенький толстячок, малышок мой любимый"!

Да трудное было время, но разве сейчас оно не трудное? Сегодня для Зины оно не только архитрудное, но ещё и страшное своей почти полной безысходностью, отсутствием всяких возможных вариантов. Остается только уповать на слепой случай. Сегодня она как те матросы на шхуне "Надежда", которая терпит бедствие у скалистых берегов Тавриды: сумеешь вместе с волной попасть в расщелину скалы, успеешь закрепиться в ней, хватит сил удержаться – значит спасешься...

Тогда в конце 1932 года её замысел сработал на все сто! Снабжение продовольствием Бобриктростра заметно улучшилось уже в феврале-марте 1933 года, когда уже был пик голода на Северном Кавказе и на Украине.

А когда на стройке был, «в виде исключения», отменен Закон от 6 декабря 1932 года запрещающий все виды торговли, частной кооперативной и колхозной, а местным тульским крестьянам было разрешено торговать на рынке, тогда всё закрутилось, завертелось в бешеном темпе. Резко возрос трудовой паек и вместе с ним и социалистическое трудовое соревнование.

Сегодня Зине даже не верится, что такой химический гигант, был воздвигнут всего за один год, а поселок Бобрики превратился в город с населением 70 тысяч человек! В городе возникли химический техникум и ФЗУ, всего того – за год! Вот чудеса! А сколько в Бобриках было населения в начале года, когда Зина приехала лично посмотреть на стройку? Тридцать тысяч!

Зина тогда надеялась увидеть грандиозную стройку, большой город, но кругом была одна степь. Ночевать негде, нормальных барачков и столовых нет. Поле. Степь...

И громадные валы земли, а на них копошатся как черные муравьи люди, с лопатами, тачками. Это, как поняла тогда Зина, было строительство Любовской плотины. Но самое гнетущее впечатление производил сам поселок Бобрики. Барачков было мало, строители и рабочие специалисты селились в крестьянских домах окрестных сел, в палатках.

В бараках жили только весьма здоровые, закаленные люди, так как первые бараки делались наспех из досок, между ними засыпали торфяную крошку, в дело шла и фанера, из неё воздвигли целый поселок. В стужу стены барачков промерзали, сколько ни топи – все выдувало бешеными ветрами. Бывали ночи, когда на столе в стакане вода превращалась в лед, и волосы примерзали к железной койке. Основная масса рабочих, голодных беженцев копали себе землянки. Котлован выкапывался на глубину не более полутора метров, над землей жилище возвышалось примерно на полметра, чтобы можно сделать небольшое оконце. Стены и крыша делались из горбыля, из отходов деловой древесины, материал выписывался только с разрешения главного инженера стройки. Строительством землянок рабочие занимались только во вне рабочее время. Тысячи таких нор-землянок окружали стройку – это, как выяснилось, и был "Копай-город, о котором часто рассказывал ей Иван Христофорович.

Когда Зина прошла по улицам этого странного города лилипутов, ей сделалось дурно от смрада нечистот, мусора, грязи, от всего увиденного. Нет, такого ужаса никогда не было в Лисичанске, даже после Гражданской войны во времена великой разрухи!

И когда главный инженер Бобрикстроя Паша Солодовников привел её в помещение центрального штаба стройки, когда Зина увидела поднимающегося ей навстречу, улыбающегося Ивана Христофоровича, она бросилась ему на шею, уткнулась ему в грудь и зарыдала. - "Это невозможно! Это не невозможно! Из этого ничего не выйдет" – сквозь слезы и рыдания шептала она. И снова тупая боль сжала её сердце, и снова включился незримый кардиограф...

Вот как всё было! Вот через что надо было пройти, какие сомнения и треволения, страхи надо было пережить, чтобы, в июле 1933 года страна получила первый синтетический аммиак, чтобы 24 декабря новый химический гигант начал давать в полном объеме продукцию, в том числе и пикриновую кислоту! Зина хорошо помнит тот день, во всех подробностях. Еще бы не помнить!

В этот день в просторном зале кинотеатра "Встречный" Зина была вместе с мужем на торжественном собрании строителей и работников химического гиганта.

На собрании от имени правительства выступили видные деятели государства Орджоникидзе и Каганович. Отличившиеся строители были награждены орденами и грамотами ЦИК СССР. Орден Ленина получили .Арутюнянц –начальник строительства, Енов – секретарь ГК ВКП(Б), Ступаков –слесарь отделения очистки, Дубровинский –заместитель начальника строительства. Орденом Трудового Красного Знамени была награждена Брагина – машинист отделения синтеза. Всего двадцать два человека. А Ивану Христофоровичу Серго тогда подарил своё кожаное пальто, снял и лично набросил его на плечи, онемевшего от такого «царского» поступка, Вани...

На этом же собрании Бобрики были переименованы в Сталиногорск.

Потом был банкет, было весело, Серго часто смеялся, шутил, рассыпал всем дамам комплименты, а Лазарь Моисеевич подтрунивал над Серго, пытаясь в легкой форме вызвать у того чувство ущемленного самолюбия.

Зина до сих пор помнит, как на том банкете Каганович обыгрывал известную в те годы песенку: "Пустит Лазарь Каганович нам метро до ноября".

Этими словами песенки он как бы намекал Серго: "тяжелому" наркому никогда не поспеть за строительными темпами легкого на подъем и работу "шустрёнка Лазаря", мол-де, дай бог, Серго всегда завершать строительные объекты в конце года... Нехорошо, нехорошо вел себя тогда Каганович, не понравился он тогда Зине. Не понравился он и Ивану Христофоровичу: хвастун, жестокий дуболом, невежа, хам. Ему до Серго очень даже далеко по всем параметрам, особенно по интеллекту и уму. Что поделаешь, Серго – сын дворянина, а Лазарь из семьи мелкого торговца-старьевщика...

Вот таким нервным, сумбурным, тревожным запомнился Зине год тысяча девятьсот тридцать третий. Ох, как всё тогда было непросто, ой, как непросто. Терниста и опасна дорога к победам и триумфу.

Только сейчас Зина стала полностью понимать, какую страшную цену из года в год платил Иван Христофорович за свою партийно-хозяйственную карьеру. А тогда многое, из происходившего вне своего коллектива, ею просто не замечалось, а многое вообще пропускалось сознанием как нечто обыденное, закономерное, необходимое. Все люди так работали, все люди находились в одинаковых условиях. Цели были слишком высокими, на уровне невозможного...

Работа на износ с полной отдачей сил в трудовом коллективе, служба за страх и за совесть в своем ведомстве становились целью жизни, постоянной борьбой. Работа в мирных условиях явилась продолжением битвы времен Гражданской

войны, где однополчане желали друг другу "если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой". Как воспринимала и называла тогда Зина деятельность Ивана Христофоровича в "Анилинтресте", в Наркомате тяжелой промышленности? Как и все! Как в газетах и по радио: "битвой на фронте индустриализации страны", а таких служащих как Иван Христофорович, - "бойцами и борцами химической промышленности". А раз ты на фронте, раз ты боец, то живи и сражайся в условиях военного времени! Так думала тогда Зина, так думали и многие другие...

Кардиограмма № 03/35 («тревога нарастает»):

Сегодня Зина так уже не думает, сегодня она дает совершенно иную оценку тем годам, на которые, как она раньше считала, пришла слава и триумф Ивана Христофоровича.

Например, можно ли считать сегодня, что год тысяча девятьсот тридцать четвертый и год тысяча девятьсот тридцать пятый были благодатными для Ивана Христофоровича и всего его семейства? Нет, и ещё раз нет!

Да внешне всё складывалось как никогда блестяще, но это внешне, а на самом деле уже тогда одновременно с победами и триумфом созревали незаметно семена поражения, бесславия и смерти.

Взять хотя бы год тысяча девятьсот тридцать четвертый, год "съезда победителей", год славы Ивана Христофоровича. Что произошло в том году ещё, кроме этого съезда? Правильно, Зина! Был убит Киров. Вся страна была потрясена этим злодейским убийством. И сама Зина глубоко переживала смерть всеобщего любимца партии и народа.

Но в какой мере повлияло это трагическое событие на её судьбу и судьбу Ивана Христофоровича? Тогда казалось – ни в какой, а сейчас Зине так не кажется. Почему? Да потому, что человеку не дан дар прозорливости, не может человек в событиях текущего уловить судьбоносность на первый взгляд незначительного события, определяющего жизнь и смерть тысяч людей.

Кто из людей, из её современников, мог в том же тридцать третьем году признать приход к власти Гитлера историческим фактом, который отразится на судьбе всего человечества? Никто, кроме, пожалуй, нескольких советских военачальников. Но и они, тесно сотрудничавшие с вермахтом, (а Зина как секретный работник наркомата это знает!) даже и думать не хотели, что когда-то будет большая война между Германией и СССР, и на первых порах успокаивали руководителей государства заверениями в том, что Германия ещё долгие годы не будет готова к мировой войне.

А остальные? Остальные, как и сама Зина, на этот факт даже не обратили внимания, все население страны было полностью поглощено голодом и проблемами выживания, работой, бытом. Никто тогда не думал, что Гитлер – это война, война через семь-восемь лет...

Так же и с Кировым. Никто тогда не думал, что убийство Кирова – это пролог репрессий тысяча девятьсот тридцать седьмого, смерть тысяч виновных и невиновных, сочувствующих и случайно контактировавших с врагами. И Зина тогда не могла знать, что смерть уже включила свой счетчик Ивана Христофоровича намного раньше убийства Кирова, намного раньше. Когда? Вспоминай, вспоминай, Зина, тот год во всех мельчайших подробностях...

Вспоминай Зина, всё и вся. Напряги свою память, Зина, и вспомни своих прежних сослуживцев и друзей-соратников Ивана Христофоровича, тогдашнее выражение их лиц, их негромкие фразы, реплики, намеки.

Когда навис домоклов меч над дорогим твоим Ванечкой? Правильно, Зина! Сразу

же после "съезда победителей"! Того самого съезда, который ты сегодня называешь про себя "съездом расстрелянных". Вот когда начался незримый путь Ивана Христофоровича к смерти, вот когда началось его замедленное трехлетнее падение с высокой трибуны в подземное узилище Лубянки.

Что говорить, тогда было много разных гипотез и легенд об убийстве Кирова. Ходили слухи о том, что это оно было совершено на чисто бытовой почве, что некто Николаев якобы приревновал свою жену к хозяину города Ленинграда. Но постепенно утверждалась в сознании людей официальная версия: Кирова убили «враги народа», засевшие в Ленинградской партийной организации ВКП(б), пригретые в своё время Зиновьевым и, якобы не желавшие видеть Кирова на месте своего прежнего шефа.

Как и все работники наркомата, Зина живо интересовалась этими слухами, но не из-за простого женского любопытства, а лишь для того, чтобы узнать, не заденет ли это страшное событие каким-то образом её мужа Ванечку, ведь он, был такой грех, до 1917 года состоял в партии меньшевиков!

С той поры прошло семнадцать лет, Иван Христофорович, никогда не пытался скрыть от партии своего меньшевистского прошлого, в своих ошибках честно раскаялся, благополучно прошел "чистку партии", никогда ни к какой оппозиции не примыкал, всегда честно работал на партию и Советское государство. Но всякое может случиться, иногда прошлое возвращается в лице завистников и мстительных авантюристов, которые, падая в пропасть, стремятся унести за собой как можно больше людей. Но, слава Богу, в заговоре против Кирова меньшевистский след не прослеживался, а с Троцким и Зиновьевым, на которых пало подозрение товарища Сталина, Иван Христофорович никаких дел никогда не имел. Какой все-таки была тогда Зина наивной и недалёковидной...

О подробностях убийства Кирова Зина узнала от самого Вани. А тот от своего приятеля, начальника Главного управления боевой подготовки внутренних и пограничных войск НКВД СССР, комбрига Бессонова, который под каким-то незначительным предлогом приехал к ним в гости зимой, то ли в конце февраля, то ли в начале марта тридцать пятого года.

Зина не присутствовала при их беседе, вошла к ним только один раз, чтобы поменять закуски и убрать грязную посуду. Разговор двух Иванов шел за плотно закрытыми дверями, беседовали в полголоса, иногда переходили на шепот. Зина, чтобы не мешать им нашла себе работу на кухне. Зина уже не помнит, когда ушел от них комбриг Бессонов, кажется, где-то далеко за полночь. В тот вечер она чувствовала себя неважно, домашние дела её утомили, она, переделав их, чтобы передохнуть, присела на табуретку и сразу же уснула за кухонным столом. Разбудил её Иван Христофорович, и хотя она ещё была сонной, ей сразу же бросились в глаза его осунувшееся, неестественно бледное лицо, наполненные тоскливым страхом зрачки.

-Что случилось? Твой тёзка уже ушел? Чем он тебя так напугал? – спросила она.

-Ничего не случилось. Всё хорошо, успокойся. Всё хорошо. Просто, Зиночка, я много выпил, - растягивая слова, вяло ответил Иван Христофорович и стал мыть принесенную из столовой грязную посуду. Его руки заметно дрожали, и Зина это заметила.

-Не ври мне, Ваня, я же вижу, что этот тип тебя чем-то страшно напугал. Чем? Что он от тебя хотел?

-Ничего не хотел, ни о чём он меня не расспрашивал. Пил водку и рассказывал, рассказывал, говорил и говорил. И такого мне наговорил, что мне стало страшно...

-И о чем же он тебе говорил? Об очередном заговоре оппозиции?

-Нет. Об убийстве Кирова.

-Кирова? Но при чём здесь ты, Ваня?

-Я здесь, Зиночка, абсолютно ни при чём. Но если верить Бессонову, то в убийстве Сергея Мироновича стал четко прослеживаться «чекистский след», в нем, оказывается, замешано почти руководство ленинградского НКВД, и товарищ Сталин выразил недоверие товарищу Ягоде, обвинил его в халатном отношении к своему делу, в том, что тот якобы «зевнул» готовившееся сторонниками Зиновьева покушение на товарища Кирова...

-О, господи! Пусть будет и так! Может, комбриг Бессонов сказал тебе сущую правду, но, Ваня, ты то чего боишься? Боишься партийной чистки? Что она тебя как-то заденет? Боишься за своих товарищей-«ягодинцев»? Так у тебя с ними были только служебные отношения, ты был, и остаешься для них, всего лишь экспертом по горному делу и токсичным химическим веществам. Не так ли?

-Так то оно так, но в ходе следствия стала выясняться неблагоприятная роль этом деле самого... Серго!

-Какая чушь! Бред, да и только! Комбриг Бессонов с ума сошел! Ему надо меньше пить! Он перед тобой – мальчишка! Приехал к тебе, солидному партийцу и хозяйственнику, домой, чтобы шантажировать тебя?! Да?

-Во-первых, Зина, Иван Бессонов – не мальчишка, ему в этом году исполнилось тридцать лет. Он молодой, да ранний. В таком возрасте сделать такой взлет в таком могучем ведомстве, благополучно пройти все партийные чистки – надо иметь особый талант. Во-вторых, он по натуре своей не шантажист, а аналитик. И не даром высшее руководство партии подключило его вместе с заместителем наркома внутренних дел Аграновым и Николаем Ивановичем Ежовым к расследованию убийства Кирова.

-Кто такой Ежов?

-Секретарь ЦК и председатель КПК, тихий, скромный, внимательный, исполнительный. Бессонов говорит, что Ежов далеко пойдет, что якобы он пользуется большой благосклонностью товарища Сталина.

-Ну и что? – продолжала недоумевать Зина. – Но причем тут Серго и ты?

-Я может быть сейчас и ни причем, но если хоть как-то в этом гнусном деле будет задет Серго, то и мне мало не покажется. Ты же слышала, знаешь, что сейчас творится в Ленинграде. Только в декабре прошлого года было арестовано семь тысяч человек, из них одна тысяча человек «из бывших» и семьсот зиновьевцев выслано на север Сибири и в Якутию, несмотря на непричастность к убийству и хорошую работу! Арестованы и отправлены в ссылку почти все видные ленинградские чекисты. Вот ужас!

-Слышала, знаю, но никак не могу понять, при чем тут Серго?

-А при том, Зина, что московская следственная группа докопалась до истинного мотива убийства Сергея Мироновича. Как оказалось, зиновьевцы и лидеры ленинградского оппозиционного центра решили убить Кирова сразу же после семнадцатого съезда партии, на котором они сговорились убрать Сталина с поста генсека, а на его место, как рекомендовал Ленин в своем завещании, выдвинуть человека, который более терпимо относился бы к окружающим, например, Кирова...

-Не может быть! – прошептала испуганно Зина. – Всё это выдумки! Сергей Миронович никогда не претендовал на место Сталина, он даже отказался быть членом Политбюро. Об этом все знают...

-Да это так, но следствие установило, что во время работы съезда на квартире Серго состоялось тайное совещание. Там были Киров, Эйхе, Шеболдаев, Шарангович, Микоян, Коссиор, Петровский, Орахешвили, Варейкис... И якобы там Кирову предложили пост генсека, а тот якобы заговорщиков высмеял: "Что вы глупости говорите! Какой я генеральный секретарь?" А заговорщики стали его убеждать, говорили ему, что этот съезд является единственной и последней легальной попыткой снять Сталина. Киров тогда не на шутку испугался и якобы сам

рассказал Сталину про это тайное совещание.

-Не может! Это чушь какая-то! Тайное совещание на квартире у самого Серго, единственного лучшего, старого и верного друга юности Сталина! Да еще на его квартире! Другого места не могли найти. Смешно! Нет, Ваня, хоть убей меня, но я в это не верю! Это чистойшей воды провокация! Работники НКВД сейчас идут на всё, чтобы искупить свои промахи...

-Я тоже сначала в это не поверил. Но когда мне Бессонов сказал, что такие же тайные совещания оппозиции были и на других квартирах, например, у делегата съезда Кириллова, что они договаривались друг с другом, чтобы выбрать генсеком Кирова, что и там звучал тот же самый призыв: "Мы должны сегодня вычеркнуть Сталина" – я поверил...

-Ну и дурачок! – укоризной сказала Зина и спросила: - Ты что всерьез веришь в то, что зиновьевцы убили Кирова за его политический сигнал Сталину?

-Да. Ну, представь, Зина, оппозиционеры пригласили Кирова на свое тайное заседание, посвятили в свои планы, а он взял и «сдал» их Сталину. Поверь мне, в 1905 году за такие вещи полагалась пуля. А чем 1934 год хуже? К тому же зиновьевцы остро ненавидели Кирова, ведь именно он, сменив на посту первого секретаря обкома их вождя, вычистил их из всех партъячеек.

-Хорошо пусть будет так, но тогда скажи, почему на судебном процессе «Ленинградского центра» среди подсудимых, признавших причастность к убийству Кирова не было и других имен, того же Зиновьева, Серго, Варейкиса, Микояна, Кириллова? Почему эти имена даже не попали в список, высланных в Сибирь и Якутию?

-А за что их высылать? За то, что они голосовали на съезде партии против Сталина? Так тайное голосование утверждено Уставом партии. За косвенные подозрения в убийстве? Нет неопровержимых улик, да и достать их весьма сложно, почти все оппозиционеры – это костяк «ленинской гвардии», имеющий за плечами большой опыт конспиративной работы. Да и Кобу ты не знаешь, он никогда не принимал спешных решений, а всегда ждал подходящего момента, выжидал, собирал информацию и наносил верный удар...

-Это не ответ, Ваня! Ты, как всегда, сгущаешь краски, накручиваешь, преувеличиваешь. Забудь, наконец, своё меньшевистское прошлое, продолжай заниматься своими делами, и всё будет у тебя в порядке, - успокаивала его Зина и ласково, как маленького ребенка, гладила по уже начинающей седеть (и лысеть) крупной, лобастой как у быка голове.

-Дай Бог, чтобы так и было, как ты говоришь, Зинуля, дай Бог. Однако только время покажет, кто из нас окажется прав, - тихо ответил Иван Христофорович и стал целовать её в шею...

Кардиограмма № 08/ 34 («тучи на горизонте»):

Время шло, мчалось и летело, но его часовые стрелки ничего для Ивана Христофоровича не значили и не показывали, беспощадный, острый как лезвие бритвы маятник не касался Ивана Христофоровича, его шефа Серго, заместителя Серго Пятакова и всех-всех работников наркомата тяжелой промышленности, предпочитая срезать колосья на других нивах.

После «ленинградского дела», в результате которого был расстрелян убийца Кирова Николаев, а с ним расстреляны еще двенадцать причастных к этому делу человек, в этом же тридцать пятом году было проведено расследование по так называемому «кремлевскому делу».

Согласно доносу, комендант Кремля Петерсон совместно с членом президиума и

секретарем ЦИК СССР Авеля Енукидзе, при поддержке командующего войсками Московского военного округа Корка из-за «полного расхождения со Сталиным по вопросам внутренней и внешней политики» якобы составили заговор с целью отстранения от власти Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Орджоникидзе. Они намеревались затем создать своеобразную военную диктатуру, выдвинув на роль диктатора замнаркома обороны Тухачевского или Путну - военного атташе в Великобритании. Ход следствия по этому делу опять контролировал Николай Иванович Ежов. В июле состоялся суд над заговорщиками. Главными фигурантами были Каменев, его жена (сестра Троцкого), его брат – заведующий кремлевской библиотекой Розенфельд и еще 35 арестованных, из которых 30 человек судила Военная коллегия Верховного Суда, остальных – особое совещание. Это были мелкие сотрудники аппарата Кремля, вплоть до уборщиц и домохозяек, жен обвиняемых. Две группы заговорщиков были организованы в Кремле и три вне его стен. Одну террористку пытались устроить в библиотеку Молотова, двух других в библиотеку Сталина.

Военная коллегия признала существование четырех террористических групп, в том числе одной «троцкистской». Только шесть человек признали себя виновными в «террористических намерениях». Двое подсудимых были приговорены к расстрелу, все остальные к разным годам заключения и ссылки. А вот комендант Кремля Петерсон и секретарь ЦИК АVELЬ Енукидзе, человек имевший колоссальную власть, второй человек в ЦИК, точнее, «серый кардинал» при председателе Калининe, остались вне скамьи подсудимых. Почему?

Зина до сих пор не может понять, почему. Почти вся Москва знала, что Петерсон во время гражданской войны был начальником личной охраны наркомвоенмора Троцкого и командиром его бронепоезда. Почти вся Москва знала о моральном разложении и его разгульном образе жизни за счет растрат казенных денег Авеля Енукидзе, о его физическом и моральном растлении малолетних девочек. И вот на тебе – вывернулся! За что его простил тогда Сталин, этого «старого козла-растлителя и растратчика», никто до сих пор не знает. Говорят, что простил его Сталин просто «по старой дружбе». А если так, то тогда незачем зря волноваться Ивану Христофоровичу за старого друга Сталина – Серго, и за себя тоже! Зина помнит тот июль тридцать пятого, когда она, узнав из газет приговор Военной коллегии Верховного Суда по «кремлевскому делу» сказала Ивану Христофоровичу: "Вот видишь, Ваня, как я была права! А ты, дурачок мой мнительный, все переживал за Серго! Ничего не бойся, Ваня, продолжай свое дело и не влезай в политику, время сейчас работает на тебя, ты нужен как никогда этому времени!"

Кардиограмма № 11/37 («у нас всё спокойно»):

И время действительно работало тогда на Ивана Христофоровича, разумеется, работало в лучшую для него сторону. В самом деле, год тысяча девятьсот тридцать пятый был для Ивана Христофоровича самым «урожайным»: в феврале Серго неожиданно сделал его своим вторым (после Пятакова) заместителем и Иван Христофорович Айдинов автоматически вошел в высшую партийную номенклатуру страны. Ему был выделен служебный автомобиль, его прикрепили к ведомственной спецполиклинике и Кремлевской больнице, к специальному ателье, а самое главное – к спецраспределителю продуктов питания! Зиночке и её маме уже не надо было бегать по магазинам, продуктовые наборы привозил шофер Ринат.

В этих наборах было всё, что душе угодно – от парного мяса и свежей стерляди до спиртных напитков. В них было то, что до этого Зина, её родители и сам Иван Христофорович за долгие годы лишений окончательно успели забыть, или вообще

не знали –трепанги (голотурии), мидии, копченый угорь и эти, жареные, мерзкие на вид, как их зовут... ах, да!... миноги! Были там и кальмары в собственном соку, с жуткими белыми и светло сиреневыми щупальцами (бр-р-р!) – их не ели, отдавали дворничихе-татарке, точнее её мужу Савелию, который под водку мог съесть всё, что угодно, хоть собственную кепку.

Наступила совершенно иная, совершенно фантастическая жизнь, за которую было не жалко еще раз пройти тот тернистый путь, который прошел Иван Христофорович, развивая индустриализацию всей страны.

Да, ничто не даётся в этой жизни даром, и не прав, ой, как не прав был пролетарский поэт Владимир Маяковский, когда писал не свойственные ему пессимистические строчки: "Эта жизнь для счастья мало оборудована!" А ты её возьми и оборудуй для счастья, не дожидаясь, когда за тебя это сделают другие! А то, как столкнулся с трудностями в жизни, так сразу же и покончил собой. Нельзя так. Жизнь – это борьба и труд, самоотверженный труд!

Но это ещё не всё, через две недели после назначения, Серго вручил Ивану Христофоровичу ордер на вселение в четырех комнатную квартиру по Хохловскому переулку в доме № 11 вблизи Покровский ворот.

Серго, вручая Ивану Христофоровичу ордер на квартиру, сказал ласково: "Бэри Вано, бэри! Это тебе за Бобрикстрой, за Лисичанск, за Дорогомилловский завод и за завтрашний Экибастуз! Нэ стэсняйся, Вано, ты честно заслужил свой угол, пора и тебе пожить нормально".

На косметическую ремонтную доработку квартиры, внутреннюю реконструкцию, и её окончательное обустройство ушло чуть больше месяца, срок сравнительно небольшой, но Зина сгорала от нетерпения: когда же, когда, наконец, она будет жить в настоящей квартире?! Не раз она порывалась посмотреть дом в Хохловском переулке, но Иван Христофорович умолял её этого не делать до самого дня въезда, он хотел сделать Зине сюрприз.

И, наконец, в конце июля этот день вселения наступил, Зина никогда его не забудет! Это было что-то невероятное и невообразимое, точнее сказать, нереальное на фоне суровой реальности тогдашнего советского быта.

Новое жильё трудно было назвать жильем, это были настоящие хоромы сверх богатых людей, даже харьковский дом её первого мужа, князя Львова, не шел ни в какое сравнение с этим особняком. Да, ремонтно-строительное управление и отдел капитального строительства наркомата поработали здесь на славу!

Когда Зина с замирающим от восхищения сердцем стала вместе с родителями подниматься по мраморной лестнице на второй этаж, то отец Петр Исаакович робко толкнул её в бок, и прошептал: "Зиночка, дочурка, может, мы ошиблись адресом?"

Но нет, дверь в квартиру № 9 была открыта настежь, а за ней в прихожей их уже ждали Иван Христофорович, Клейман и Осипов-Шмидт.

Едва переступив порог квартиры, Зина ахнула: над высоким потолком прихожей сияла люстра из молочного богемского стекла, у входной двери, рядом с резной, позолоченной вешалкой-гардеробом, красовалось громадное настенное зеркало в шлифованной с позолотой раме, а на полу лежал громадных размеров кавказский ковер из Ширвана. В самом углу прихожей, не спеша, отмеряли время старинные напольные часы.

Гостиная комната, она же и столовая, была ещё краше, чем прихожая. Основным её украшением был гобелен французской работы "Вода" из цикла «Четыре стихии» по эскизам Шарля Лебрена. По другим трем стенам были развешаны натюрморты из коллекции Ивана Христофоровича, в основном – натюрморты поздних голландцев, которые он приобрел в свою бытность на Украине во время Гражданской войны. В центре гостиной-столовой, как и полагается, стоял длинный обеденный стол и по бокам его двенадцать стульев в стиле позднего ампира, а слева у стены красовался

сервант из Богемии в стиле псевдоренессанса.

Господи, и сама Зина, и её родители, да и сам Иван Христофорович, несмотря на его инстинктивную тягу к классике, ничего бы не поняли в этом нагромождении антики, и не оценили бы по достоинству каждую вещь, если бы не профессиональные пояснения Клеймана и Шмидта.

Что для Зины и для Ивана Христофоровича значила эта «рухлядь старого мира»? Дряхлость и никчемность вчерашнего дня. Так думали многие, все верили в новую жизнь и её новое искусство. Но эти два чиновника сумели не только угодить своему начальнику, но и убедить его семейство в том, что истинная культура – бессмертна, а посему она несет новому времени новые задачи...

-Это не квартира, а какой-то музей, - растерянно сказала Зина, но Клейман перебил её:

-Зинаида Петровна, вы не правы! О такой мебелировке мечтают тысячи советских людей! Одно дело, что многим такое невозможно, и даже не по финансовым возможностям, а по чисто бытовым причинам! Всех нас сегодня заел жилищный кризис. Многие граждане, чтобы иметь просторную жилплощадь, всячески избавляются от громоздкой старинной мебели! Да! Если бы вы видели, уважаемая Зинаида Петровна наши московские мусорные свалки – там сейчас жгут горы старой мебели, и довольно неплохой, скажу вам, жгут даже антик! Ой, Зинаида Петровна, да о чём мы говорим!

В новой квартире оказалось две спальни, одна для мамы, другая для Ивана Христофоровича и Зины. В спальне Зины стояло зеркало «шевалье-глас» (или «псише», как пояснил знаток антиквариата Шмидт) в рост человека на подставке со звериными лапами. Почти половину площади спальни занимала двух спальная, нет, трех спальная широченная кровать в стиле рококо с интарсиями, как пояснил Шмидт, - то есть вставками в дерево из слоновой кости, серебра и перламутра, а также с причудливой высокой спинкой в изголовье, украшенной удивительным резным растительным орнаментом! Ах, Господи, жизнь это, или всего-навсего декорации какого-то исторического спектакля? Зина была в шоке. В приятном шоке. Дай Бог этот шок всякому испытывать. Но для неё он был особенным, двойственным. С одной стороны она была восхищена увиденным, с другой стороны ей не верилось, что всё это великолепие станет составной частью её обычной советской жизни, как у всех, и в то же время не как у всех. Ну как бы это сказать! Ну, нет, нет слов! Да!

У кровати, точнее сказать, у королевского ложа, стоял табурет-банкетка (с ума сойти!) с мягким сиденьем из старинного камчатого бархата и тоже в стиле рококо и тоже из Богемии. Там же в спальне высился расписной двухстворчатый шкаф и комод в стиле «буль», а на комод, в кроне фарфорового, с золотыми листьями дерева, уютно расположились часы с пасторальной сценкой из Мейсена. Пастушок держал на поводке собачку, а девушка нежно гладила беззащитную робкую овечку. Всю противоположную стену спальни занимал гобелен под странным названием "Игра в жмурки" из цикла «Сельские увеселения», исполненный, как пояснил Шмидт, по картону Казановы.

Шмидт и Клейман были основными консультантами, которые как бы сдавали свою работу по внутреннему оформлению квартиры самой Зине, а не главному хозяину таких роскошных палат – Иван Христофорович следовал за ними как обычный экскурсант.

-Обустроивая эту квартиру, Зинаида Петровна, мы исходили из эстетических, так сказать, вкусов вашего супруга. У него и кабинет в Наркомтяжпроме, как вы заметили, состоит только из старинной мебели. Он у вас почему-то не любит современную казенную, примитивную мебель, - шептал Зине на ухо Шмидт, а Клейман ему поддакивал:

-Ой, да, Зинаида Петровна, вашему мужу так сложно угодить! То он хочет, чтобы был ампир, то ему подавай модерн начала века, в духе «югендстиль». С ума сойти!

-«Югендстиль» я тут пока не вижу, но что касается антикварной мебели, то тут, дорогие мои товарищи, мне кажется, что вы допустили перебор. Вы, что опустошили все антикварные магазины Москвы? – спросила Зина своих консультантов.

-Не совсем так. Очень даже не так! –почему-то обиделся Шмидт, а Клейман его поддержал: - В антикварном магазине, Зинаида Петровна мы закупили, и то почти задарма, только люстры, светильники и зеркала из богемского стекла, а что касается мебели, то вся она – из так называемого реквизита Камерного театра Таирова. Да, не удивляйтесь, дорогая! У Александра Яковлевича этого добра сверх меры, наши доблестные чекисты в этом случае переусердствовали, завалили мебелью весь театр: ни пройти, ни пролезть! Да! Ему этот антик абсолютно не нужен, он ведь сейчас ставит «Оптимистическую трагедию» Вишневского, где одни матросы и палуба корабля, без всяких там, пуфиков, комодов и буфетов, там орудийные башни и тупые рыла пушек! Да и еще, Зинаида Петровна, Александр Яковлевич был безмерно рад, что освободился от этого «тяжелого реквизита» и заполучил от нашего наркомата определенную сумму. Да, этой суммы вполне хватит Александру Яковлевичу на изготовление новой, оригинальной декорации для нового спектакля о революционных матросах... Вот так в жизни бывает: не только из масла делаются пушки! А то тоже мне, умники нашлись, – «пушки вместо масла», Зинаида Петровна, смешно! Ха! Ха!

Тогда она верила Клейману, а сейчас у неё другое мнение: не брал, не брал Клейман антикварную мебель у Таирова, а взял её по разнарядке со склада НКВД, где такого добра после конфискации пущенных под расстрел было с избытком...

Зина тогда долго и охотно смеялась, ей нравились рассуждения во всех отношениях умных и находчивых подчиненных Ивана Христофоровича. И радовало Зину то, что все эти вещи и мебель были приобретены её мужем, как бы лучше выразиться, для их же сохранности, ибо кто, как не такие люди как Иван Христофорович, могут донести для будущих поколений такие... такие... артефакты!

А Шмидт и Клейман, перебивая друг друга, продолжали информировать Зину:

-Зинаида Петровна, вы не волнуйтесь и не переживайте. Данная мебель обошлась вам намного дешевле новой. Можно сказать, что она досталась вам даром. Да! Вот и товарищ Клейман не даст мне соврать, подмосковные мусорные свалки просто завалены грудями старой мебели, в основном, конца прошлого и начала нашего века. Но, извините меня старого еврея, не мог же я, так глубоко уважающий вашего супруга, взять и притащить в эту роскошную квартиру старую рухлядь с мусорной свалки. Еще чего не хватало! Если уж брать, то брать вечное! Разве я не прав, Зинаида Петровна?

Тогда за Зину ответил её отец Петр Исаакович:

-Зиночка, дочурка, товарищи говорят трезвые вещи. Да, если брать, то натуральное, вечное, самое ценное. А новое, Зиночка, еще должно пройти проверку временем! Новое должно стать старым и добротным...

Господи, всё было как во сне. И было ли это счастливое прошлое вообще, уж не сон ли оно? Может оно сегодня для неё - зряшное и пустячное, но все-таки прошлое! Тогда Зина почему-то воспринимала повседневность всерьез, навсегда и навечно. Глупая, глупая, глупая наивная женщина!

Она тогда принимала от подчиненных мужа свой «жилищный объект» чуть ли ни на уровне начальника главка, а её муж Иван Христофорович ходил за нею следом и скромно молчал. Ходил как мальчик и почему-то виновато улыбался.

А вот оформление кабинета Ивана Христофоровича Зине уже тогда очень даже не понравились. А почему? Почему, она тогда и сама не знала, наверное, чувствовала, что здесь что-то не так, что-то не в порядке. Ах, это сложно объяснить!

Нет, её вполне устраивал добротный, двух тумбовый, письменный стол и кресла к нему в стиле ампира и даже кресло для отдыха в стиле рококо, спинка которого была обита гобеленом, где был изображен юноша бросающий зерна голубям и розы... свиньям!

Зину вполне устраивал книжный шкаф богемского мастера в стиле позднего ампира и кабинет для хранения бумаг, рукописей и документов. Ладно, Господь с ней, с этой мебелью!

Но Зине очень даже не понравилось, что Иван Христофорович над своим рабочим столом повесил эту страшную картину Айвазовского под таким символическим названием: «Шхуна "Надежда" терпящая бедствие у берегов Тавриды».

Лучше бы он вместо этой жуткой картины повесил себе гобелен из приключений Дон-Кихота, который отдал её старикам! Но куда там! Он заупрямился и сказал ей, что эта картина Айвазовского – его талисман и чуть ли не фетиш. Он сказал ей тогда, печально усмехнувшись: "Тот, кто любит море, должен полюбить и бурю". Тогда она эту фразу приняла как обычный афоризм, но сегодня здесь, в лагере, эти слова для неё звучат символически...

А картина Айвазовского и в самом деле была ужасной. Она не оставляла у зрителя никакой надежды на спасение несчастных моряков, бедняги в последние минуты, перед тем как их шхуне врезаться в скалы, отчаянно цеплялись за фок-мачту, в слепой надежде на то, что её обломки защитят их от удара о скалистый берег! И эти ужасные лица-маски погибающих людей – все одинаковые, у всех одним мазком прописан отчаянно раскрытый, исторгающий последний вопль, рот и узкие, уходящие вниз щелки глаз...

Мало этого, Иван Христофорович под этой картиной Айвазовского почему то повесил фотографию Серго с дарственной надписью, а рядом с ней литографию портрета английского химика-органика Уильяма Генри Перкина!

Как пить дать, сошел с ума её Ваня! Зина сразу же сказала ему: "Убери подальше, убери в чулан эту картину! Плохая она! От неё веет бедой!" А Ваня ни в какую, Ваня заупрямился: "Нет, не убери, "не убери свой чемоданчик", этой картине нет цены. Зина, да будет тебе известно, эта картина – итог жизни великого мариниста!" - "Ах, ах, ну и что? Убери её, Ваня, умоляю, убери подальше в чулан, там её место!"

Так она тогда морочила душу Ивана Христофоровича. А вот сейчас, здесь в лагере, она уже и жалеет об этом. Кто сказал, что она, Зина, тогда была умнее и прозорливее Ивана Христофоровича? А может он, как никто другой, уже тогда внутренне чувствовал уродливые метаморфозы своего времени? И кто скажет, что они не коснулись тонких фибр его души?

И всё же, почему, почему тогда Ваня эту картину не убрал? Это ей, Зине, до сих пор неизвестно. До сих пор для неё это остается самой главной тайной. Ладно, это его дело!

А квартирка то была замечательной! Жить и жить бы здесь припеваючи, суетную жизнь не замечаючи! Но Иван Христофорович отчего-то всему этому великолепию особенно не радовался...

-Ты чего нос повесил? - спросила его Зина, а он ответил ей с какой-то тревогой в голосе:

-Не знаю, Зиночка, что и сказать, но мне кажется, что это всё – и роскошная квартира и мебель, и все остальное – всё это не моё, а чужое, и я сам здесь не хозяин, а как бы временный постоялец в гостинице... Чужой я здесь.

-Да будет тебе! Не городи чепухи! Всё образуется, всё наладится, скоро мы обживем свое новое гнездышко и эту старинную мебель. Пройдет время и всё это будет нашим! Вот увидишь!

-Не знаю, Зина, не знаю, пройдет ли. Душа почему-то, болит, Зина...

-Ты просто устал, Ваня, жутко устал. Тебе нужен отдых. Давай поедem с тобой в августе в Сочи, покупаем в море, повалеemся на пляже. А? И весь твой сплин как рукой снимет!

-Это не реально, Зина, очень много работы, в будущем году я должен запустить еще шесть новых химических заводов.

Что ещё было, что произошло из чего-то необычного в этом нервном и непредсказуемом тридцать пятом году? Ах, да было. Было. Грохнулся о землю самый большой в мире восьмимоторный (агитационный!) самолет, и погибло при этом восемьдесят восемь человек! Мало это или много?

Зина после всего пережитого даже сегодня не может оценивать масштаб жертв. Ну, согласитесь, с той же самой Зиной, войдите в её положение, в её душу: ну как можно оценивать цену великого будущего на сотни или даже тысячи жертв? Нет, и еще раз нет! Когда речь идет о великом и светлом будущем, счет должен идти даже не на десятки тысяч, и даже не сотни тысяч, а на миллионы. А вы как хотели?

Вчера всё казалось иначе, а сегодня по иному. Натe, выкусите! Такого морально оформленного грабежа в мире нет! Дорогие товарищи, вы ошиблись, и, поняв свою ошибку, вы бросились в объятия воров-уголовников, тех, кто давным-давно питал к вашим отцам и дедам паразитическую ненависть, ненависть к своему народу, который питал вас и кормил. Кормил?

Зина, а за что этот народ кормил этих тунеядцев? А? А за то, что они чиновники! Ни за что! – вот ответ. Ой, да ладно, Бог с ним, с этим уходящим годом, не надо гневить судьбу - всё в этой жизни было хорошо, а в новом, тридцать шестом году – вообще всё было прекрасно! А знаете почему? А потому, что Серго Орджоникидзе всегда был щедрым на подарки.

Зина хорошо помнит тот вечер, когда Иван Христофорович явился поздно домой и заплетающимся от алкоголя языком, произнес:

-Женушка, дорогая, а мне сегодня Серго подарил легковую автомашину. Да! «Форд» последней модели. Да. Но я не могу её водить! Что делать? Ума не приложу! Зачем она мне, когда есть служебная? Ах ты, черт! Ах ты, черт! Что делать- то, Зиночка?

-А ничего не делать, Ванечка, - ответила тогда Зина и добавила жизнеутверждающе: - Дорогой мой, не ломай себе голову. Я сама постараюсь срочно окончить шоферские курсы, а потом буду тебя, голубчик мой, катать по всей Москве...

-Зиночка, а тебе это нужно? – спросил тогда её Иван Христофорович.

-Что нужно? – не поняла его тогда Зина, и добавила: - Не нужно радоваться жизни, да? Да как ты, дурачок мой, не понимаешь, что это же всякому понятно, мы сейчас можем ездить на дачу Серго на своём собственном автомобиле! Это же чудесно! Иметь свой автомобиль – это же прекрасно!

Да, автомобиль был не новым, но и не устарелым, при том он имел запчасти, а это самое главное! Автомобиль был надежным и мог служить нескольким поколениям. Напрасно, напрасно, Иван Христофорович печалился тогда: чему и о чем тогда печалиться ему было? А? Господи, его бы печали да другим людям!

Партия и правительство, как могли, так и отблагодарили своего гениального инженера-химика, а он, видите ли, чем-то недоволен?

- Ваня, Ваню, милый, ну что тебе ещё нужно, милый Ваню? Тебя признали, тебя оценили, а ты? Отчего нет прежней, доброй улыбки на твоём ясном лице, отчего угрюм твой взор, Ваню?

А что было потом? Что было после всех этих благ, которые делают жизнь человека надземной, чуть ли не над-всемирной, окунают его в совершенно иные сферы бытия и утверждают в нем глубокую уверенность в своей непогрешимости,

таланту, умении?

Была, была тогда сладость власти, чувство своего превосходства над остальными. И это сейчас грешно отрицать. Мало этого, окружающие Зину и её мужа всячески способствовали, чтобы и она и он могли выглядеть на фоне других серых граждан личностями яркими и неординарными. Было, Зина? Да, было! И, видно, ты тогда думала, что всё это тебе так сойдет? Нет, дорогая! Нет! Вот и наступила расплата, и шхуне «Надежда» уже нет никакой надежды на спасение! Расплата за что? Никто не знает, и ты, Зина, тоже не знаешь! И виновной пред всеми ты тоже не можешь себя считать!

Ну, не можешь, не можешь, ты быть виновной пред Господом Богом только за то, что ты не умирала с голоду и не ела трупы собственных детей! И разве можно в ином мире отвечать за бесчеловечные законы этого жестокого мира? Раз повелось в этом мире живому сжирать живое, значит и незачем вякать всяким двуногим хищникам о всеобщем милосердии. Разве не так? Так! Так и скажем Господу Богу своему. Так и скажем.

Зина, милая, златокудрая Зина, а что было потом? Ах, потом было нечто ужасное и непонятное. Нет, не надо нагнетать жуть. Страна жила своей жизнью.

В тысяча девятьсот тридцать шестом году Валерий Чкалов совершил беспосадочный перелет Москва—Северный полюс – Ванкувер (США). Какой был тогда восторг, казалось, что советский человек покори́л весь мир, а может и всю Вселенную.

И было ещё в этом году событие, на первый взгляд и незначительное, но, как потом выяснилось, весьма даже значительное для Зины и всего её семейства, и в первую очередь для Ивана Христофоровича.

Летом 1936 года Генриха Ягоду на посту наркома внутренних дел сменил Николай Иванович Ежов, который, как говорили сведущие люди, вообще не имел ни малейшего опыта чекистской работы. Знавшие его по работе в аппарате ЦК люди характеризовали Ежова как человека тихого, скромного и внимательного. Правда, как позже выяснилось, когда к нему стала попадать власть, он проявлял и иные черты - высокомерие, грубость.

Ну да ладно, а причём тут Иван Христофорович?! А притом, уж Зина сейчас это знает! При Генрихе Ягоде её мужу было жить безопасно, глава НКВД и его влиятельный заместитель Фриновский были довольно близкими приятелями Ивана Христофоровича, которые не раз и не два спасали своего друга, «химика-меньшевика» от партийных чисток. А вот сейчас власть меняется, и кружится, кружится около наркомата тяжелой промышленности свора агентов нового наркома, этого, прибывшего из Закавказья чекиста-менгрела Лаврентия Берия. Тогда это казалось Зине обыденным – у каждого человека, и у чекиста тоже, своя работа. Меняются начальники, а суть работы ведомства остается прежней...

Пожалуй, сейчас нельзя точно определить точку отсчета, с которой началась гибель Ивана Христофоровича. Ни один человек не может сказать, когда был определен миг смерти марафонцу известившему победу греков над персами, на финише или на последней стадии. Не дано нам знать на какой стадии откажет сердце бегуна (оно уже остановилось, а человек ещё бежит!), не дано нам знать, на каком километре откажут тормоза у гоночного автомобиля, мчащегося по горному серпантину, или откажет мотор у заходящего на посадку самолета...

Взять хотя бы того самого Валерия Чкалова, который «даже на палке мог летать, хоть под Троицким мостом, хоть над Северным полюсом». Чуть ли не заговоренным везунчиком он был, но и его гибель зарождалась, может быть, задолго, далеко задолго до своего последнего в жизни испытательного полета. Сколько в новом истребителе И-180 было обнаружено не устраненных дефектов? Всего около полсотни? Господи, а почему так мало? Всё по воле Бога, говорили старые люди,

всё в руках героя говорят сейчас. Много было в этом истребителе недоработок, много огрехов, может и больше чем полсотни, однако Чкалов взлетел, хоть и был страшный мороз.

Значит, всё, всё было заранее кем-то рассчитано: взлетишь, но благополучно не сядешь! По дороге Чкалов встретился с Коккинаки – и покачал ему крыльями в знак приветствия. Потом покружился над дачей Сталина в Кунцево, сделал несколько виражей и полетел на аэродром на Ходынском поле. Машина вела себя превосходно, послушно, но, не доходя четырёхсот метров до посадки, вдруг заглох мотор, самолет стал падать. Погасла счастливая звезда Чкалова, везение не может быть бесконечным, если твою судьбу определяет власть, а власть, как известно, идет от самого Бога.

Никто не был тогда наказан за гибель Чкалова. А, между прочим, в то суровое время вполне можно было бы отыскать дюжину другую врагов народа. Правда, ходили слухи по зоне о том, что через два дня после авиакатастрофы ведущий инженер по испытаниям, который дал «добро» Чкалову на вылет, при странных обстоятельствах выпал из пригородного поезда. Может быть, может быть.

А ещё говорят, что новый истребитель, который испытывал Чкалов, и в подметки не годился немецкому «мессершмитту», плохим якобы был этот самолет, его даже сам Чкалов не мог «научить» летать. Кто знает. Сейчас многое что говорят, а Зина по этому поводу, да и по другим, уже думает совершенно иначе.

Можно быть маршалом Красной Армии, можно быть ассом в небе, уметь летать даже на метле, а при этом быть плохим дипломатом, не уметь в нужный момент изящно шаркнуть ножкой по паркету и выразить при этом неподдельный восторг перед высоким начальством. Тут всякое может быть.

Сейчас Зине кажется, что смертный отсчет Чкалову уже определился за год, и нигде ни будь, а в Кремле, на торжественном приеме, где Чкалов появился не с женой Ольгой, а с женой самого наркома внутренних дел Ежова, с рыжеволосой красавицей Суламифью. Ах ты, господи, прости и помилуй. Кто знает, может, грозный нарком и разрешил своей женушке немножко пофлиртовать со всемирно известным летчиком? От неё, как известно, не убудет, а вот наркому благосклонность Сталина стала ох как нужна! Может и так. Но в то же время очень многие знали, что Сталин очень увлечен этой рыжеволосой Суламифью. А раз так, то наркому грозного ведомства, уже почуявшего опалу, выгоднее было бы видеть рядом со своей женушкой не какого-то там выскочку Чкалова, а самого Хозяина...

А что Чкалов? Он, мало что заявился на званый ужин с чужой женой, он еще наглец, взял да и выпил с великим вождем на... на брудершафт! С ума сойти! Все на этом торжественном ужине были очень даже шокированы, и Зина тоже. Ну, ладно если бы этот, чертов брудершафт, исходил от самого вождя, ладно, если бы всему этому была какая-нибудь веская причина, вручение ордена или почетной грамоты ЦИК, а то ведь, ужас, уму немыслимо!

Зина, как сейчас помнит тот момент, когда товарищ Сталин подошел к Чкалову и предложил тому выпить за его здоровье. А тот, что тот ему ответил? А Чкалов ответил: "Спасибо, оно и так у меня прекрасное. Давайте лучше, Иосиф Виссарионович, выпьем за ваше здоровье". Каково? Все так и ахнули. Разве можно так?! А Чкалов не унимается, предлагает Сталину выпить на брудершафт, сам пьет рюмочку Сталина с минеральной водой, а Сталин должен пить водку из его фужера.

С ума сойти! Нельзя себя так вести запанибратски с самим вождем! Вот вам и произошел брудершафт Валерия Чкалова со Смертью! Да! А вы что не согласны? Господь с вами! Ведь всё совпадает и все самоопределяется. А возьмите судьбу того же самого маршала Тухачевского. Кто знает, может, и помиловал бы Сталин его после знаменитого процесса «заговора военных», если бы не этот дурацкий турнир по вольной борьбе на ужине в Кремле. Разве мог Сталин простить Тухачевскому тот,

на первый взгляд, чисто мальчишеский поступок, когда красавец-маршал, разгоряченный вольной борьбой и спиртным, взял и сгреб в охапку тщедушного Сталина и поднял вверх на вытянутых руках. Разве такое великому вождю понравится? Вот и схлопотал лихо себе этот бравый вояка по полной катушке. Может Зина ошибается, а может, и нет, кто знает. Отсюда, от якобы дружественных на первый взгляд отношений между холопом и господином идет беда и погибель дерзостного раба, посчитавшего себя равным во всех отношениях с властителем.

Но одно дело – Чкалов и его судьба, другое – Иван Христофорович, его жизнь и конец карьеры. У Чкалова социальное и политическое прошлое было чистым, он был просто баловнем судьбы, человеком случая в большой политической игре: страна тогда нуждалась в героях, и Чкалов, этот «воздушный хулиган», стал одним из них.

Да, Чкалов мало жил, но жизнь его была яркой и свободной, он стал легендой самой свободной страны в мире, он никого не боялся – ни Сталина, ни его окружение, ни перед кем ни заискивал, высшие награды страны принимал как должное, со всеми был на равных. Вот что главное в жизни любого человека!

А Иван Христофорович всю жизнь боролся за своё место под солнцем, не полагаясь на случай или людей, а только на самого себя, на свой ум, упорное трудолюбие и постоянное самообразование, накопление универсальных знаний. Иван Христофорович, по сути своей, был свободным во всех отношениях человеком только до 1917 года. А после революции, как сейчас выясняется, он перестал быть самим собой, стал во всем зависеть от многих разных, в политическом отношении случайных людей. Эти властительные покровители, ощущая себя калифами на час, вели жестокую, бесчеловечную политику нагоняя ужас на всё общество и на своих приближенных в том числе. Как только Иван Христофорович связал свою жизнь с ВКП(б), так сразу же стал жертвой Великого Страх.

Сейчас Зина понимает, что за внешним видом этакого работоспособного бодрячка, оптимиста-хозяйственника и ученого, скрывался человек насквозь пропитанный тайным страхом перед новой жизнью. Боязнь людей, постоянная напряженность в общении с ними, страх перед партийными чистками по первой и второй категории, страх перед повесткой в суд в качестве свидетеля по судебному процессу об очередных вредителях, шпионах и растратчиках – всё это не могло не сказываться на самочувствии Ивана Христофоровича. И не потому ли, как сейчас думает Зина, что её славный муж Ваня стал стремительно стареть, лысеть, дряхлеть так рано именно в самом конце двадцатых годов?

Было, было в прошлом Ивана Христофоровича много такого, чего стоило бояться и что в любой момент могло ему напомнить о себе через какой-нибудь донос любого тайного или явного недоброжелателя, вызвать в душе большой смертельный Страх. Нет, не одно меньшевистское прошлое тяготило Ивана Христофоровича, не оно являлось причиной его постоянных страхов. Были и другие причины, которые питали его большой Страх и связаны они были с проблемой выживания: на что ни пойдет человек, какие преступления ни совершит, чтобы выжить? Один, ради этого убивает и грабит, другой ворует, третий предаёт, четвертый занимается сомнительным бизнесом, то есть особой "цивилизованной" формой ограбления своего ближнего...

Особенно боялся Иван Христофорович «вредительских» дел, которые в ту пору были широко распространены. Их пик пришелся на 1928-1931 годы. Только за тридцать первый год на Особом совещании ОГПУ и его коллегии было рассмотрены дела что-то более двух тысяч с половиной человек, в их числе около сотни профессоров, более шестисот экономистов, агрономов и ветврачей, но в основном инженерно-технических работников. В их числе в любой момент мог оказаться и Иван Христофорович – инженер-универсал, химик-практик и активный хозяйственник-организатор.

Очень удручало Ивана Христофоровича то, что многие судебные процессы начинались с экономических обвинений подсудимых, а заканчивались политическими. И в самом деле, было бы это не в советской России, а в Российской империи, то такому ходу судебных дел можно было бы только радоваться: лучше быть политическим заключенным и иметь все привилегии политического, чем уйти на каторгу обычным уголовником-казнокрадом или финансовым жуликом!

Но сейчас то наступили другие времена, другие законы, иные нравы: сегодня лучше уйти из зала суда на три года в лагерь за экономическое жульничество, чем быть обвиненным в политическом инакомыслии и получить пулю в затылок! Но намного реже было и наоборот, человека хватали за растрату, а потом оказывалось, что он закоснелый вредитель и враг советской власти. Но такое случалось редко.

Обвинения, как смутно помнит Зина, были самые разнообразные – от откровенно смехотворных, до заслуживающих серьезного внимания. Но бывали случаи, что так называемые смехотворные обвинения заканчивались для подсудимых довольно трагично. Нельзя из подсудимого делать объект юмора, как нельзя этого делать из акта рождения или смерти человека. Так Зина сейчас думает об этом, и так именно, будет думать всегда. И на всю жизнь, после всего пережитого, у неё никогда не будет на лице возникать улыбки, когда она будет читать "Золотого теленка" Ильфа и Петрова. Ах, ладно, это всё будет потом.

Именно потом Зина замкнется в себе наглухо как улитка в раковине и никому, даже близким родственникам не будет открывать свой души, мыслей, чувств. А зачем, разве они не пройдя скорбные пути мои, поймут меня? Никогда! Пусть живут мои родственники и дети, и внуки своим временем, своими правилами и моралью. А те прошлые годы? Кто их осмысливал самостоятельно, без учебников и без идеологических клише? Считанные люди, да и те были глубоко несчастными.

Смехотворные дела. Было, было на памяти Зины, одно такое «юморное» дело, когда одного из сотрудников управления "Главугля" по доносу его соседа по коммунальной квартире сотрудники НКВД, взяли под арест только из-за того, что он со своими гостями и родственниками «разговаривал шепотом»...

Кто сейчас знает, какие показания под давлением следствия давал этот насмерть запуганный, а может и психически не совсем нормальный гражданин?

«Смехотворные обвинения иногда заканчивались тремя и выше годами лишения свободы и реже – оправданием, серьёзные дела – десятью годами лагеря или расстрелом. А кто тогда определял степень «серьезности» дел? Опытные юристы, граждане непорочной совести? Иногда ими были те, кто пошел на службу новой власти и безоговорочно принял её новую мораль, а чаще всего типы, которые раньше имели полное разногласие с Законом.

На таких процессах свидетель обвинения мог легко стать в один ряд обвиняемых, а дело о растрате государственных средств моментально, в ходе следственного процесса, становилось политическим. Иногда всё зависело от круга знакомых и связей подсудимого, иметь родство или даже мимолетное знакомство с чекистом решало главное –жить тебе или не жить.

Некоторым таким «чужакам» везло. А тем, кто стоял на своем, на своей невинности, защищая свою честь и честь семьи не везло, – таких под любой статьей расстреливали. Новой власти не нужны были люди старой чести. Что она? Так себе, хлам.

Были ли у Ивана Христофоровича, кроме комбрига Бессонова, «свои люди» в НКВД? Вчера об этом было сложно рассуждать, а сегодня Зина может вполне ответственно утверждать, что её муж имел самые тесные контакты с влиятельными руководителями НКВД. Может быть даже и с самим Генрихом Ягодой? Может быть. Какими они были, теплыми или деловыми, трудно сказать, скорее – деловыми, ведь Иван Христофорович как химик-практик неоднократно давал свои консультации по

оборудованию Особой Химической лаборатории при НКВД СССР. Известно всем и всегда, что иногда великий ученый или художник, соприкасаясь с властью, идет на сделки со своей совестью.

Кто знает, может быть поэтому, Ивану Христофоровичу удалось избежать нескольких чисток партии. Но, вспоминая конец 20-х годов, Зина уже не сомневается в том, что судебные процессы над "«вредителями и шпионами»" очень даже тревожили её мужа и отрицательно сказывались на его нервном состоянии.

Раньше, то ли по молодости, то ли по глупости, а скорее всего из-за своей занятости, Зина не замечала особой связи между каким-нибудь громким судебным процессом и нервным состоянием Ивана Христофоровича, его подавленным тревожным настроением, глубоким пессимизмом, некоей отрешенностью от реалий мира. Раньше это унылое настроение его духа она объясняла, прежде всего, как результат чудовищной его работы на износ.

А сейчас Зина думает иначе: кроме обычной работы на износ, ещё, оказывается есть и работа совести на износ, это когда наступает плач ума и болезненное сокрушение души...

Припомнилось Зине по этому случаю из той далекой поры прошумевшее на всю страну «Шахтинское дело».

Весной 1928 года в советской печати появились сообщения о разоблачении «крупной вредительской организации в Шахтинском районе Донбасса»...

Как говорилось в официальном сообщении прокурора Верховного суда СССР, была " раскрыта контрреволюционная организация, поставившая себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности района". На скамье подсудимых оказалось свыше пятидесяти человек! Многих из них Иван Христофорович знал лично, с некоторыми в разные времена даже сотрудничал как горный инженер и специалист по химической обработке антрацита...

«Шахтинцам» вменялось в вину создание подпольной антисоветской организации, поддерживающей связь с «московскими вредителями» и с зарубежными антисоветскими центрами.

Московская группа этой организации была создана «шахтинцами» якобы ещё в 1926 году. В неё вошли председатель научно-технического совета каменноугольной промышленности (бывший акционер и директор Ирнинского каменноугольного общества и даже очень хороший знакомый Ивана Христофоровича по Донбассу и Харькову) Лев Рабинович и другие работники наркомата и его планово-финансовых органов...

При этом оказалось, что еще раньше, где-то в 1923 году образовался «Харьковский центр», состоявший в основном из инженеров объединения "Донуголь". Одним из руководителей этого «центра» был Юрий Матов, с которым когда-то Иван Христофорович тоже был знаком и сотрудничал по разработке новых, выгодных, «дешевых» угольных проходок...

Ах ты, Господи, как мир тесен, как прошлое может неожиданно вторгаться в сегодняшние будни! А казалось еще вчера, что прошлое забыто, перечеркнуто раз и навсегда, и нет, и не может быть к нему возврата. Утверждалось, насаждалось и закреплялось в мозгах: забудь своё прошлое! А вот нет, вот оно, это прошлое, и воскресло, и в нем таится твоя будущая гибель.

По данным следствия шахтинскую подпольную организацию со всеми её группами и центрами финансировали Объединение бывших углепромышленников Юга России, французское объединение бывших владельцев предприятий в России и ряд крупных германских фирм, имевших еще в 1919 году свои «русские отделы». Их задачей было –добиться возвращения каменноугольных рудников и горных предприятий прежним их владельцам на тех или иных основаниях, будь то сдача шахт в аренду, концессия или другое...

А для этого необходимы были такие «мероприятия», в результате которых должна была выявиться полная невыгодность, нерентабельность эксплуатации шахт Донбасса. Для этого необходимо было вредительство со стороны старых служащих, инженеров, техников и бухгалтеров.

Перед каждым добровольным вредителем была поставлена конкретная задача – "всячески содействовать иностранным фирмам по получению рудников в концессию", то есть работать не по государственной программе, а по указанию бывших хозяев.

Эти указания были следующими: создавать видимость работы шахт, всячески сохранять в полной неприкосновенности ценные, богатые угольные участки до скорого возвращения хозяев, проводить вредительскую работу при производстве добычи, осуществлять замедление темпов нового строительства, «замораживание» капитальных средств.

Прежние хозяева, разумеется, за определенную плату в валюте, требовали от инженерно-технического состава осуществлять вредительство при импортной механизации и рационализации, то есть всячески накапливать на рудниках большое количество нового механического оборудования и не пускать его в дело до определенного момента.

При этом старым инженерам рекомендовалось восстанавливать и переоборудовать только те шахты, восстановление которых было бы экономически невыгодно советской власти. Специалисты горного дела ни при каких условиях должны были не закладывать новые шахты с мощными слоями угля, проводить ремонтные работы по восстановлению заброшенных шахт из фонда заработной платы шахтеров, всячески скрывать от учета имеющиеся в наличии материалы, а также совершать экономические преступления и наносить непоправимый финансовый ущерб советской власти.

Всё это – хищения в особо крупных размерах, шпионаж, расходование выделенных средств не по назначению и составило тогда точный смысл термина «вредительство».

Так и никак иначе трактовалось «шахтинское дело» в печати тех лет и доводы обвинения были настолько аргументированы, что многие, весьма многие люди, почти все, верили в то, что подавали им центральные и местные газеты. В прессе тех лет сообщалось, что по данным следствия шахтинская группа к началу 1927 года перешла к подрывной деятельности. Участились случаи взрывов и затопления шахт, порчи дорогостоящего оборудования и закупки невыгодных машин, а ко всему этому стало учащаться занижение зарплаты рабочим, стали повсеместными нарушения правил техники безопасности и многое другое, что может вызвать всеобщее недовольство Советской властью.

Процесс по «шахтинской контрреволюционной организации» был самым крупным из всех «вредительских» процессов той поры. Только по Шахтинскому рудоуправлению было проведено около тысячи очных ставок и допросов, а сколько было опрошено свидетелей по «московской группе» и «Харьковскому центру» никто не знает, кроме руководителей следственных бригад.

Иван Христофорович тоже часто вызывался в органы дознания как свидетель на очные ставки и даже на допросы, но при этом важно заметить, что одновременно являлся и научным экспертом-консультантом в области горного дела. После очных ставок и свидетельских показаний он приходил домой смертельно усталым, каким-то разбитым, измученным, в глазах его блуждал страх, который он беспомощно и неумело пытался спрятать за виноватой улыбкой, и за поздним ужином, механически пережевывая пищу, жаловался Зине:

-Ах, Зиночка, как ответственно, как тяжело быть свидетелем и экспертом одновременно! От одного неверного моего термина или необдуманного слова

зависит судьба не только одного человека, но и очень многих. От того, как будет мною составлен акт экспертизы, будет зависеть решение суда – расстрелять данного человека или сохранить ему жизнь. Взять хотя бы факт затопления шахты. Отчего оно произошло? От случайной ошибки во время проходки, из-за чьей-то халатности и поспешности, или же по злому умыслу? Если был злой умысел – то это диверсия, вредительство, политическая статья, и конечно же, расстрел сознавшегося в этом гнусном деянии. Если же затопление шахты или взрыв метана в забое произошли из-за грубого нарушения правил техники безопасности, то человеку отвечающему за безопасность труда шахтеров грозит в худшем случае три года исправительных работ. Но определить истинные причины аварии очень сложно – прошло много лет с момента события, да и времена гражданской войны не прошли бесследно для нормальной работы угольной промышленности. Уголек и притом самый лучший всем был нужен – и красным, и белым, и зеленым и всяким серо-буро-малиновым, вплоть до анархистов и разного бандитского отребья. Многие старые, но ещё перспективные шахты за годы лихолетья настолько были запущены, что даже после их восстановления сейчас уже невозможно работать без аварий и гибели горняков. Да что там долго говорить! Даже новые шахты всякий временный хозяйчик стремился осваивать путем «дешевой» проходки, абы как и тяп-ляп, экономя на самом главном, на крепеже, на рудстойке, только бы поскорей бы хапнуть уголек да не абы какой бурый или волокнистый фюзенит, а самый лучший – глубоинный антрацит!

-Ванечка, дорогой, а ты откажись быть консультантом в этих темных делах, скажи следователям, что за давностью времени могут быть роковые ошибки. Это будет с твоей стороны честно! – убеждала тогда Зина Ивана Христофоровича.

-Я им, Зина, об этом говорил, а что толку? Они же, следователи, мне как опытному практику, как инженеру горного дела представили не только технические архивы тех лет, но и даже... профессиональные доносы горных техников на инженеров- виновников аварий. Каково? А? Не знаю, может, их вынудили донести на своих начальников. Тогда всё понятно. А если они добровольно донесли, чтобы убрать ненавистных "спецов" и занять их место? Понимаешь, Зина, что такое профессиональные доносы?! Этого никогда раньше не было, чтобы наука была фундаментом донощика! Каким же авторитетом я должен обладать, чтобы опровергнуть мнение нескольких сознательных советских граждан-профессионалов? Зина, ну я же не следователь, я же не инженер человеческих душ, чтобы различить истину, чтобы определить в служебной записке какого-нибудь мастера суть его психических и моральных намерений?! Что влияло на человека, когда он составлял технически обоснованный документ на своего друга, сослуживца, начальника или любовного соперника?! Черт их всех знает, Зиночка, этих современных людей! Я уже не знаю, кому верить, а кому не верить! Всюду враги, везде враги! Да! Но и так жить тоже нельзя, если знаешь, что вокруг тебя одни предатели и враги. Зачем тогда вообще человеку жить в этом мире? Я имею в виду, Зина, именно Человека. Ты меня понимаешь, Зина, Человека, а не двуногую скотину, сошедшую с ума однажды обезьяну?! Ох, будьте вы все прокляты! Как же мне тяжело жить среди вас, будьте вы все прокляты!

В 1928 году, Зина уже не помнит в каком месяце, кажется в конце июня, состоялся судебный процесс. Из пятидесяти трех подсудимых-«шахтинцев» 20 полностью признали себя виновными, 10 – частично, 32 человека виновными себя не признали. Четверо были оправданы. Одиннадцать человек были приговорены к расстрелу (шестерым из них Президиум ЦИК СССР заменил расстрел десятью годами лишения свободы). Остальные получили различные сроки наказания. В начале июля 1928 года инженеры Горлецкий, Кржижановский, Юсевич, Бояринов и служащий Будный были расстреляны. Господи боже мой, их знал не только Иван

Христофорович, но и она, Зина, когда она еще была в Харькове и общалась с ними! Вот как в жизни бывает! А в общем-то, все они были на её памяти очень даже милыми людьми, людьми прошлого, доброго века, с которым у Зины были связаны самые светлые воспоминания. Господи, за что караешь ты блудных своих сынов?

Зина до сих пор четко помнит тот вечер, когда Иван Христофорович вернулся с заключительного судебного заседания. Он был, как никогда, мрачен, лицо его было другим, чужим, почерневшим, спадшим. В тот вечер он сам достал из буфета самый лучший выдержанный коньяк, налил его не в рюмку как обычно он это делал, а в фужер для шампанского и выпил залпом не закусывая, и только потом, когда немного просветлел лицом, сказал Зине лениво:

-Мне бы сейчас, Зинуль, что-нибудь перекусить, а? Устал я, Зина. От них, от всех устал я, Зина. Не знаю я как дальше нам жить, не знаю.

-Да будет тебе, Ваня, мучиться, всё, что от тебя зависело, ты сделал, – видишь, четверо подсудимых вышли на свободу!

-Но пятеро подсудимых, Зина, были расстреляны, в общем-то, ни за что! – возразил ей Иван Христофорович и добавил горько: - Ну не было, не было в этом деле никакой политики, была одна сплошная уголовщина, отрыжка НЭПа! Захотелось некоторым инженерам жить так, как они жили при царе, ну, и пошли на экономические преступления. Много, очень много дочерних, жульнических фирм присосалось к угольным объединениям Донбасса. Я уверен, что идеологические обвинения были чисто ритуальными. Я уверен, что наша власть использовала случай и с больной совнаркомовской головы на, кстати, подвернувшихся козлов отпущения перевалила как можно больше последствий экономических трудностей, своего разгильдяйства и бесхозяйственности...

-Ваня, очнись, что ты сейчас мне говоришь? Ты хоть понимаешь, что ты говоришь? И если это так, то объясни мне, за что расстреляли наших общих знакомых? Неужели наша новая власть так жестока? Кто утверждал расстрел этих пятерых? Особый отдел? Кто был в его составе? Сталин? Это он утвердил окончательный приговор?

-Нет, Зина, не Сталин, он как раз таки предложил не расстреливать подсудимых по «шахтинскому делу», он видимо инстинктивно чувствовал, что здесь мало пахнет политикой, а вот Бухарин как раз таки со своими «товарищами» и "голоснул" против предложения Сталина и настоял, чтобы этих несчастных инженеров расстреляли...

-Бухарин? Не может быть! Такой добрый, внимательный, благодушный. А глаза добрые-добрые...

-Да, Зинуль, глаза-то у него добрые, но в этом случае они не имеют никакого отношения к тем глазам, которые являются зеркалом души...

-А зачем, скажи, Бухарину нужно было проявлять не свойственную ему кровожадность?

-Кто его знает! Может он лишний раз решил доказать свою ленинскую принципиальность, а может просто решил намекнуть этим Сталину, что есть в партии еще очень важные фигуры, которые имеют свою большевистскую, идеологическую нравственность, не знаю, Зина. Но поверь мне, я, как старый спец, очень и очень возмущен этим решением Бухарина. Для многих специалистов это лишний повод сомневаться в кадровой линии партии. Да! И не делай большие глаза, Зина. Некоторые мудрые инженерно-технические работники вполне серьезно утверждают, что сегодня в управленческом аппарате страны есть так называемые убойные должности.

-Убойные должности? Что это такое, Ваня?

-Это такая должность, занимая которую по заданию, по назначению партии, руководитель уже изначально обречен на провал, позор и очередное преступление, за которое ему полагается тюрьма или расстрел. Не оправдал надежд партии этот

товарищ. Не раскаялся он, не одумался и продолжал свою вредительскую деятельность, а партия с ним возилась, надеясь, что на новой должности партиец оправдает доверие старших товарищей. А он, что? Он не только не справился с порученным делом, он ещё и вредил. Мерзавцем оказался он, а раз так, то собаке собачья смерть. Тебе понятно, Зина?

Зине это было понятно и в то же время непонятно: в самом деле, зачем партии таким путем освободиться от старых опытных специалистов? Молодую смену нужно долго учить, молодым нужна большая практика, а у кого её проходить как не у старых инженеров? Всё должно, считала тогда Зина, переходить по наследству, плавно, постепенно. Наивная...

Нет Зина с момента ее работы в системе Наркомтяжпрома знала, что в промышленности, как и в военном деле, Советское правительство вынуждено было широчайшим образом пользоваться услугами «спецов», отечественных специалистов. Свои обходились новому государству дешевле, своими инженерами легко было управлять, их можно было понукать, запугивать, наказывать.

Иноземным же специалистам надо было платить высокое, на уровне развитых капиталистических стран, жалование, создавать им, немыслимые в условиях разрухи страны, комфортные условия проживания. Но самое главное: с них нельзя было спросить за выполненную работу так, как со своих специалистов, и ещё: иностранные инженеры терпеть не могли спешку и погонялку: быстрее, быстрее, быстрее, «даешь пятилетку в четыре года»! Они эти лозунги считали идиотскими. По их мнению качество выполненной работы требовало определенной затраты времени, а планирование работы должно изначально исходить из конкретной затраты времени: если пятилетний план можно выполнить за четыре года, то тогда неверно и безграмотно было проведено планирование.

Отечественные специалисты на этот идиотизм Госплана закрывали глаза. Они своё дело в реальности большевистской России знали – это так. Однако было у них два, с точки зрения большевиков, ма-а-а-леньких недостаточка. Во-первых, они, хорошо зная дело, умели организовать его так, что весьма изрядная часть прибыли текла в их собственные карманы. Во-вторых, они хорошо помнили прежних хозяев, которые им создавали достойные инженера условия жизни, многие из них поддерживали с прежними владельцами предприятий связь и старались всячески им услужить как за деньги, так и за будущие блага, ибо в то, что большевики долго продержатся, тогда никто не верил. И в самом ничто так не разрушает мораль и нравственные устои человека как затянувшаяся надолго неопределенность жизни.

А в то время, действительно, советское бытие было неустойчиво, аморфно, и во многих житейских вещах казалось безумным. В те годы никто не ожидал, что Советская власть продержится долго. Ну, не могла, не могла эта надуманная фантазмагория длиться долго! У многих образованных людей расчет был на НЭП, когда у старых хозяев появились новые возможности - получить свои предприятия в концессию или в порядке денационализации, если таковая будет производиться.

Но шло время, безумная власть большевиков продолжалась, а раз так, раз всё в этой жизни неустойчиво и зыбко, значит надо жить одним днем, и старая мораль и честь здесь ни при чем. «Они» с разрешения своего вождя ограбили нас, а сейчас мы любыми способами будем отбирать себе ими награбленное. Именно так и было. Тогда Зина как-то об этом не задумывалась, а сейчас она не смеет бросить камень ни в кого из известных ей в то старых «спецов». Разные среди них были люди – чистые прагматики, но честные душой специалисты-патриоты.

Зина никогда не забудет пьяные (а потому и искренние) излияния одного горного инженера из Лисичанского угольного объединения, который жаловался ей: "Зинаида Петровна, миленькая, вы работаете близ Серго, да и ваш супруг не последний человек в наркомате, скажите им там, в Москве, что негоже ставить во главе шахты

или горнодобывающего объединения неграмотного во всех отношениях большевика, даже если он был героем Гражданской войны! Мы здесь связаны с техникой, с новыми технологиями добычи, с новыми врубовыми машинами! Это совершенно другая область, Зинаида Петровна! Ну зачем нам в Донбассе нужны лихие кавалерийские рубаки?! Скажите им, там, в Москве, что нам нужны руководители-специалисты, а не комсорги и политработники! У меня, Зинаида Петровна, знакомая секретарша в рудуправлении работает, она из бывших выпускниц института благородных девиц, так вот она мне однажды показала написанное от руки распоряжение своего начальника – с ума сойти, на одной страничке мы с ней нашли более двадцати ошибок! Хоть смейся, хоть плачь. Разве можно так издеваться над нами, инженерами? До каких пор, эти в конец безграмотные люди будут руководить нами, издеваться над нами? Что им тут делать? Не лучше ли им уйти инструкторами в ряды РККА и учить молодых кавалеристов новой тактике боя в условиях современной войны"?

Что тогда могла ответить ему Зина? Да ничего, кроме общих фраз, что мол-де скоро всё образуется, и будут в стране новые кадры, которые и смогут поднять угольную промышленность на такую высоту, которая и не снилась их старшему поколению. Общие слова, общие фразы – необходимые условия для убедительной лжи.

Ах, ладно! Был, был за ней такой невинный грех. А за кем тогда не был? Она обещала что-то этому пьяному инженеру, выпускнику Санкт-Петербургского политехнического университета, но и многие тогда, намного выше Зины, обещали полную справедливость всем и во всем, с чем связана жизнь человеческая.

Все лгали, кто искренне, заблуждаясь, а кто из чисто личных, прагматических соображений. И попробуй сейчас разберись в этой лживой, дьявольской кухне. Ах, а раньше всё считалось таким простым и понятным: дорогие мои товарищи, ну, потерпите ещё самую малость, ещё разок напрягите все свои силы, не считаясь ни с чем, и будет, будет вам завтра, обязательно будет светлый день!

И они напрягались и сжигали себя, сокращая свою жизнь, становились седыми в тридцать лет, инвалидами в сорок, и умирали в пятьдесят, считая себя глубокими стариками. Ах, ладно эти мысли, эта философия! Не это главное сейчас для Зины, главное определить линию своей судьбы и своей с Иваном Христофоровичем линию смерти.

А судебные процессы продолжались, и казалось, что страхам не будет конца: когда арестуют, за что арестуют.

Дай Бог памяти, кажется, в начале декабря 1930 года Верховный суд СССР рассматривал процесс так называемого Инженерного центра, или «Промпартии». На скамье подсудимых было восемь видных профессоров, среди них – директор теплотехнического института Рамзин, заместитель председателя сектора Госплана Иконников, заместитель председателя производственного сектора Госплана Ларичев, председатель Научно-технического совета ВСНХ Чарновский и еще четверо специалистов достаточно высокого уровня, среди которых были и знакомые Ивана Христофоровича по науке, точнее по органической химии.

Как сообщалось в газетах того времени, подсудимые обвинялись в создании ими разветвленной сети ячеек в наркоматах (и, о, ужас, в том числе и в Наркомтяжпроме!) и в местных органах власти многих городов, установлении связи с правительствами зарубежных стран через Торгпром в Париже. По данным следствия работа Инженерного центра делилась по двум направлениям. Во-первых, по возможности вести подрывные действия с тем, чтобы ослабить экономику страны, а если удастся, то вызвать экономический кризис. Во-вторых, им нужно было подготовить серию крупных диверсий на тот случай, если интервенция всё-таки состоится. И в самом деле, тогда отношения СССР с Францией, да и не только с

ней, были сложными, ставка на военную интервенцию и подготовка к ней были обусловлены экономическими интересами очень богатых людей из того же самого сверх богатого Торгпрома. Одним словом, Инженерный центр должен был вести нормальную подрывную работу – ослабить государство и тёпленьким сдать заказчикам.

Было ли это на самом деле, и возможно ли восьмерым профессорам, даже очень и очень талантливым инженерам, довести громадную Россию до экономического кризиса Зине до сих пор не верится. Хотя, если вспомнить историю, то там, в далёком прошлом, были, были такие случаи, когда даже самая неприступная крепость, легко бралась неприятелем по вине одного презренного предателя.

Подсудимые по делу «Промпартии» полностью признали свою вину. Пятеро из них были приговорены к расстрелу, однако высшая мера была заменена десятью годами лишения свободы. И снова, как и в «Шахтинском деле», в судьбу обреченных вмешался Сталин, он категорически был не согласен с решением суда и заявил, что такими талантливыми людьми, пусть даже политически и заблудшими, Советскому государству не нужно бросаться.

Не прошло и трех месяцев после суда над инженерами из «Промпартии», как в первых числах марта 1931 года, в Москве начался судебный процесс по делу подпольного «Союзного бюро меньшевиков». На этот раз на скамье подсудимых четырнадцать человек. Среди них опять довольно близкие Ивану Христофоровичу личности – член президиума Госплана Громан, член правления Госбанка СССР Шер, экономист Гинзбург и другие, в основном имеющие отношение к финансам страны.

Они тоже признали себя виновными и получили каждый от трех до десяти лет лишения свободы. Но и тут, в этом уголовном (или политическом?) деле, слава Богу, Иван Христофорович не пострадал. Почему? Загадка. Неужели незримая помощь Генриха Ягоды, а может всего-навсего каприз Судьбы?

К тому же времени относится и дело «Трудовой крестьянской партии», по которому привлекались видные аграрники, работавшие в Наркомфине и в Наркомземе, - Чаянов, Кондратьев, Юровский, Макаров. В отличие от первых двух процессов, ни один из обвиняемых виновным себя не признал. Да и дело это было скорее идеологическое, чем «вредительское». Этим ученых судили не за саботаж и диверсии, а за инакомыслие. Эти чудаки-учёные, мозги кручёные, видели великое будущее России только под руководством трудовой крестьянской партии. Бедняги, за свои утопические идеи они были судимы закрытым судом и были все, до одного расстреляны! За что? За вредительство и диверсии? Нет. За иные мысли, за свои утопические, и, в общем-то, невинные идеи. Суд над «партией» был закрытым. А почему? Кто знает.

Зина только помнит один разговор в тесной компании об этих чудаках-заговорщиках. Кто-то из сослуживцев Ивана Христофоровича высказал своё особое мнение о лидерах «Трудовой крестьянской партии», что они были настолько утопистами, что по своей политике не годились и в подмётки любому, прыщавому мальчику-гимназисту. Но нашелся в их тесной компании один весьма талантливый юный партийный публицист Вовин, который всем собравшимся объяснил смертельную опасность «чаяновщины» как нового вида буржуазной идеологии:

-Нет, дорогие товарищи, глупо и наивно было бы считать этих аграрников просто мечтателями и фантазерами, а самого Чаянова лишь автором повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Все эти так называемые крестьяне-трудовики –это вчерашние кадеты с сегодняшним левацким уклоном. О чем же мечтали эти недобитые левые кадеты? О великой России, где у власти должна быть только одна трудовая крестьянская партия, сохраняющая общинное устройство русской деревни. Каково? Вы можете представить себе хотя бы на миг новую Россию без рабочего класса? Нет! Это дикость какая-то, но дикость

с дальним прицелом, здесь так же ясно и то, что крестьянская община – всего лишь ширма новоявленных кадетов: их истинная цель построить Россию кулацкую! В этой России не должно быть и духа марксизма-ленинизма! Вот в чем заключается опасность «чаяновщины» для всех нас, для советской власти! Вот почему партия так сурово расправилась с этими якобы фантазёрами!

Но Зине уже тогда доводы пламенного партийного публициста не показались убедительными, ей было жалко этих аграриев-мечтателей. А сегодня ей их ещё больше жаль: ни за что пострадали их светлые головушки. Что поделаешь, тогда, впрочем, как всегда и везде, кто-то в органах работал, а кто выслуживался. Вот и пошли судебные процессы один за другим и все под одну гребёнку. Много было процессов больших и малых, закрытых и открытых

В газетах даже появилась рубрика «Из зала суда», она стала неотъемлемой частью всего информационного блока вместе с прогнозом погоды и отчетов областных партийных и профсоюзных организаций. Скоро к слову «вредительство» все привыкли, как привыкают люди к ненастной погоде, живущие на широтах с неблагоприятным климатом. Что поделаешь: такова жизнь! Там где трудовой ударный фронт, там обязательно должны быть диверсанты, вредители, враги.

В начале тридцатых годов кроме многочисленных «вредительских» дел, стало много появляться и чисто «политических»: в то время как троцкисты открыто пошли по пути старых большевиков и занялись откровенно антиправительственной деятельностью, более умеренные из оппозиционеров начали потихоньку готовить снятие Сталина легальным путем. В этом смысле типичной и показательной была история «молодых вождей» - Сергея Сырцова и Бесо Ломинадзе.

Сырцов был любимцем Сталина и в 36 лет он уже был избран Председателем Совнаркома РСФСР. Столь быстрая карьера заставляла многих видеть в нем возможного преемника Предсовнаркома СССР Рыкова, а может быть, и самого Сталина.

Бесо Ломинадзе, первый секретарь Закавказского крайкома партии, в отличие от Сырцова был ближе к левым, чем к правым. Но как говорится, моряк моряка видит издали, оба молодых вождя объединили свои группы в одну и стали претендовать на то, чтобы взять в свои руки управление партией и государством. Выдал их планы один из близких соратников Сырцова, Борис Резников.

Через бывшего помощника Сталина, редактора «Правды» Мехлиса, он сообщил «наверх» о том, что эти две группы установили контакт и решили сместить Сталина любым методом. Дело передали в ЦКК, к нему подключилось и ОГПУ. Однако в целом «молодые вожди» отделались на удивление легко: были исключены из ЦК и отправлены подальше от Москвы на хозяйственную работу. После убийства Кирова, Ломинадзе зная, что многие его друзья по Коммунистическому интернационалу молодежи уже арестованы, по дороге в Москву застрелился. Сырцов же был расстрелян в 1937 года по доносу одного из своих товарищей. Доносчик сообщил вождю о словах Сырцова: "Сталин на костях Кирова мостит дорогу к власти". Так это было, или по иному, сейчас трудно судить, но это Зина помнит со слов самого Ивана Бессонова, вряд ли комбриг эту историю выдумал...

Примерно на это время приходится и дело троцкистской подпольной организации «децистов» во главе с Сапроновым и Смирновым, которые организовали мощные ячейки в Москве, Ленинграде, Харькове, Орехово-Зуево и других городах. Эта мощная организация буквально наводняла своими опасными листовками советские города. В листовках говорилось, что "...теперешние вожди ВКП(б) изменили пролетариату... нынешнее правительство, действующее под вывеской Советской власти, которую оно на деле уничтожило, является враждебным рабочему классу". Во многих листовках «децисты» призывали всех честных и беспартийных большевиков к "устранению руководства, которое способно на всё, только не на

большевистскую политику".

Столь же непримирим был и широко известный тогда Мартемьян Рютин, который уже во всю вел со старыми большевиками беседы о том, что руководство ведет страну к краху. За эти беседы Рютин был исключен из партии и арестован по обвинению в контрреволюционной агитации, но почему-то был освобожден из-под стражи. Освободившись, Рютин создал подпольную организацию – «Союз марксистов-ленинцев». Их манифест – «Рютинскую платформу» – Сталин охарактеризовал как прямой призыв к восстанию, а самого Рютина назвал «контрреволюционной нечистью». Объединенный пленум ЦК и ЦКК, который рассматривал дело «Союза», принял решение об исключении из партии его членов всех, знавших о его существовании (!). А тот факт, что коммунист читал «Рютинскую платформу», уже был сам по себе тяжелым государственным преступлением.

Этим решением не замедлили воспользоваться разного толка провокаторы и доносчики- "гробокопатели", как их тогда называл комбриг Бессонов. Стало опасным для жизни не только читать, но и держать в руках или хранить в своих служебных и личных бумагах листовки «децистов» и «рютинцев». Многие политические доносчики, в порядке мести или корыстных интересов, пытались любыми путями подсунуть эти смертоносные листовки своим жертвам. Многим партийным и хозяйственным работникам, и Зине в их числе, приходилось внимательно проследить движение служебных бумаг и особенно поступление свежей почты, как в само учреждение, так и в домашние почтовые ящики...

Но не только этим был «богат» 1930 год. Всю Москву тогда потрясло самоубийство Владимира Маяковского. Но Зина и её родители восприняли это печальное событие, мягко говоря, почти равнодушно, а её отец Петр Исаакович, прочитав сообщение о самоубийстве поэта, произнес категорично и уверенно: "Доигрался в политику, шельмец! Ведь недаром сказано, что Бог шельму метит! Все они герои, пока рядом друзья с маузером!"

Зина тогда была поражена такой жесткой фразой отца, и он, чтобы не выглядеть в глазах дочери жестокосердным обывателем, рассказал ей о случайной своей встрече с Маяковским у кассы Госиздата. В том году при Наркомпросе РСФСР организовывался ОГИЗ, Объединение государственных книжно-журнальных издательств, в которое вошли крупные издательства, образованные в результате слияния отраслевых издательств с соответствующими отделами Госиздата. Одним словом, был создан громадный, государственный издательский монстр, а касса по выдаче гонораров была одна. Соответственно, образовывались громадные очереди авторов книг за получением гонорара.

В одной из таких очередей оказался и Пётр Исаакович, у которого в ОГИЗе вышла ещё одна медицинская брошюра. Были в этой очереди и авторы новых учебников по математике, физике и астрономии, одобренных Наркомпросом, и даже один философ старой школы, психолог и лингвист – Густав Шпет.

Многие знали друг друга еще с царских времен, с некоторыми Петр Исаакович был знаком лично, особенно с теми, кто проживал в районе Славянского подворья и Исторического переулка, с тем же самым Шпетом и поэтом Городецким.

В беседах очередь шла незаметно, все было тихо и мирно, не открылась дверь и в длинный, полутемный коридор издательства не вошел в распахнутом заграничном плаще с короткой стрижкой верзила. Ни слова не говоря и даже не кивнув головой в знак приветствия, он подошел к голове очереди и молча локтем стоящего у окошка какого-то старичка-математика. Старичок опешил от такой наглости незнакомца, испуганно отшатнулся назад и наступил на ногу стоящего сзади Шпету. Философ и психолог, обошел старого математика и стал легонько оттеснять верзила от окошка кассы.

-Позвольте, господин, позвольте! Так нельзя! - громко и возмущенно произнес

Шпет. –Нужно все-таки уважать людей!

-Не позволю! Мне можно! Я – Маяковский! –огрызнулся верзила в заграничном плаще.

-Ну и что, как вы Маяковский? Вот и ешьте свой кусок конский! Станьте в очередь и не наглейте! – отчеканил Густав Шпет.

К философу присоединилось еще несколько довольно-таки крепких старичков-авторов, они стали теснить Маяковского к выходу. Увы, в тот день в той очереди не оказалось ни одного поклонника творчества поэта революции! Они, наверняка, избили бы эту старорежимную сволочь.

Получив такой решительный отпор, Маяковский громко прошагал к выходу и перед тем как захлопнуть за собой дверь, бросил в сторону возмущенной толпы зловещие слова:

-Ну, контра недобитая, ну, буржуи недорезанные, вы меня еще запомните! Сейчас, через полчаса сюда зайдут мои ребята с Лубянки. Они вас быстро научат советской морали!

-Вот мерзавец! Вот наглец! Вы, господа, видали раньше таких поэтов? Возомнил из себя гения! А сам то всего лишь – косноязычный рифмач-агитатор! А его любовная лирика – это сплошное томление бугая по соседской бурёнке! – еще долго продолжал возмущаться Густав Шпет.

Но Маяковский не пошел на Лубянку, он спешил, ему срочно нужны были деньги за поэму «Хорошо!» и он пошел за гонораром к директору издательства, который знал, кто такой Маяковский и какие у него связи на Лубянке. На глазах у всей очереди секретарь директора ОГИЗа взял нужную сумму у кассира и отнес её вместе с ведомостью наверх для выдачи товарищу Маяковскому...

Стоило ли старичкам-авторам напрасно копыя ломать! Новые времена, новые нравы!

Зина и в юности не была почитательницей стихов этого поэта, а после рассказа отца вообще стала равнодушной к идеологическим виршам Маяковского, который не пишет, а «делает стихи», как плотник штампует дешевые табуретки, чтобы заработать себе на пропитание...

Вот каким сложным было то время! Всегда надо было быть начеку, настороже, следить за каждым своим словом, жестом, поступком, ежеминутно контролировать себя на людях, но при этом не забывать и того, с кем в данную минуту общаешься. Быть и оставаться до конца самим собой так же мучительно трудно, как и быть всегда человеческим. Всегда очень трудно жить, чтобы не лгать ни самому себе, ни другим. Трудно жить не по лжи, но жить по лжи было всегда легче.

Сначала было трудно, а потом стало легко, человек ко всему привыкает и приспособливается к любой обстановке. И когда часть населения начинает жить по лжи, тогда этой части «избранных» было хорошо: тем, кто льстиво лгал, и тем, кто слышал в свой адрес льстивую ложь –первые имели хорошую подкормку, а вторые имели хорошую базу для осознания себя в образе «наполеончиков» разного калибра.

Кардиограмма № 12/ 36 («жизнь прекрасна!»):

Глупо было бы утверждать, что вся жизнь проходила только в одном страхе и недоверии к людям. Были в той жизни и свои радости, была частная жизнь, нормальная жизнь среднего человека. И самыми лучшими годами, как считает сегодня Зина, были годы, которые предшествовали «великой чистке» – 1935 и 1936 годы. Ох, и славное время было для всей семьи Айдиновых! Два года «кардиограмма» была во всех отношениях прекрасной, какой-то незримый ангел-

хранитель витал над самой Зиной и Иваном Христофоровичем! Что бы ни происходило в стране, какие бы политические страсти ни будоражили советское общество, ничто ни в коей мере не задевало и не опаляло смертельным огнем их теплый, уютный и благополучный мирок.

Иван Христофорович, как могучий океанский лайнер был непотопляем и продолжал величественно бороздить воды великого человеческого океана, удивительным образом избегая коварных рифов и айсбергов, расталкивая своими стальными боками хрупкие встречные льдины. Именно в эти два года, несмотря на бесчисленные процессы по делам разного рода вредителей, террористов, оппозиционеров, поиски шпионов и «врагов народа» во всех отраслях хозяйственной и политической жизни страны, и жесточайшую внутривнутриполитическую борьбу, Зина жила по-настоящему счастливой, интересной, насыщенной жизнью. Такой интересной, полнокровной жизнью она не жила даже в царской России, когда была молоденькой княгиней Львовой.

Кажется, что может быть прекраснее молодости, цветущей юности? А вот, оказывается, случается иногда в жизни человека такое вот «запоздалое» по времени счастье, когда приходит оно к женщине не в семнадцать лет, а в сорок! И вспомнила Зина ещё раз фразу Ивана Христофоровича: "Любишь море, люби и шторм". А ведь верно, буря проходит, наступает штиль, и всегда, если хорошо постараться, найдешь тихую гавань, где можно всегда укрыться от самого страшного шторма. Но самое главное, не нужно бояться шторма, ещё лучше не обращать на него внимания, продолжая делать своё дело.

Зина так и делала. Она стала жить своей жизнью, брать от неё все блага, которые свалились на Айдиновых.

В 1935 году Ивану Христофоровичу как заместителю наркома был выделен персональный железнодорожный вагон, которым Зина, на правах жены и руководителя административно-хозяйственного отдела, могла пользоваться для поездок в любой конец страны – в командировку, в путешествие, на ведомственные курорты и дома отдыха в Сочи или в Крым. Она стала желанной гостьей всех торжественных вечеров и встреч, как на правительственном уровне, так и на уровне столичной творческой интеллигенции. Высокое положение Ивана Христофоровича вмиг изменило окрас жизни, резко изменило её уровень и качество. Лучи славы, успеха и всеобщего признания коснулись Зины, и она предстала перед людьми в совершенно небывалом до этого новом свете.

Известно как чудесно преображается осенний, блеклый луг, когда падают не него последние предзакатные лучи солнца –оранжевым огнем полыхают на нем, как на восточном, узорчатом ковре, серые умирающие травы и кустарники.

И всякий художник знает, какое громадное значение имеет для его полотна определенное, правильное освещение. Все творцы кисти знают, что есть в любой экспозиции «выгодные» и «невыгодные места» для экспоната. За выгодные места, некоторые живописцы иногда дают организаторам выставки взятку, чтобы зритель заметил их творения, чтобы не прошел мимо.

Всякий, даже самый драгоценный камень требует своей неповторимой огранки, но не всякий обладатель бриллианта может найти ему достойное обрамление. Для этого нужны власть и деньги.

Зине повезло. Её лик, лик златокудрой Геры, сразу же легко и плавно вписался в иконостас кремлевских и около кремлёвских жен, занял выгодное место в живой галерее номенклатурных образов. Вышедшая внезапно из тени на свет скромная советская бабочка, беспартийная стенографистка, превратилась в одну из самых обаятельных и влиятельных дам Наркомата тяжелой промышленности – обернулась прекрасным махаоном, в мечту безумных коллекционеров.

Зина, как никогда, вдруг почувствовала, что стала всем нужна: слабые люди

стали искать её защиты и покровительства, сильные – стали предлагать ей свою дружбу и сотрудничество. Сразу же объявилось много дальних родственников, земляков, забытых, казалось бы навсегда, прежних друзей и знакомых, земляков по Харькову, Лисичянску, Донбассу и по всем великим стройкам эпохи индустриализации.

Они стали писать ей письма, звонить по телефону, искать встреч с ней на службе или дома, а при встрече восторженно и слёзно причитая, молили о помощи:

"Зиночка, Зинаида Петровна, родненькая вы наша, только, вы дорогая, можете нам помочь! Только вы и можете спасти нас!" – и далее следовали просьбы, просьбы и просьбы.

На службе происходило то же самое, тот же самый жужжащий улей посетителей и просто случайно забредших с улицы визитеров только по своему уровню намного ниже.

Абсурд, да и только! Суета сует, но суета приятная для угнетенного прежде тщеславия. Ведь по существу и после повышения Ивана Христофоровича Зина оставалась в прежней должности, имея, правда, разрешение работать с секретной документацией, и – только! А вот, на тебе!

Как только Иван Христофорович выедет в длительную командировку на очередную гигантскую стройку, так сразу у Зины отбоя нет от визитеров. И ведь есть, казалось бы, инструкция подачи писем и часы приема по личному вопросу заместителем наркома, есть секретариат, так нет же, прутся все в хозяйственное управление, к ней, Зине, минуя все официальные инстанции.

С одной стороны Зина их понимала: промышленно-хозяйственный сектор страны стал страдать гигантоманией: колхоз-гигант, жилой дом-гигант (длина фундамента свыше 400 метров!), Дворец Советов тоже гигант (высота свыше 450 метров!), завод-гигант, самолет-гигант, даже некоторые кое-как восстановленные фабрики и новые шахтерские посёлки стали носить нескромные названия, типа: «Красный гигант».

Гиганты индустриализации, с их непредвиденными ситуациями, требовали много денег, требовали новой техники и новых технологий, а их не хватало или вообще не было, не хватало квалифицированной рабочей силы, и соответственно Иван Христофорович и его команда работали на износ. В этой ситуации Зина являлась как бы его внештатным добровольным помощником, который отсеивал зерна от плевел, облегчал бремя муторной служебной текучки.

Её одолевали разного рода изобретатели и рационализаторы, среди которых много было психически ненормальных людей, а также просто технически неграмотных и ничего не смыслящих в экономике. Почти все рационализаторы утверждали, что их предложение сэкономит народному хозяйству как минимум миллион рублей в год, а то и больше. Многие из них были агрессивны, озлоблены своим нищенским существованием, некоторые открыто угрожали Зине расправой, если она не даст хода их изобретениям.

Но особо донимали Зину в это время директора химических заводов Анилтреста, а также и руководящие работники Сталиногорского (бывшего Бобрикского) химкомбината Петя Арутюнянц, его заместитель по строительству Янов, начальник аммиачного завода Трифонов и многие руководители других химических заводов центральной России, Северного Кавказа и Украины. Все они просили финансирования на развитие, жаловались на трудности выполнения и перевыполнения плана и вообще на жизнь. Почти все привозили с собой щедрые подарки Ивану Христофоровичу и отдавали их Зине. Кстати, самые щедрые дары преподносили те руководители, у которых дела шли совсем плохо. Их, по-человечески, можно было понять...

Зина тогда не знала, что эти самые подарки «от всей души», по выражению

советских педагогов-воспитателей, являлись «авторитетом подкупа». Подарки были скрытой формой подкупа и мздоимства, предтечей явного, массового взяточничества, то есть – коррупции.

Инстинктивно, на уровне чувств Зина различала суть «даров волхвов» – где «от всей души», а где из-за корыстных устремлений дарителей. Особо осторожно она относилась к финансовым документам, касающихся выделению фондов на развитие и заработной платы, а также выделения дополнительных материально-технических затрат.

На этой ниве тогда совершалось много экономических преступлений, начиная от хитроумной системы присвоения денежных средств и кончая прямым хищением материальных ресурсов. Здесь надо было всегда держать нос по ветру. Массовое воровство жульничество времен НЭПа, к сожалению, продолжало процветать, но уже не в частных дочерних фирмах разных концессий, а в государственных учреждениях, почти во всех наркоматах, включая даже НКВД. Да, даже там, среди самых «кристальных и честных чекистов» – Ваня Бессонов в этом отношении никогда не врал...

Зина на всю жизнь запомнила громкое для тех лет, но известное только узкому кругу лиц, «Дело чекистов», уголовное дело о массовом хищении этилового спирта на Казанском пороховом заводе летом 1932 года.

По делу проходило около сорока работников ГПУ Татарии. Первый зампред ОГПУ, старый большевик Иван Акулов, поддерживаемый Менжинским, настаивал, чтобы всех участников хищений и взяточников, состоявших на службе в органах, судили по всей строгости на общих основаниях.

Ягода же, по словам Ивана Бессонова, считал, что это будет позором для органов, а потому всех этих преступников было решено тихо, без шума снять с работы и отправить служить куда-нибудь на периферию, в частности в лагеря.

Так оно и вышло, но авторитет чекистов в высших московских кругах был существенно подорван, и давал другим служащим из других "гражданских" наркоматов лишний повод для некоего морального оправдания своих антиобщественных деяний: уж если кристально чистые чекисты стали воровать, то мне и сам бог велел!

И не случайно, что после «Дела чекистов» стало очень много возбуждаться уголовных дел и в других наркоматах, особенно в тех, чья деятельность была связана с питанием и легкой промышленностью. Среди таких оказался и наркомат рыбной промышленности, где воровство и взяточничество достигли небывалых даже со времен НЭПа масштабов. И не даром сам Вячеслав Михайлович Молотов под свою ответственность предложил товарищу Сталину поставить во главе этого вконец проворовавшегося наркомата свою жену Жемчужину. И, слава богу, что Зина это всё знала! Эти знания оберегали её от многих противозаконных деяний, одним из которых самым соблазнительным было мздоимство. Но при этом Зина, почему-то считала, что бациллы воровства, взяточничества и лихоимства, никаким образом не касались Наркомата тяжелой промышленности. Может быть тогда она судила об этом по самой себе?

Здесь, как она считала, не было места политическим интриганам и болтунам, здесь собрались только одни люди дела, которые жили только своим делом, а не пустопорожней, политической болтовней. Однако здесь, как нигде, сосредоточились громадные финансы страны, и здесь в этом отношении, она, Зина, помогая многим просителям-руководителям, не должна была наносить даже самый минимальный вред ответственным лицам государства.

Что греха таить, Зиночка Айдинова уже давно была симпатична высшему руководству наркомата – самому Орджоникидзе и его первому заместителю Пятакову. И не только одной оригинальной внешностью, но и другим: умением

готовить документы к докладу и окончательному их утверждению.

Зина, как никто другой, умела в самые краткие сроки снабдить основной документ всеми необходимыми приложениями визами, актами и разъяснительными записками ведущих в данной области знаний специалистов.

Зина никогда не входила в кабинет высшего начальства только с одной голой бумагой! Мало этого, она умела, как никто другой, превращать обсуждение служебной бумаги в живой, весёлый разговор, и тот же самый Серго и его первый заместитель Пятаков, получали наслаждение от общения с Зиной, они при этом докладе как бы отдыхали... Да! Ибо Зина, давая на подпись какой-нибудь документ, обязательно рассказывала наркому или его заместителю какую-нибудь забавную историю об авторе этого документа. В основном, это касалось, так называемых перестраховщиков, трусов, которые взяли не за своё дело и сейчас всячески избегают ответственности.

Особенно смешили Серго рассказы Зины о сумасшедших изобретателях, и о «сигнализаторах», один из которых, будучи членом партии, в Индустриальном институте подал девятнадцать доносов на своих товарищей, а двадцатое заявление в НКВД написал сам на себя!

Этот большевик-хитрован сам себе выдумал легенду о том, что его дядя якобы был врагом народа и репрессирован органами НКВД! А на самом деле его дядя умер давным-давно собственной смертью. А еще у Зины было множество историй о «попутчиках» и так называемых перестраховщиках, которые, боясь ответственности, на всякий случай, запасались нужными справками из психоневрологического диспансера.

Одним словом, Зине, как никому другому чаще всего была открыта дверь в высокие кабинеты, там её ждали, там хотели немного расслабиться и отдохнуть при рассмотрении самых скучных документов.

И когда на совещании у Серго или у Пятакова при обсуждении какого-то гигантского промышленного проекта возникали трудноразрешимые проекты, а с ними скука и полная неопределенность, тогда они, за отсутствием Ивана Христофоровича, обращались: "Зинаида Петровна, умница наша, а каково ваше мнение по этому вопросу"?

И Зина всегда старалась быть на высоте. Да, не всё она могла тогда решать, но и в то же время очень многое. Многих, очень многих людей она спасла тогда не только от тюрьмы, но и от расстрела. Господи, какими же были тогда примитивными обвинения, какими жалкими были массовые уголовные преступления?! Но всё прошло, всё, что случилось в эти золотые для Зины годы, всё стало сном. А личная жизнь Зины сложилась так благодатно, что замечать уродливые стороны окружающей действительности ей стало как бы и непристойно: что ещё тебе надо, вошь советская, гнида сытая? Пожила райской жизнью немного, и на том скажи богу спасибо, а мы и этого не имели!

Нет, всё было нормально. Был в её жизни некий остров Благоденствия. И Зина более двух лет пребывала в этом рае. Всё у неё было, всё, что необходимо для полного счастья человека.

Намного богаче и разностороннее стал её досуг: все московские театры с их постоянно обновляющимся репертуаром стали доступны Зине, встречи с великими людьми и великими артистами страны обогащали её прежде скудную духовную жизнь. Немного, правда, раздражали Зину такого рода вопросы: "А это верно, Зинаида Николаевна, что Ваш супруг может из обычного дыма получать золото"? И если такие вопросы задавал актер Иван Москвин или же та же самая Фаина Раневская, Зина с присущим ей юмором отвечала: "Конечно же! Это так легко, было бы по больше энергии! Вы же знаете, что современная органическая химия способна из любого дерьма делать конфетку, и даже, зернистую, черную икру ... из нефти"!

Насчет икры из нефти и вообще, получения белкового продукта из подземной органики, Зина не лукавила: Иван Христофорович в последние годы вплотную занимался этой проблемой, и даже обещал Зине угостить её искусственной черной икрой в канун 1940 года...

Да ладно, всё это несбывшиеся мечтания и надежды, зачем нам всем искусственная икра, когда страна наша бесконечно богата осетровыми?...

А еще у Зины в то золотое время проявилась другая страсть, страсть к коллекционированию древнего фарфорового искусства, деньги были, и деньги были немалые. И от чего бы, и эти деньги, лишние деньги не вкладывать в произведения искусства? Да ладно, это всё – пустяки!

Нет, ещё раз нет, что бы ни было, но те годы были самыми счастливыми для всех Айдиновых!

Только один факт, на первый взгляд незначительный, немного омрачил жизнь Зины – это приезд в Москву отца Ванечки, Христофора Рубеновича. Нет, сначала всё было нормально, всё было хорошо. Но... когда Христофор Рубенович вышел из вагона на перрон Курского вокзала, и вдруг в его ногах оказался родной сынок Ваня и стал благодарно целовать отцу руки, то всем стало неловко, в том числе и самому Христофору Рубеновичу.

-Сынок, Ваню! Мне стыдно! Ваню, перестань! – бормотал на русском и на армянском языке старый Христофор.

-Папа, если бы не вы, я бы никогда не стал большим человеком! Спасибо вам, папа!

Зина хорошо помнит это время. И до сих пор ей как-то неловко было переживать эту, в некотором плане, театральную сценку, разыгранную тогда её мужем. Ну, да ладно! Что было, то прошло! Но времена тогда были замечательными! Да! Может быть, и надо было показать старому человеку, как глубоко он ошибался в своём сыне.

Старика, со всеми его оклунками, примитивным багажом, усадили в служебную машину Ивана Христофоровича и провезли по всем примечательным улицам Москвы. Старик был в восторге. Но когда он зашел в новую квартиру своего сына, он был в шоке. Христофора Рубеновича убил на повал газ, газовая колонка в ванной. Такого чуда он не видел никогда, и считал это некоей фантастикой. И вот здесь, в квартире сына, он без всяких дров и керосина может не только принять ванную, но и приготовить на газу любимую пищу!

-Ваню, сынок, неужели? Такое чудо?! Вах! Вах! Крепко живешь, Ваню, очень крепко! Господи спаси и помилуй!

-Да, папа! А скоро все советские люди будут пользоваться газом! Скоро всюду, по всей стране будут проведены газопроводы, скоро мы, химики, создадим сжиженный газ, и все автомобили перейдут на газовое топливо! Да! А в будущем веке все автомобили будут двигаться на обыкновенной воде! Да!

Христофор Рубенович улыбался в свои густые усы:

-Ага, изобретаете? Изобретайте, а мы ещё посмотрим...

-Папа, ну почему вы мне не верите?

-А почему я тебе должен верить, Ваню? Ты что, Господь Бог?

-Нет, я не бог, но я инженер-химик, и создаю сейчас то, что ещё не создал даже сам Господь Бог!

-А нужно ли людям всё то, что ты, сынок, создаёшь?

-А как же, папа, обойтись сегодня без искусственного каучука, без резиновых шин? Без них не бывать у нас автомобильной промышленности!

-Сынок, согласись, не все же люди сегодня разъезжают на авто! Да и хватит ли на всех этих авто?

Да, старик был прав, и Иван Христофорович не стал возражать. Но чтобы

окончательно утвердить отца в роли яркого сторонника советской власти, он прокатил старого провинциала на Московском метрополитене им. Кагановича. Старик от метро был в восторге. Во-первых, фантастично и прекрасно как светлый сон, во-вторых, – доступно всем, и богатым и бедным, начальникам и рабочим, студентам и колхозникам. А вот замысел большевиков построить на месте разрушенного храма Христа Спасителя воспринял настороженно. Этот храм старик не видел воочию, а только на открытках, видимо ему было жалко этот разрушенный храм. Он долго смотрел на громадный котлован, на дне которого среди гигантских, стальных спичек арматуры копошились как черные муравьи люди, а потом спросил:

-Кто же делает на старом месте новый храм? Да еще на проточной воде и на зыбучих песках?

-Мы, папа, большевики! Если мы под Москвой-рекой метро прокопали, ДнепрогЭС построили, то построить самое высокое здание в мире для нас – сущий пустяк! Нам всё по плечу! Высота Дворца Советов от подножья до статуи Ленина – 316 метров, статуя Владимира Ильича – 100 метров высоты

Таким образом, общая высота будет составлять 416 метров! Дворец Советов будет выше самого высоко здания в мире – Эмпайрстэт Билдинг, высота которого вместе с мачтой для дирижаблей всего то равна 385 метрам! Ха! Всего то! Мы переплюнем, папа, американцев, вот увидишь. Через пять лет ты это чудо увидишь сам! Большой зал Дворца Советов будет вмещать более 20-ти тысяч зрителей, а малый зал – 6 тысяч человек, в два раза больше, чем жителей в селе Крым! Чтобы снабдить Дворец Съездов электричеством мы построим электростанцию на 50 тысяч киловатт!

Обескураженный такой фантастической цифирью Христофор Рубенович долго молчал, а потом тихо спросил сына:

-А зачем? А на кой?

-Что на кой? – не понял сын.

-На кой, говорю, возводить такую вавилонскую башню? Вам что, большевикам, заседать негде? И откуда вы деньги брать будете на эту башню? С народа? Так он и так уже вами обобран до нитки, в наших краях еще не все люди успели отойти от голода, а вы что затеяли? Была бы нужда, а то так – одна прихоть и гордыня...

-Папа, вы меня не поняли! Кто сказал, что деньги на эту стройку будут изыматься из областей, пострадавших от голода? Да нет же! Дворец Советов будет строить вся наша страна! В его строительстве уже участвуют и Красноярский край, и Армения, и Грузия, и Средний и Южный Урал, и Поволжье и многие другие края и области! Эта стройка требует много металла и стройматериалов! Вы, папа, спрашиваете меня, зачем строить? А затем, чтобы показать силу и мощь советской державы! Вот зачем!

-Так то оно так, но поверь мне, сынок, никогда не будет построена эта ваша большевистская башня! - продолжал ворчать старик. – Не стоять ей на этом месте! Нехорошее дело вы затеяли, рано еще вам тешиться своей гордыней. Умные люди говорят, что близится большая война с нами, а её еще надо выдержать. И место низинное вы выбрали, что вам мешало построить свою башню на высокой горе? Вон хотя бы на том берегу реки, на Воробьевых горах. А? Зачем вы разрушили храм? Не вы его строили и не вам его разрушать. Ленин у них, видите ли, будет высотой в сто метров, а почему не в двести или еще не выше? С ума сошли. Разве сегодня это главное? Рано еще вам бахвалиться своим могуществом, пока что на песке строится эта ваша новая жизнь. Вон ваш самый большой в мире самолет «Максим Горький» шлепнулся об землю, и сгнули вместе с ним и люди и немалые деньги.

Вот дался вам, большевикам, этот агитсамолет! Вам что, людей не жалко, вам, что деньги девать некуда? Ладно, жили бы мы все так богато, как англичане-капиталисты живут, а то ведь, одна голь-моль перекатная, еще на лошадях сохой землю пашем, а всё туда же – самая высокая башня, самый большой самолет,

самый большой ледокол!

Зачем это вам, на кой ляд это вам нужно? Для завтрашнего позора? Вон те ж самые англичане, помнишь, построили самый большой и лучший в мире непотопляемый корабль, а он у них, этот «самый непотопляемый», взял да и утонул на другой день в первом же рейсе. Они этим думали удивить весь мир, а вышел один позор и громадный убыток! Вот так судьба наказывает людей за глупость и гордыню, а вы из этого никаких выводов для себя не делаете!

-Отсталый вы человек, папаша, и понятия у вас какие-то старорежимные! – стал нервничать Иван Христофорович, но Зина умело и вовремя погасила возникший неожиданно по такому, казалось бы пустяку, конфликт между сыном и отцом...

Одним из любимых мест старика Христофора стал Сокольнический парк. Там пришлось ему по сердцу одно место: Сокольнический круг с большим фонтаном, от которого веером расходились семь просек-аллей: березовая, кленовая, вязовая...

Особо приглянулась ему как южному человеку светлая березовая аллея, ведущая к поперечной просеке, за которой веяли прохладной тишиной Оленьи пруды с уютными беседками и сетью запутанных дорожек – «лабиринтами», а также и Золотой пруд с огромным благоухающим розарием. Гулял старик по парку со сватом Петром Исааковичем, который оказался для него самым лучшим гидом и собеседником.

Зина была довольна тем, что старики подружились и нашли общий язык. Знакомить гостя с Москвой Петр Исаакович решил основательно. Центр города старики обошли пешком, изучили все переулки и закоулки, особенно Китай-город и улицу Никольскую с её Славянским подворьем, где долгое время жила семья Червонских. Петр Исаакович подробно рассказывал старику Христофору о каждом доме и знаменитых жильцах, о Славяно-греко-латинской академии, о Печатном дворе, о «Славянском базаре». Многие имена знаменитых людей были не знакомы Христофору Рубеновичу, только два имени – Ломоносов и Чехов, вызвали на его лице живой интерес. И был еще третий – Тухачевский, с которым старики столкнулись лицом к лицу у входа в «Гастроном», расположенном на углу Никольской улицы, напротив здания Печатного двора, на фасаде которого расположились старинные солнечные часы.

Статный красавец в длиннополой шинели с маршальскими ромбами на воротнике выходил из магазина с большим бумажным пакетом, из которого торчали две бутылки дорогого, марочного коньяка. Не обратить внимания на такого красивого военного было невозможно, и когда тот стал важно удаляться в сторону Красной площади, старик Христофор тихо спросил Петра Исааковича: "Кто это?" – "Это наш красный маршал Тухачевский". – "Ах ты мать честная, сам Тухачевский! А что он здесь делает? Он что тут рядышком живет?" – "Раньше жил. Здесь, в Историческом проезде живут его родственники. Видно он решил их сегодня навестить, вот и зашел в магазин. Такое бывает. Обычное, житейское дело..."

Понравился старому Айдиняну и Нескучный сад и Девичье поле, точнее то, что от него осталось, большой, широкий и тенистый сквер близ Зубовской площади Садового кольца простирающийся до стен Новодевичьего монастыря.

Но больше всего любил старик бродить пешком со сватом Червонским улочкам и переулкам Замоскворечья. В Большом Толмачевском переулке старик Христофор долго любовался узорчатой чугунной оградой бывшей усадьбы Демидовых и воротами, восхищенно цокал языком, приговаривая: "Ах ты, господи, боже мой, какая же это красота! Это же райские ворота! Сегодня такое чудо никто отлить не сможет. Нет у нас теперь таких мастеров! Другое сейчас время - выдавать на гора разную продукцию, как можно больше и побыстрее. Нет у нынешних мастеров душевного куража! Нет!"

Два месяца гостил у своего сына старый Христофор, и Зина не помнит ни одного

дня, чтобы старик сидел дома. В любую погоду совершал он пешие прогулки по Москве иногда в компании Петра Исааковича, иногда один. Всё в этом городе ему было интересно. Несколько раз побывал он в Политехническом музее, в Третьяковской галерее, один раз в Музее изящных искусств на Волхонке, но самое большое впечатление на старика произвело посещение Московского планетария. В тот день Христофору удалось присоединиться к небольшой группе школьников-старшеклассников, а посему лекция была развернутой и обстоятельной. Сложные аппараты воспроизводили на сферическом своде планетария движение Солнца, планет, звезд, солнечные и лунные затмения, полярные сияния, кометы. Демонстрация сопровождалась пояснениями лектора, который в нужный момент как Бог останавливал Солнце и даже угрожающе приближал к зрителям его громадный кипящий, раскаленный, косматый диск. Рядом с этим пылающим гигантским шаром даже самые большие, планеты-гиганты казались маленькими бусинками, а Земля, Венера и Меркурий – как маковые зернышки лежащие на расстоянии десяти метров от громадного арбуза. Какое же ничтожество планет, Господи прости! А потом оказалось со слов лектора, что подводные вершины намного выше наземных, и что есть в мировом океане такие глубокие впадины, что на дне их – одна крошечная тьма, но и в этой, казалось бы, полностью лишенной живительного света мертвой тьме все-таки теплится жизнь! Вот чудеса-то! Оказывается, в мире Земли есть еще и другие миры, разделенные тонкой перегородкой из воды, воздуха и света. А потом лектор-чудесник остановил Землю, и стал волшебным образом переносить зрителей по её поверхности, то под небо тропиков, то под звездное небо Северного и Южного полюсов. Он стал показывать звездный пейзаж, который будет выглядеть через сотни лет (когда превратятся в пыль и в атомы все потомки Христофора до десятого колена!), или каким было ночное небо тысячу и даже две тысячи лет назад во времена безумного римского императора Нерона. Все было фантастично как во сне, но очень доказательно, убедительно и зримо.

Зина хорошо помнит тот день, когда старый Христофор вернулся из планетария. За ужином он живо делился с родственниками своими впечатлениями и все время повторял: "Вот во всю эту космогонию и в единого Бога я верю! Да, такой сложный мир мог создать только Единый Бог, у которого нет, и не может быть никаких сыночков и прочих родственничков, и всяких там, рабов и прислуги! Какой же страшно необъятный наш мир, с ума сойти! И кто же мы, люди, в нем? А? Даже не блохи и не вши, и даже не бактерии, а невидимая глазу пыль от мишуры. Невидимая, презренная, но уж дюже чванливая пыль!"

Но больше всего любил старик Айдинян совершать пешие прогулки по старинным дворянским усадьбам. Их было так много, они были такими разными, что ему казалось – нужно, как минимум, лет десять прожить в Москве, чтобы досконально изучить эти волшебные памятники прошлого. А сколько усадеб было за пределами Москвы, в области! Из подмосковных усадеб старик мог осмотреть только четыре – подмосковную усадьбу графа Шереметева «Кусково», музей-усадьбу «Архангельское», бывший дворец князя Юсупова, усадьбу царя Алексея Михайловича «Коломенское» и недостроенную усадьбу Екатерины II «Царицыно».

Добираться до этих замечательных мест старикам было сложно, а поэтому Иван Христофорович выделил им свой служебный автомобиль. Но из всего подмосковного усадебного великолепия по душе старику пришелся недостроенный архитектурный ансамбль в Царицыно. Такого чуда старик не видел даже в Москве. С царицынский дворцом мог поспорить только «Пашков дом» – волшебный замок на зеленом холме, самый прекрасный в Москве! Ну, может быть, да и то только отчасти, дом Игумнова, дом Юшкова, дом Барышникова, или диковинный купеческий особняк-замок Морозова, или же дворец Апраксина у Покровских ворот. Но, видит Бог, все они, эти дворцы, зажаты со всех сторон каменными коробками, доходными

домами и просто строениями, над которыми даже близко не пролетал гений архитектуры.

Усадьба «Царицыно» с её "Виноградными воротами», «Фигурным мостом», сказочные дворцы и павильоны в стиле древнерусского зодчества, фигурные арки и галереи, мосты через овраги, искусственные руины, пруды с островами, пристани, беседки, и все, почти все постройки из красного кирпича, орнаментированные кружевным белокаменным узором, всё это каменное чудо, окруженное зеленью обширного парка с чудесными аллеями, показалось тогда старику Христофору заброшенным неблагодарными людьми покинутым раем. А когда он узнал, что великой императрице не понравилось творение прославленного архитектора Баженова, то возмущению Христофора Сумбатовича не было предела: "Ну да ладно, она то хоть и императрица, но баба, всякое могло с ней быть, может, она в тот момент по женской части страдала и была не в духе, ну а наследники её, они, что не могли это чудо довести до ума? У них, что денег народных на это доброе дело не хватало? Ну да ладно, бог с ними с этими царями, но нынешние правители что-нибудь по этой части думают? Да будь моя воля, то я не Дворец Съездов строил бы, а привел бы в порядок эту усадьбу. Здесь в Царицыно можно было бы и вдовый дом организовать, и сиротский дом, и дом отдыха для рабочих, а можно даже и дачу для самого товарища Сталина! Сколько дворцов в Москве разоренных и запущенных, сколько усадеб, а вы здесь строите для себя дачи! Не разумно всё это, не рачительно, не по-хозяйски!

Особенно раздражали старика новостройки. Не понравились ему не только что возведенные Дом Совета Министров СССР и отель «Москва» на Охотном ряду, но и другие модные тогда так называемые конструктивистские здания – клуб завода «Каучук», дом культуры имени Русакова, здание Центрального статистического управления, облицованное красноватым туфом. Это нелепое сооружение возмущало старика геометрическими простыми, примитивными линиями, сплошным остеклением стен, обнаженностью железобетонных конструкций, пологими пандусами, заменяющими лестницы и этими бетонными открытыми «ногами», на которых висело само здание.

Христофор, когда посмотрел на эту несуразицу, сказал Петру Исааковичу с ядовитой ухмылкой: "В таком стеклянном сарае всё видно: как люди работают, едят и даже как ходят в уборную! Нет, в таком открытом всем цеху я не хотел бы работать! У них там, что и гальюны стеклянные? Что, нет? Ну и на том спасибо! Что? Внизу будут подземные гаражи для авто? А зачем? А на кой? У нас, что авто так много, что их ставить негде? Ах, завтра! Понятно! Завтра у всех рабочих будут легковые авто? Ну, вы даете! С вами не соскучишься!"

Не понравился старику и «Дом для рабочих», один из первых рабочих домов, построенных в Москве в конце 20-х годов Советской властью. В этом доме, как и в обычных коммунальных квартирах, была общая коридорная система, один туалет, одна громадная кухня, две ванн на четыре квартиры! Только большая жилая площадь трехкомнатных квартир, отличала этот чудо-дом от обычного семейного общежития, то есть от обычного семейного, одноэтажного барака. А строящийся на Можайском шоссе жилой дом длиной в 450 метров у старика Христофора вызвал небывалое возмущение: "Скажите мне, какой дурак задумал делать фундамент под многоэтажный дом длиной в полкилометра!? Вах! Вах! С ума сойти! Да пусть этот дом будет сидеть на стальных сваях, все равно осадка фундамента, где-то будет разная, и дом лопнет, он будет всюду давать трещины! Какие сваи? Какой железобетон? Все равно у дома будет разная осадка в разных местах. Это же вам не Армения с её скальными плитами! У вас тут глина и песок, и все это плывет! Ах, какие же вы все – дураки, какие дураки!

Вам, дорогие мои товарищи, не дворцы строить, а только легкие стеклянные

казармы, механические мастерские и разные там депо. А на другое, красивое вы, мои дорогие, не способны! Вижу, вижу, что не способны...

Ох, не прост был старый Христофор, ой как не прост, была в нем и природная мудрость и какая-то мужицкая, живая хитринка и, конечно же, богатая жизненная, наработанная за долгие годы практическая жилка, а самое главное – это чутьё на людей, умение сразу же, с первого взгляда сказать: плохой это человек или хороший...

Чем дольше гостил в Москве старый Христофор, тем больше портилось его настроение. Первую, особую раздражительность старика Христофора Зина уловила, когда старик Айдинян вернулся с Красной площади, после посещения Мавзолея Ленина. Все, может быть, и обошлось бы благополучно, если бы не вопрос Ивана Христофоровича:

-Сегодня вы, папа, были в мавзолее. Ну и как?

-А никак! – резко ответил Христофор. – Была длинная очередь на полторы версты, как очередь за хлебом в голодные годы. А потом этот холодный подвал и мертвец в стеклянном гробу, маленький, в кителе и ручки на груди – вот и всё! И больше не на что там смотреть. И нужно ли смотреть на труп? Нехорошо это! Очень даже не хорошо! Грех это великий – из мертвеца делать икону!

Зина хорошо помнит тот момент, когда Иван Христофорович услышав эти слова, вдруг побледнел и шепотом то ли назидательно, то ли угрожающе прошептал со свистом:

-Папа, умоляю вас, не произносите никогда эти слова! Нельзя такое говорить, вы меня понимаете?

-Сынок Ваню, а почему ты так испугался, почему дорогой мой побледнел? Разве отец твой убить тебя захотел? И зачем ты отцу своему рот затыкаешь? Из-за Ленина? Из-за трупа? Сынок, пусть мёртвые хоронят мертвых, так сказано в Библии. Да!

-Папа, вы меня опять не поняли, всё то, что вы говорите – это мелкобуржуазная антисоветская пропаганда!

-Да будет так, сынок! Я это сказал, и мне за свои слова отвечать перед Богом! Но отчего ты, сынок, так испугался? И чего ты так побледнел? Чего ты боишься? Ты ведь у меня, сынок, большой начальник, тебе то чего бояться? А? Я, ведь, о своем, наболевшем на сердце, не на улице кричу, а разговариваю среди своих родных и близких! Или ты боишься, что мои слова донесут в ЧК наши родные, те, кто сидят за столом? А может и я сам? А?

-Довольно чепуху говорить, папа, и не то я имел в виду...

-Не надо лукавить, сынок, и ты, и твои товарищи, боятся иного слова, им подавай одно – всеобщее восхищение и добро, чтобы все орали в один голос: "Любо, батюшко, любо!" Нехорошее дело вы, большевики, затеяли, очень даже нехорошее. Оно и дураку ясно, что когда один проходимец печется о счастье всех людей, то он в первую очередь болеет за себя и своих родных, а тот, кто зовет в штыковую атаку людей на смерть, прячется в кусты, чтобы самому остаться жить за счет других!

Ох, несносным был старик Христофор, упрямым, твердолобым и неистовым! Зина помнит, как однажды зашел за ужином разговор о генеральной реконструкции города Москвы, о том, что из Москвы купеческой и дворянской пора бы сделать образцовую столицу мира. Мысль вообще то здравая, а вот у старого Христофора иное мнение:

-А зачем вам, большевикам, для этого нужна старая Москва? Зачем её вам рушить? Зачем сносить 800 прекрасных дворцов и чудесных усадеб? Раз вы такие умные и сильные, то постройте себе где-нибудь новую советскую столицу, со своим метро и вавилонскими башнями, но не трогайте, ради бога, древний город! Пусть он будет таким, каков он есть!

Несносный старик! Зина уже тогда стала тяготиться его присутствием. Когда же он уедет отсюда, и не будет больше докучать её семейству своими крамольными мыслями!

Ох, не прост был старик Христофор, не прост. Он даже умудрился провести вокруг носа такого опытного врача, каким был в то время Петр Исаакович Червонский. Зина и до сих пор считает, что старый Христофор симулировал свою болезнь, чтобы хоть немного отдохнуть в каком-либо пансионате, расположенном в живописном месте в бывшей усадьбе великих князей или графов, жить в роскошном дворце и гулять по липовым аллеям дворянского парка...

Для Ивана Христофоровича в то время это не было большой проблемой, и он определил отца на десять дней в специальную больницу санаторного типа «Высокие горы», в бывший дворец князя Гагарина в Сыромятниках, где лечились, поправляли свои нервы и отдыхали представители высшей партийной и советской номенклатуры...

Но лучше бы Иван Христофорович не определял туда своего отца! Да! Так сейчас считает Зина. Тогда она особо не задумывалась об этом, подумаешь, устроили капризного старика в одну из лучших больниц страны, ну и что? А вот сейчас, когда Зина находится в лагере, она начинает многое понимать. Вначале своего пребывания в «Высоких горах» старику Христофору, видимо, нравилось наслаждаться особо пристальным врачебным вниманием, которое не снилось не только ему, но многим миллионам его сограждан, но потом...

А потом, видимо, старик заметил, что и здесь, в самом лучшем санатории страны, это внимание зависит от статуса пациента. И видно такое несправедливое распределение благ и услуг глубоко оскорбило старика: ведь его сын Иван всё время талдычил ему, что в новой России все граждане будут равны во всем, что касается нормальной человеческой жизни. Видимо, старик в больнице-санатории столкнулся с такими субъектами, которые намекнули ему, кто именно сейчас является истинными хозяевами жизни, для которых старый армянин был всего лишь балластом нового времени, отцом одного из чиновников известного ведомства, и не более. Столкнулся, как называется, с социальной несправедливостью нового времени....

Одним словом из лечебницы «Высокие горы» старик Айдинян вернулся физически окрепшим, но в психическом плане чуть ли не больным. Его всё раздражало: радио, газеты, особенно люди, горячо обсуждавшие последние, спортивные события, а также пустые разговоры родственников за обеденным столом.

Зина хорошо помнит те дни и вечера. Обычно, незадолго до ужина старик Христофор просматривал бегло газеты, в основном, это были «Известия», «Правда» и «Вечерняя Москва». Особо его раздражали бойкие заметки о трудовых подвигах шахтеров, металлургов, строителей и колхозников. Иногда прочитав в газете отчет о состоянии сельского хозяйства в каком-то крае или области, Христофор недовольно мычал: "Эх, ма! Гмм... Черт бы вас всех побрал! В отчете на бумаге изобилие, а в краю жрать нечего!"...

Или же та ж самая заметка о стремительном росте советской металлургии: "А на что мне ваш чугун и сталь сдались? Их разве можно жрать вместо сала и хлеба? Мошенники! Вам нужны пушки, вот и делайте их! А нам железа много не нужно, нам технику давай! А нам, мужикам некого бояться, мы всем вам умникам нужны, без нас вы никто, и мы, мужики, вас умников –мошенников в гробу видали! Ишь, как вы здесь неплохо устроились: отобрали у народа всё, что можно было отнять, а теперь ограбленным сиротам выдаете по горсточке баланды для пропитания. За лишний кусок хлеба заставляете голодных людей на трудовые подвиги идти. Тоже мне,

благодетели нашлись...

Еще больше возмущали старика Христофора громкие газетные сообщения о фантастически высоком перевыполнении плана шахтерами-стахановцами. Такие заметки старик зачитывал всегда вслух, а после этого едко от себя комментировал: "Вы только послушайте, о чем пишет этот дурак-корреспондент! Он пишет о том, что забойщик шахты имени Ворошилова треста «Дзержинуголь» товарищ Комардин выполнил годовую норму, аж на 341 % и заработал в год 21 тысячу рублей! Молодец, богатырь! Такой ухарь-шахтер может выполнить план и на 500% и даже больше! Вы то, нормальные люди, в эту чепуху верите, или нет? Или вам это всё равно? Хоть кто-нибудь из вас был в забое шахты, кто-нибудь из вас знает, что такое совковая лопата, в которую вмещается пуд антрацита? А уголек то надо выломать из пласта и отбросить его на тележку. Что же это за план такой, который можно перевыполнить в тысячу раз?! Мошенники вы, вот вы кто! И не надо нас, всех простых людей, за дураков держать, всем уже давно ясно, что это социалистическое соревнование – один обман, чтобы снизить расценки другим, рядовым, нормальным шахтерам. Жулики вы, больше никто! И ваш Стаханов – тоже жулик, сейчас в шахте не работает, а разъезжает по всей стране в отдельном железнодорожном вагоне с охраной! Тоже мне шахтер! Эх, ругаться хочется, а совесть не велит! Всюду ложь, всюду гнусная лжа, она как ржавчина всё разъедает!

В последние дни своего пребывания у сына, старик Христофор стал просто невыносим, а в речах своих стал даже опасен. Чаще всего это происходило за обеденным столом, который стараниями Зины всегда накрывался по высшему уровню: была тут и фаршированная рыба, и осетровый балык, и жареные бараньи ребрышки, и суп-харчо и многое другое, лакомое и уже давным-давно забытое...

Прихлебывая стерляжью ужу и закусывая её пирожком с вязигой, старик Христофор ворчал:

-Вот оно как дело обстоит: мы с вами сейчас жрём-обжираемся всякой всячиной, а там, далеко от Москвы, люди еще голодают! Там, на юге, люди до сих пор не могут отойти от голода 1933 года. Там малые детишки до сих пор одной мамалыгой питаются! Вы хоть знаете, что это такое? Эх, вы!

А Иван Христофорович раздраженно отвечал отцу:

-Папа, пора бы вам знать, что цивилизация – это не розочка, требующая полива теплой водичкой. Цивилизация – ужасное растение, которое не растет и не расцветает, пока его не польют слезами и кровью. Но нам без этого растения не выжить в современных условиях...

-Как это, сынок, я этого не знаю?! Очень даже хорошо знаю! До сих пор помню твой любимый стишок, там еще такие слова есть: "...Дело прочно, когда под ним струится кровь..." Только насчет прочности вашего дела я всегда сомневался. А знаешь почему? А потому под вашим делом всегда струилась чужая кровь, а не ваша! А чужая кровь – это водица, её не жалко! Но вот, когда ваша кровь польется, тогда мы посмотрим на вашу философию, тогда увидим, как будет прочно стоять ваше дело...

Перед отъездом на юг, к себе на родину, старик Христофор был особенно опечален. Пил он часто, но закусывал только винегретом и студнем, к деликатесам не притрагивался, часто вздыхал и повторял после каждой рюмки: "Пусть всё будет справедливо и честно!"...

Заметив такое угнетенное настроение отца, Иван Христофорович сказал:

-Папа, не переехать ли вам жить ко мне, в Москву? Вот было бы здорово! Сын и отец рядом, что ещё нужно? Москва это вам не поселок Крым и даже не Керчь! Это Москва. Она для всех – для молодых и старых, для всех! И поверьте мне, я сумею обеспечить вам счастливую старость!

-Спасибо сынок, не стоит, - ответил тогда старый Христофор и пояснил: - Человек

должен умирать там, где он родился. Мне хотелось бы умереть в Армении. Но так уж случилось, что второй родиной мне стала Керчь и Украина. Ты же помнишь, как турки нас вырезали в 1911 году, и как мы сюда убежали и как Россия приняла нас... Разве это можно забыть? Никогда! А Москва? Что Москва! Это для меня – чужой город, здесь чужая вода, здесь для меня все чужие, нехорошие, не добрые люди, вот что хочу сказать тебе, сынок. Москва – плохой город, а её жители еще хуже, фальшивые, двуличные, злые и завистливые. Среди них я заметил много перевёртышей, вовкулаков, оборотней. В Москве хорошо жить всяким проходимцам и мошенникам. Плохой город, чужой город, злой город. Крепко и сытно вы тут многие живете, но не хорошо. Я недавно в уме кое-какие подсчеты вел, и вот какая арифметика вышла: чтобы каждый москвич выжил и завел потомство, должны были умереть три крестьянских семьи. Вот такая вышла цифирь, вот такая получилась мораль. Плохая мораль, нехорошая. Обещали народу одно, а получилось другое – ложь и обман. И при всем этом, глупое бахвальство, гордыня: мы самые умные, мы самые сильные, мы самые мудрые. Откуда вы это взяли? Откуда у вас, большевиков, такое греховное самомнение? Ведь вышли вы «все из народа, дети семьи трудовой», так кажется в одной вашей бодрой песенке поётся? Так откуда, скажи мне, у вас, большевиков, эта барская спесь? Черт бы вас всех побрал! Не успели еще, как следует, во власти закрепиться, а уже во многих внутри гнильца нехорошая завелась. Не рано ли вы, господа-товарищи, загнивать начинаете? Жизнь здесь у вас роскошная, а жить то здесь некому...

Прощальный ужин Зина тоже запомнила во всех деталях. Старик Христофор был мрачен как на похоронах. До отправления южного поезда ещё было два с лишним часа, а он все время вытаскивал из брюк свои часы на цепочке, демонстративно громко открывал их крышку, и цокал удрученно языком: "Пора! Пора!" Куда спешил старик? Зачем? Кто знает...

За столом много было тостов в честь всех сидящих, но Зине почему-то запомнился на всю жизнь тост старого Христофора. Он наполнил всем рюмки коньяком до самого верха и произнес по-армянски: "Цаве танум!", а потом по-русски: "Все твои боли на мне!" Это было так здорово, это было так неожиданно, что и Зина и Иван Христофорович прослезились. Растроганы этим тостом были мама и папа Зины...

Но сама Зина тогда была рада тому, что старик Христофор уезжает, он порядком ей надоел своим брюзжанием и морализаторством. Ведь жизнь тогда у нее была такая яркая и интересная, жить было тогда весело и беззаботно! А тут этот старик, ворчливый, и вечно всем чем-то недовольный: и тут не так и здесь не сяк, и это не то, и другое – всё наискосяк!

На Курском вокзале старый Христофор, прежде чем зайти в вагон, обнял сына Ивана и предложил ему покинуть Москву вместе со своим семейством и переехать в Харьков:

-Вано-сынок, уезжай из Москвы! Прошу тебя! Переезжай на Украину, у нас там люди лучше, поверь мне! А здесь тебе будет плохо, здесь живут злые, нехорошие люди! Они погубят тебя, сынок, поверь мне, твоему родному отцу! В Харькове тебе будет свободно и легко. А там видно будет, может потом, и я к тебе переберусь... Вано-сынок, с тяжелым сердцем я отсюда уезжаю, чует душа моя, что беда большая ждет тебя! Крепко ты здесь в Москве живешь, но нехорошо! Ах ты, Господи, прости меня и помилуй...

Именно там, на перроне вокзала, защемило сердце Зины, и глубокая тоска вошла в солнечное сплетение, тревога опять холодом окатила ноги и руки. Кривая кардиограммы резко подскочила вверх... Правда, это длилось не долго, минут десять, до тех пор, когда последний вагон уходящего поезда не скрылся за поворотом. Оказавшись дома, Зина облегченно вздохнула – как хорошо, что не

будет больше этого старика – живого укора её совести. Да и Ване без него тоже будет жить легче!

Больше Зина старого Христофора не видела, он умер через два года как раз накануне ареста Ивана Христофоровича. Счастливцев! Как хорошо умереть вовремя!

Следующий 1936 год был для Зины относительно благоприятным, в этом году она неплохо отдохнула вместе с Иваном Христофоровичем в Сочи, эти же летом им удалось снять на сезон уютную дачу в Серебряном бору. Жизнь на острове Благоденствия продолжалась. То, что происходило за его границами в бурном житейском океане, Зина старалась не замечать, чтобы не тревожить свое уставшее от долгих переживаний сердце.

И в самом деле, надолго ли хватит человеку моральных сил, если он будет постоянно и глубоко переживать за судьбы миллионов людей? Не лучше ли ограничить свои переживания семейным кругом, кругом друзей и близких, жить своими успехами и успехами своего узкого круга удачливых товарищей и соратников по общему делу? Разве Зина в свои сорок лет не заслужила права быть на вершине успеха? Заслужила.

Успех следует измерять не столько общественным положением, которого человек достиг в жизни, сколько теми препятствиями, какие он преодолел, добиваясь успеха. А Зина, как ей тогда казалось, очень много преодолела разных преград, и вот её старания щедро вознаграждены. А что касается других, через какие ужасы и мучения прошли другие люди, так и не добившись ничего в этой жизни, это Зину тогда мало волновало.

К трагедиям чужих людей она стала относиться равнодушно, принимая их за обычный, необходимый, а потому становящийся привычным, ход вещей. И почему она должна жалеть неразумных неудачников? Потому что они старались новый мир приспособить к себе? Вот и поделом им! Пора бы знать этим упрямам, что только разумный человек приспособляется к миру!

Кардиограмма № 12/ 36 («Внимание: опасно для жизни!»):

Но легко оставаться разумным и спокойным, когда ты пребываешь в безоблачном, безмятежном состоянии, а когда где-то поблизости скапливаются черные тучи, переходящие в бурю и ураган, порождающие всесокрушающие вихри и торнадо, тогда и начинает пошаливать мерно плывущая прежде кардиограмма.

Это случилось где-то за месяц до наступления Нового года, а может в первой декаде декабря 1936 года, когда Зина узнала страшную новость: арестован Георгий Леонидович Пятаков – первый заместитель наркома тяжелой промышленности. Это было так неожиданно, как удар грома среди ясного неба, не только для Зины, но и для всех работников наркомата. Этого не может быть! Это какая-то нелепая ошибка, а может и происки врагов, чтобы всяческими путями обезглавить, обессилить ведущий наркомат страны? Все знали партийную биографию Пятакова.

Да, числился он когда-то в меньшевиках, был председателем Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, да, допускал раньше какие-то политические ошибки и промахи, но с кем этого не было? Еще говорят, что он был раньше под большим влиянием Троцкого. Ну и что? Многие тогда были под влиянием этого второго после Ленина великого революционера. Ну и что? Всех теперь арестовывать за их прошлое? А Пятаков все-таки человек высокого государственного уровня и всю свою жизнь отдал служению во благо Советской России и СССР. Он с 1923 года стал членом ЦК партии! В 1929 году он был председателем правления Госбанка СССР, а в 1932 году был назначен заместителем наркома тяжелой промышленности. И вот на тебе! Получай арест за всё хорошее!

Весь коллектив был ошарашен арестом столь уважаемого человека, и почти

никто из сотрудников не верил в то, что их высокий начальник может быть шпионом, диверсантом и врагом народа. В наркомате даже возникла маленькая инициативная группа в поддержку арестованного Пятакова, которая через партийную организацию решила обратиться с письмом не только к наркому внутренних дел Николаю Ивановичу Ежову, но к самому товарищу Сталину. Узнав о такой великодушной инициативе своих подчиненных, Серго запретил им выражать таким путем свою коллективную солидарность, и взял на себя все тяготы по освобождению из узилища своего первого заместителя.

По словам Ивана Христофоровича, Серго несколько раз звонил по этому поводу Иосифу Виссарионовичу, убеждал его в том, что в Наркомате тяжелой промышленности, где все люди заняты своим делом и всегда перевыполняют план, нет, и не может быть никаких врагов народа. Мало этого, Серго дважды навещал во внутренней тюрьме на Лубянке арестованного Пятакова. Но всё было тщетно. Кроме этого, как чуть позже выяснилось, Пятаков стал давать показания, в которых он сам себя объявил одним из главных участников «военного заговора», в частности, с комкором Виталием Марковичем Примаковым и другими видными командующими Красной Армии против Сталина и его окружения».

Такие признания, не относящиеся к деятельности наркомата тяжелой промышленности, лишали славного Серго всех его убедительных доводов в пользу арестованного. В самом деле, тут Сталин был прав: вредитель – это одно, а военный заговорщик – совершенно другое. Но тогда Зина и не могла предвидеть того, что с ареста Пятакова началась облава на «врагов народа» в недрах Наркомата тяжелой промышленности, она не могла тогда знать, что во второй половине февраля 1937 года Сталин поручил Орджоникидзе сделать отчетный доклад по выявлению врагов народа в своем наркомате. Об этом она узнала много позже, когда над самим Иваном Христофоровичем нависла беда.

Поэтому арест Пятакова для самой Зины прозвенел всего лишь негромким звоночком, именно тогда её сердце сжалось, и через щемящую боль просигналило: "Будь осторожна! Иди медленно!"

Но в жизни всякое бывает, и если находятся враги всюду, в самой армии и даже в НКВД, то почему не быть одному врагу и в рядах работников такого могучего наркомата, каким является Наркомат тяжелой промышленности. Главное, что Орджоникидзе на месте и её Ваня Айдинов рядом с ним и в окружении многих других ответственных и верных товарищей...

Но, по-настоящему, спокойная райская жизнь на острове советского благоденствия закончилась для Зины и её семейства в день смерти Серго. О его кончине она узнала из газет, в которых сообщалось, что отец сталинской индустриализации СССР внезапно скончался от разрыва сердца, «сгорел на рабочем посту». Зина искренне оплакивала смерть Григория Константиновича, ибо за последние два года так тесно сблизилась с ним и его семейством, что ей иногда казалось, что она находится в каком-то, пусть и дальнем, но родстве с родом Орджоникидзе...

О том, что официальным сообщениям нельзя полностью доверять, и что неожиданная смерть Серго – дело тёмное, Зина узнала в тот день, когда состоялось прощание соратников по партии и сотрудников наркомата с телом Григория Константиновича. Зину, стоявшую в кругу близких знакомых и друзей усопшего, поразил необычный в таких случаях поступок вдовы, которая демонстративно отказалась ответить на соболезнования Лаврентия Берия и отчетливо, чтобы все слышали, произнесла страшные слова: "Я руку подлецам не подаю!"

Вскоре по Москве поползли слухи, что якобы Серго умер не от паралича сердца, а покончил жизнь самоубийством, что якобы вскрытия трупа не производилось из-за ненужности – и так всё ясно! А потом, через полгода появился новый слух о том,

что Серго был убит врагами народа.

Но Зина этой чепухе не верила, и не верит по сей день. Уже тогда она, через Ивана Христофоровича, знала, что незадолго до смерти Григорий Константинович, в категоричной форме отказал Сталину предать на заклание тех невинных людей, с кем он поднимал тяжелую промышленность.

Ходили слухи, что последний разговор Серго со Сталиным длился около трех часов, что разговор был очень напряженным. Якобы Серго кричал в трубку-вертушку, что ловить шпионов, диверсантов и врагов народа в его функции не входит, и пусть этим занимаются те, кто на этом ремесле зарабатывают себе пропитание – Генрих Ягода, Николай Ежов и Лаврентий Берия. Мол-де, у каждого человека своё призвание: кто-то должен созидать, а кто-то должен убивать...

После смерти Серго в Наркомате тяжелой промышленности и его подразделениях – управлениях и главках стали мелькать новые люди, «назначенцы», а старые кадры уходили в небытие, многие были арестованы, некоторые почему-то стали сходиться с ума, и определялись в психиатрические лечебницы.

Особенно урожайными на «врагов народа» в наркомате тяжелой промышленности и по всей стране были май-июнь 1937 года. Тогда почему-то все считали, что виновником этих неуправляемых никем репрессий был Николай Иванович Ежов. Но Зина уже тогда знала от Ивана Бессонова, что всей этой безумной охотой на врагов народа заправляет «серый кардинал» Лубянки Михаил Фриновский!

Именно Фриновский взял на себя повышенное обязательство по выполнению и перевыполнению плана «по поимке вредителей-диверсантов и всякого рода отребья из троцкистско-бухаринско-зиновьевского блока во всех наркоматах без исключения»...

Выявление врагов народа в системе Наркомтяжпрома началось с периферии. В Сталиногорске (бывших Бобриках) репрессии начались с ареста в мае 1937 года Льва Янова, заместителя директора химкомбината по строительству, "как неразоружившегося троцкиста". Следом за ним были арестованы «враги народа» начальник аммиачного завода Трифонов, начальник электроцеха Постников, инженеры-химики Карцев, Пригожин, Ютер, Буль, Арнштарм, Косогов и другие. Их пытался защитить Петя Арутюнянц, директор химкомбината и сам Иван Христофорович. Однако через месяц бедняга Петя на бюро горкома ВКП(б) сам был исключен из партии за то, что "поощрял и выдвигал на высокие посты врагов народа, защищал их от критики".

Вскоре Зина узнала, что он был арестован органами НКВД. Вслед за этим в «Известиях» появилась обширная статья "О некоторых коварных приемах и методах троцкистов и иных вредителей на Сталиногорской ГРЭС".

Зина с ужасом читала эту статью и глазам своим не верила, в ней она наткнулась на знакомые, и ставшие уже родными фамилии: "Японо-немецко-троцкистскими вредителями и диверсантами была поражена вся энергетическая система страны. В Главэнерго был создан «штаб» троцкистско-вредительской банды, орудовавшей на электростанциях Союза. Возглавлялся он троцкистским уродом Игнатом, пробравшимся на пост Главэнерго. Своим помощником Игнат избрал известного во вредительской деятельности нашей Сталиногорской ГРЭС мерзавца Яновицкого, волка в овечьей шкуре..."

Далее назывались и другие, известные Зине, имена – директора ГРЭС Миши Вайнבלата и инженеров: Портнова, Бабича, Головина, Петрова, Фивейского. Им приписывались все аварии на станции, неполадки в работе, случавшиеся и до и после описываемых событий, провалы в организации соцсоревнования. А директор ГРЭС Вайнблат, ко всему прочему, обвинялся в том, что "подолгу задерживался

после окончания работы в своем кабинете, и в эти часы он принимал у себя шпионов и вредителей". Арестованы были также и многие грамотные специалисты, опытные руководители в "Стройхиммонтаже", в химико-механическом техникуме, горкома партии и комсомола. Был арестован и первый секретарь горкома ВКП(б) Иван Енов – "обер-шеф разоблаченных и арестованных троцкистов в Сталиногорске".

Зина была в ужасе. В этот же вечер она сказала мужу:

-Ваня, ты тоже часто задерживаешься на рабочем месте. Может тебе не стоит работать вечерами и ночами? Ведь тебя тоже могут обвинить в том, что ты вечерами на рабочем месте замышляешь с кем-то диверсии и вредительство?

-Могут. Они всё сейчас могут, старые кадры им больше не нужны, сейчас к власти рвутся молодые коммунисты, и я это понимаю. Мы для них, Зина, завоевали место под солнцем, но делиться с нами этой уютной площадью они не хотят. Это – новые хищники, они пойдут на всё, чтобы стереть нас с этой земли как ненужный балласт...

-Ваня, что ты сейчас мне говоришь?! Это же ужасно! А как быть со всеми нашими светлыми идеями? Ради чего тогда мучился этот несчастный народ? Зачем и кому это всё нужно? Эти великие стройки, эти великие подвиги? Неужели ради какой-то кучки людей? Неужели, твой отец прав: мы с тобой живем за счет гибели сотен, умерших от голодухи и насилия сотен людей?

Но Иван Христофорович тогда ей ничего не ответил, только скрипнул зубами, подергал нервно несколько раз желваками и ушел к себе, в свой заветный кабинет. И Зина не корила его за это, она понимала, что мужу сейчас приходится нелегко, что жизнь для него стала невыносимой пыткой.

А служба в наркомате, да и сама внутренняя жизнь Ивана Христофоровича действительно стали для него пыткой. Многие дни и часы ему приходилось присутствовать на нескончаемых партийных собраниях, где избалованные по директиве свыше саморазоблачались или разоблачались сотрудниками ведомства всякие вредители, саботажники, шпионы и враги-троцкисты. Притом, сидя в президиуме, он, как главный специалист в химической промышленности, должен был быть не только в личине руководителя, но и главного эксперта по вопросу вредительства. Но теперь рядом с ним сидели уже другие люди с другими целями и задачами. Ему уже стало боязно отвергать нелепые обвинения во вредительстве своих подчиненных и старых соратников по административно-хозяйственной деятельности. Реальность доказывала, что защищать даже невинного своего товарища от нелепых и необоснованных обвинений стало для добровольного адвоката опасным для жизни деянием. Всё стало так сложно, что легко было сойти с ума. И действительно, стань Иван Христофорович убедительно и научно обоснованно защищать того же самого Петю Арутюнянца, так сразу же у чекистов возникнет подозрение в том, что Иван Христофорович умышленно защищает «врага народа» из чисто личных интересов, чтобы самому не быть замешанным в троцкистской деятельности. Но и рьяно обвинять своего любимчика и друга Петю во всех смертных грехах, да ещё и шпионаже Иван Христофорович тоже не мог. А почему? А потому, что уже было не раз и не два, когда соратники по заговору, оказываясь по разные стороны мира свободы и мира заточения, старались всяческими путями отречься от своих единомышленников путем гневного осуждения товарищей попавших за решетку. И тогда чекистам легко было вычислить значимость в заговоре того или иного гневного «обличителя» близкого друга и товарища. А что далеко ходить, читала Зина в газете «Правда» обличительную статью Пятакова в которой он требовал смертной казни Зиновьева. Что там было написано? Неприятно читать эту мерзкую вещь нормальному, нравственно здоровому человеку: "После чистого, свежего воздуха, которым дышит наша прекрасная, цветущая социалистическая страна, вдруг потянуло отвратительным смрадом мертвецкой. Люди, которые уже давно стали политическими трупами,

разлагаясь и догнивая, отравляют воздух вокруг себя. Это люди, потерявшие последние черты человеческого облика. Их надо уничтожать, как падаль, заражающую чистый бодрый воздух советской страны..."

Через некоторое время Зина прочитала точно такую же гневную статью еще одного великого большевика Бухарина, который через газету требовал смертной казни Пятакова. В ней был точно такой же набор жестоких, нечеловеческих фраз: "Из зала суда несет на весь мир трупным смрадом. Люди, поднявшие оружие против любимых вождей пролетариата, должны уплатить головой за свою безмерную вину..."

Зина читала это все, слушала, но мозг её не мог всю эту чушь нормально воспринимать, иногда ей казалось, что она вдруг очутилась в громадной психоневрологической клинике, в чеховской палате № 6 нового образца. Но интуитивно она чувствовала, что обстоятельства на время забросили её и мужа на тот пир хищников, в ходе которого они сами себя уничтожали, когда Пятаков требовал казни Зиновьева и Бухарин казни Пятакова, когда вчерашние судьи завтра оказывались подсудимыми...

Это сейчас Зине почти всё ясно и понятно, а тогда вся эта фантазмагория казалась ей сложнейшим политическим ребусом. В самом деле, как выяснилось, – негодяи и бандиты режут негодяев, чтобы продолжать жрать вдоволь и сверх горла и срать от души в уютных клозетах, и, конечно же, властвовать над законопослушными, раболепными нищими и убогими. Это сейчас Зине всё стало понятно.

А тогда всё было как в тумане, как в бреду. Тогда ей было всех жалко. А сегодня Зине никого не жалко, кроме себя и своих детей. Как им, бедолагам, живется сейчас там, в этом зверинце, без мамки и папки?

А потом начались аресты на химическом комбинате в Лисичанске на Украине, потом в Московской области, на Дорогомилловском химическом заводе и на всех заводах, относящихся к «Анилинтресту» и другим трестам и управлениям, которые были в ведении Ивана Христофоровича.

Июнь 1937 года оказался началом ничем необъяснимой фантазмагии, Зине казалось, что мир стал стремительно меняться, для неё, в нем стали резко сменяться грани между безумием и нормальной реальностью, резкое прежде изображение повседневной реальности стало покрываться сизой дымкой, туманом шизофренического бреда.

В середине июня Ваня Бессонов был у них дома последний раз, он приехал чтобы попрощаться, уезжал куда-то далеко: то ли под Синь-Цзянь, а, может быть, под Ляоянь организовывать десантно-штурмовые отряды НКВД на случай войны с белофинами или германскими фашистами. Уже тогда он был заместителем начальника Главного управления боевой подготовки внутренних и пограничных войск НКВД СССР. Чистка аппарата НКВД Бессонова обошла. Почему, Зина не могла знать, но тогда в тот прощальный вечер было заметно, что он несказанно рад, что покидает в такое смутное время Москву. Именно Ваня Бессонов рассказал Ивану Христофоровичу о раскрытии военного заговора в высшем составе Красной Армии, а также и о врагах народа, окопавшихся в Наркомате иностранных дел, назвал даже несколько имен, которые в скором времени подлежат аресту.

Среди них оказался давнишний поклонник Зины, заведующий отделом промышленного импорта НКВД Иван Гавришко. Он являлся главным посредником между немецкими фирмами-поставщиками новейшего оборудования и Наркоматом тяжелой промышленности и всеми его подразделениями. Это был замечательный специалист, исполнительный чиновник и обходительный во всех отношениях мужчина. Он был уже женат на дочери одного из видных в прошлом чекистов, имел малолетнюю дочь, но при этом не скрывал перед Зиной своих чувств. Зине, так же

обремененной семьей и грузом лет, он тоже был глубоко симпатичен. Но оба понимали, что между ними уже ничего не может быть серьезного, их время ушло и съело все надежды.

Однако это печальное обстоятельство не помешало Зине спасти от репрессии, а может и расстрела чиновника иностранных дел Гавришко.

В этом деле всё сошлось воедино, всё стало знаком Судьбы. И своевременная информация комбрига Бессонова о предстоящих «плановых арестах» чиновников иностранного ведомства, и «внеплановый» летний отдых чиновника Гавришко в Сочи, и его междугородний звонок перед отъездом в Москву самой Зине, с просьбой встретиться на вокзале в Москве, чтобы вручить ей очень даже оригинальный подарок. Но Зина убедила его остаться еще на месяц в Сочи и даже выслала ему вскоре деньги на продолжение отдыха. И надо же такому быть, прошло время чистки органов Наркомата иностранных дел, и Гавришко вернулся на службу в свой наркомат и продолжал работать в своей должности как ни в чём ни бывало еще много-много лет...

Вот как бывает в жизни! Но, увы, с самой Зиной, как оказалось, таких чудес не произошло. Был, был, правда, намек от Ивана Бессонова: мол-де мужайтесь, скоро начнется «настоящая чистка» и Наркомата тяжелой промышленности. Да был сигнал, но этот сигнал был общим, не конкретным. А когда всё началось, когда с вершин спустилась мощная снежная лавина, уже было поздно.

Никто к ней в трудную минуту не пришел на помощь, никто даже не предупредил её о грозящей опасности, никто из тех, кто был по гроб жизни обязан ей за всё, не позвонил ей и даже не пожал руки в момент унижения и беды. Но Господь с ними, со всеми «чудом спасенными» от гибели моряками со шхуны «Надежда»...

На середину лета пришлись аресты ближайших заместителей Ивана Христофоровича на уровне директоров химических предприятий, и в первую очередь на заводах «Анилтреста»!

Сначала был арестован начальник Главоргхимпрома Хвостовский. После него – директор Дорогомиловского химического завода Марьясин, а потом - заместитель технического директора «Анилтреста» Заграничный Исаак Михайлович, заместитель начальника "«Главкраски" Клейман Семен Львович. А за ними были арестованы и другие – самые близкие Зине и её мужу люди: начальник планово-производственного отдела Лифшиц Феликс и начальник Главного управления промышленности синтетического каучука Олег Павлович Осипов-Шмитд, двоюродный брат того Шмитда, который оказался одним из ярых военных заговорщиков в Красной Армии.

А дальше пошли-поехали перевыполнять план кровавые жернова, и мощный пресс из готового фарша (лузги) старательно отделял косточки от красного сока, сока земли...

И тогда Зине стало ясно, что жизнь на острове советского Благоденствия заканчивается. Это стало более ясным, когда по Москве прокатились несколько хорошо организованных партийными организациями разных заводов, фабрик, наркоматов, институтов и академий, гневных, «народных» манифестаций с требованием «убить врагов народа как бешеных собак».

Беспартийная Зина тоже участвовала в этих массовых демонстрациях, она вынуждена была в них участвовать, ибо её должность в качестве начальника АХО "Главкаучука» обязывала её к этому, прежде всего, как «беспартийную сознательную большевичку». И она шла по улицам Москвы и кричала вместе со всеми: "Смерть врагам народа! Смерть шпионам и вредителям!"

Это были страшные летние месяцы. Будь жизнь нормальной, в эту пору хорошо бы от души отдыхать на море, или дружно собирать богатый урожай, а получилась из этого летнего сезона другое – одна сплошная, кровавая жатва, и сплошная

душевная муть.

И все-таки и в этом году в душе Зины не угасала до конца надежда на то, что и в эту очередную партийную жатву смертоносный серп не коснется тонкой, как стебелек, шеи Ивана Христофоровича. Что и на это раз беда пронесется мимо, опять наступит покой и благоденствие, всё то, что старые большевики продолжают называть «дешевым, мещанским счастьем». В самом деле, сколько же лет нужно мучиться страхом, чтобы, наконец, обрести долгожданный покой?

Но покоя не было, он улетучивался из жизни Зины как легкий инертный газ, туда вверх, в ультрамариновую синь, где озон провел невидимую границу между свирепым холодом Космоса и легким, теплым дыханием Земли. Не было покоя, и не могло быть! Какой душевный покой мог быть, когда Иван Христофорович, бросив все свои основные дела, должен был присутствовать на бесчисленных партийных собраниях под руководством партийных «назначенцев и сигнализаторов», где он, как главный руководитель своего ведомства, должен был вместе со всеми разоблачать и клеймить во вредительстве и шпионаже своих же собственных сотрудников. Это вам не научные, профессиональные консультации органам следствия и даже не объективные свидетельские показания на каком-то там «шахтинском деле», это было намного хуже.

Тут надо было импровизировать на месте, доказывать всему собранию и особенно «назначенцам» свой искренний гнев в адрес злоумышленников, диверсантов и саботажников, и при этом ни в коей мере не показывать даже малейшее сочувствие к данным субъектам.

Это делать Ивану Христофоровичу изо дня в день становилось труднее и труднее: он стал на глазах у Зины стремительно стареть и лысеть...

Наступил слякотный гнилой октябрь этого злосчастливого 1937 года, а с ним пришел черед и самого Ивана Христофоровича. На партийном собрании главной повесткой дня значилось персональное дело Айдинова. На нем Ивана Христофоровича выступающие (в основном это были «назначенцы», тайные осведомители и молодые сотрудники наркомата), которые во время выступления сотрясали в воздухе какими-то бумажками и обвиняли старого инженера в «политической близорукости, безответственности и утрате политического чутья при подборе кадров». На собрании, по словам Ивана Христофоровича, они вели себя нагло, хамили, всячески унижали его и призывали партийный коллектив голосовать за то, чтобы исключить его из партии. На этом собрании Иван Христофорович защищался, как мог – он цитировал по памяти все высказывания товарища Сталина, касающиеся вопросу по подбору кадров, где Сталин неоднократно утверждал, что ценить и судить людей надо только по их практическим делам, а не по их «идеологическим завихрениям» в далеком прошлом.

Он доказывал собранию то же самое, что незадолго до смерти говорил Сталину и Серго: "Мои работники всегда работали сверх своих сил, всегда выполняли и перевыполняли государственный план, - какие из них могут быть враги народа? И я не волшебник, чтобы усмотреть в их мозгах определенные вражеские намерения. В конце концов, в стране имеются органы безопасности, вот пусть они и выявляют в нашем стане врагов, а мы, хозяйственники, должны заниматься своим делом – завершать великий сталинский план индустриализации".

Такое, обоснованное и логичное заключительное слово Вани сработало в его пользу: общее партийное собрание заменило исключение из партии строгим выговором. Но радоваться такому благополучному исходу было тогда глупо. А если бы на этом собрании не оказалось достаточного количества членов партии, сочувствующих и хорошо знающих Ивана Христофоровича? Что было бы? У него бы изъяли партийный билет, без которого он, даже будучи хорошим химиком-технологом, не смог бы нигде найти работу. Ведь недаром товарищ Сталин сказал

недавно, что большевик, лишенный партийного билета обречен на смерть, что лишение партийного билета равнозначно расстрелу служащего Красной Армии, который нарушил присягу...

Всё это так, но для Ивана Христофоровича это собрание и строгий выговор по партийной линии означал одно – тебя, Иван, обложили со всех сторон, на тебя идет охота, облава подготовлена: "Готовься, Иван! Жди"!

А что ждать? Ареста? А как можно ждать, когда впереди ещё уйма работы и мало, мало времени, чтобы всё задуманное завершить. А тут еще эти общие и закрытые партийные собрания, и эти враги народа, всюду, в армии, в Кремле, в любом наркомате и чуть ли не в клозете и в постели.

Всюду враги, кругом враги, и уже боишься смотреть прямо в глаза своему подчиненному, секретарше, личному шоферу и даже швейцару в раздевалке...

Они, еще вчера верные и преданные, угодливые и ласковые, сегодня смотрят на тебя с подозрением добровольных судей – не враг ли народа мой шеф?

Сильно сдал после этого треклятого партийного собрания Иван Христофорович, потемнел лицом, осунулся и стал сохнуть телом. И почти ничего не ел он из мясного, в ноябре вообще перешел на овощную диету, стал замкнутым, немногословным, старался особенно не задерживаться на службе, а дома запирался со своей любимой кошкой Ксаной в своем кабинете и почти до утра что-то писал, что-то читал...

В начале декабря Иван Христофорович вообще перестал подходить к домашнему телефону, велел отвечать на звонки своей теще или Зине, которые должны были отвечать всем одно и то же: "Ивана Христофоровича дома нет. Кто звонит? Что ему передать?"

Ивана Христофоровича арестовали дома в ночь с 14 на 15 декабря 1937 года. Никто еще не спал. В то время многие люди ложились в постель глубоко за полночь, чтобы быть уверенными – еще одни сутки прошли нормально, без катастрофы...

Их было трое, один рослый, два других маленького роста с блеклыми, почти одинаковыми физиономиями, за ними в дверь протиснулась работница домоуправления Равеля Нахунова. В квартиру их впустила Зина, поэтому рослый чекист, не здороваясь, спросил её: "Хозяин дома?" –и не дожидаясь ответа, не сбивая со своих сапог мокрые комья снега, провел свой маленький вооруженный отряд вглубь квартиры. Но Иван Христофорович, услышав шум в прихожей, уже выходил из своего кабинета.

-Айдинов Иван Христофорович? – спросил его верзила.

-Так точно. Это я.

-Вы арестованы. Ознакомьтесь с ордером на арест и обыск вашей квартиры, подписанный заместителем народного комиссара внутренних дел. Обыск будет производиться мною – Эвадисом и моими помощниками, сотрудниками НКВД Даниловым и Гришаковым.

Латыш протянул Ивану Христофоровичу мандат на арест, но тот не захотел знакомиться с ним, вяло отмахнулся от него, сморщился: "Да, ладно уж, верю".

-Оружие в доме есть? –спросил Эвадис.

-К сожалению, нет.

-А почему «к сожалению»?

-А потому. Думать надо, - буркнул Иван Христофорович.

-Химические отравляющие вещества есть?

-Вы что под ними имеете в виду? Иприт, что ли? Да вы с ума сошли! Какой идиот, скажите мне, будет хранить в жилом помещении химическое оружие? За кого вы меня принимаете? – возмутился Иван Христофорович.

-Хорошо. Нет, так нет, - сразу же успокоился Эвадис и приступил к обыску.

Зина впервые в жизни видела обыск, тот жуткий процесс, когда чужие люди роются всюду, даже там, где нормальному человеку рыться и не пристало. Обыск начался с кабинета Ивана Христофоровича. Сначала чекисты стали основательно вытряхивать письменный стол, деловые бумаги откладывали в отдельную грудку, рукописи научных статей - отдельно, а личную переписку в особую папку. Туда же попали почти все фотографии, на которых Иван Христофорович был запечатлен для истории вместе с видными учеными и партийными деятелями за последние тридцать лет.

Потом чекисты перешли к книжному шкафу, перелистывая каждую книгу, искали в них письма или отметки, заглядывали в корешки, и не найдя там ничего для себя интересного, бросали книги небрежно на пол. Из всех книг, Эвадиса почему-то заинтересовала книга "История гражданской войны», текст которой был обильно испещрен пометками Ивана Христофоровича. Книга была моментально изъята и приобщена к другим вещественным уликам. Особое внимание Эвадис и его старательные помощники обращали внимание на фотографии, изъятые из семейного альбома, из секретера и даже висящие на стенах в рамках под стеклом.

Под картиной Айвазовского висело две таких фотографии – одна с дарственной надписью самого Серго, а другая была литографией с изображением пожилого мужчины в костюме середины XIX века с высоким лбом, седой шевелюрой, пышными усами и окладистой, неопрятной бородой как у Карла Маркса.

-Это кто такой? – спросил главный чекист Эвадис Ивана Христофоровича.

-Это мой бог, это великий английский химик Уильям Перкин, который впервые в мире получил искусственный анилиновый красный краситель из каменного угля. Благодаря его открытиям, сегодня мы имеем искусственный каучук, аспирин, сахарин, тротил и многое другое...

-Вот как! - буркнул Эвадис и приказал Гришакову: - Приобщи и это к делу, пусть в конторе разберутся, кто это такой – химик или английский шпион.

Ко всему прочему чекисты изъяли и кожаную обложку от грамоты с серебряной накладкой, на голубоватой глади которой красовалась витиеватая надпись: "Проводнику идей социалистической индустриализации в химической промышленности –Айдинову Ивану Христофоровичу. 1929-1932 ". Кроме этого, были изъяты правительственные награды Ивана Христофоровича и орденские книжки к ним. Это удивило и возмутило Зину: разве ордена и медали могут быть вещественными уликами? Ведь её муж честно заслужил эти награды, а не купил их где-то на барахольном рынке в Марьиной роще...

Обыск был долгим и тщательным, к этому обязывало громкое имя и высокое положение арестованного. Эвадис с глубокомысленным видом бегло изучал извлеченные на свет божий разные бумаги –письма, рукописи и черновики научных статей, а его помощники искали тайники. Чекист Гришаков с особым рвением профессионала обстукивал стены и, как настройщик пианино, благоговейно вслушивался в изменение тональности звука. Но изменений не было ни вблизи дверных и оконных проемов, ни под подоконниками, ни за картинами и гобеленами – нигде! И судя по всему, его это огорчало и нервировало: для него важным было найти тайник, а что в нем – тугая пачка керенок или тайные инструкции Троцкого – не имело значения.

Чекист Данилов, вероятно, был специалистом по паркету и мебели. Он сворачивал в рулоны тяжелые персидские ковры, изучал дубовый паркет, чтобы найти нужный квадрат, приподняв который с помощью стамески или кухонного ножа, можно было проникнуть в миниатюрное подполье, где враги народа и прочие ошметки буржуазии имеют обыкновение хранить царские золотые и разного вида драгоценности. Но, к его огорчению, паркетный пол был девственно нетронутым, а в старинной мебели, как ни странно, не оказалось ни одной тайной пустоты, нигде не

оказалось пустотелой ножки, или двойного дна в толстых крышках и ящичках. И чекиста Данилова это тоже очень огорчало и злило. Еще бы, разве приятно бывалому рыбаку возвращаться с рыбалки с пустыми руками?

В те дни котельная работала на полную мощь, и в квартире было жарко. Вскоре чекисты упрели, пот катился градом со лба и стекал по шеям под влажные воротнички. Чекисты дружно сняли с себя верхнюю одежду, сбросили ее вместе с головными уборами и шарфами на обеденный стол в гостиной, расслабили поясные ремни и расстегнули форменные воротнички...

Вскоре атмосфера квартира стала быстро наполняться чужеродными запахами. Запахло кислым потом, разогретой сыромятной кожей, дегтем, сырыми портянками, запахло рабочим баракком, казармой, запахло псиной. Скоро запах псины перекрыл все другие запахи, и Зине показалось, что целая стая бездомных псов и сук ворвалась в её квартиру, чтобы в благодатном тепле и комфорте справлять свою собачью свадьбу.

Но если бы это был только этот запах, его можно было бы еще стерпеть. Запах псины, запах навоза и сладкий, трудовой запах рабочей лошади был давно знаком Зине еще с детства, и весь этот букет запахов нормальной жизни не вызывал у неё ничего, кроме умиротворения и полного согласия с бытием. Но этот ядовитый запах, распространяемый по всей квартире чекистами, был особым: в нем чуткие ноздри здорового, свободного человека улавливали запахи неволи, беды, тления и смерти. По квартире распространился сладковатый душок мертвецкой, смрад провинциального, запущенного во всех отношениях морга, запах формалина и разлагающейся вопреки всему человеческой плоти...

Рассудок отказывался принимать такой тревожный, нелепый сигнал органов обоняния, а душа Зины мгновенно его уловила и стала через сердце тревожно бить в набат: "Беда! Беда! Смерть! Смерть!..."

Зине стало дурно, её стало слегка мутить, чтобы смягчить запах смерти, она плотно прижала надушенный платочек к носу и, бледнея, присела на диванчик рядом с понятой, представителем домоуправления Равелёй Нахуновой. Та, поджав, и без того парализованные страхом тонкие губы, опасливо отодвинулась от жены арестованного к самому подлокотнику и застыла там неподвижная, как восковая кукла...

Сердце Зины несколько раз гулко встрепенулось, как бы вздохнуло перед предстоящим долгим отдыхом, а потом забилось часто-часто, пропуская через себя вместе с кровью свинцовые широкие и бурные потоки тоски и тревоги. Она еще тогда не знала, что это ощущение останется у неё надолго, может быть и навсегда, что это ощущение – есть результат долго скрываемого, подспудного страха, необъяснимого, может быть даже, незаметно приобретенного рефлексивного страха перед лицом человека вообще.

Её сердце стало работать, как некий нанос, четко, часто и чересчур ритмично. В таком сумасшедшем темпе, как утверждают врачи, оно не может работать долго, но это уже для Зины тогда не имело значения, ибо произошло другое – глаза Зины стала застилать некая пелена.

Нет, это были не слезы. Еще не пришла пора плакать. Зина приложила платочек к глазам, и он остался сухим, нет, это было что-то другое, необъяснимое. Она усиленно зажмурилась на несколько секунд, чтобы дать отдых глазам, а потом, с трудом приподнимая веки, увидела – весь кабинет Ивана Христофоровича был в дыму.

Увидев, что жене стало плохо, Иван Христофорович бросился к окну, чтобы открыть форточку.

-Арестованный, вы куда? – всполошился Эвадис.

-Надо открыть форточку! Здесь нечем дышать!

-Нельзя! Не положено! - взвизгнул главный чекист.

-Ну, тебя к черту! –ответил Иван Христофорович и добавил: - Ты у себя в тюрьме распорядись, а здесь я пока – хозяин! Нам уже давно нужен свежий воздух! Навоняли, вы, здесь служивые, хоть топор вешай!

-Арестованный, сядьте на место! Ведите себя прилично! –взвизгнул испуганно Эвадис, а потом вдруг успокоительно произнес: - Уймись, арестованный, скоро мы перейдем в другие комнаты, там будет больше воздуха!

Но прежде чем обыскивать другие комнаты, Эвадис объявил официально в присутствии понятой товарищ Нахуновой о том, что кабинет Ивана Христофоровича будет опечатан до особых распоряжений.

-Это ещё зачем? Разве вы уже не изъяли здесь всё, что было вам необходимо? – возмутился Иван Христофорович.

-Так положено, - невозмутимо и заученно проговорил Эвадис.

-Черт возьми, меня, как старого большевика, царские жандармы обыскивали не раз, но никогда, слышите, никогда они не опечатывали моё жильё и ни в коей мере не ущемляли интересы моих родных.

-Не шумите, гражданин арестованный! Освободите помещение! – рявкнул Эвадис.

-Я то освобожу, но мой кабинет не хочет освобождать кошка, - зло заметил Иван Христофорович.

-Какая ещё кошка? –опешил чекист.

-Обычная домашняя кошка, пинкертон хреновы! Когда вы делали обыск, она забила в свое укромное местечко и сидит сейчас там.

-Так достаньте её! –приказал Эвадис Ивану Христофоровичу.

- И достану, не погибать же бедному животному от голода в опечатанной комнате! Надо же быть людьми! – зло произнес Иван Христофорович и полез под секретер. Но животное яростно сопротивлялось, нет, кошка не царапалась, но всячески упиралась и ворчала на своего хозяина, – она не хотела покидать своего основного места обитания, своего надежного логова...

Потом был этот мерзкий обыск спальни комнаты и в комнаты мамы. Зина категорически отказалась присутствовать при этом гнусном деле, ушла на кухню, стала сосать таблетки валидола и запивать их холодной водой.

Страх. Чем всё это закончится?

Стыд. Обыскивают нас не как нормальных людей, а как членов известной воровской малины.

Гнев. За что, негодяи, унижаете и губите нас? Ведь мы всю жизнь отдали для того, чтобы вам жилось, суки, спокойно! И это вдруг неожиданно откуда-то возникшее чувство ненависти к тем, кто еще вчера были тебе друзьями и, в общем-то, казались нормальными людьми...

Ах, был бы сейчас револьвер и патроны к нему! Вот тогда бы и можно было бы доказать, кто из нас трус, а кто герой! А, потом туман, в котором явь и абсурд смешиваются в одно целое, и не знаешь, существуешь ты или нет. Ощупываешь себя и кажется, что ты жива, а смотришь на мир и кажется, что всё это –сон.

Кошмар обыска закончился около двух часов ночи. Ивану Христофоровичу велели собираться. В тот момент он был необычайно спокоен, даже деловит, можно было подумать, что он собирается в свою очередную командировку: в Лисичанск, на Донбасс или в Экибастуз.

Только смертельная бледность и заострившиеся и твердые, застывшие, как гипс, черты лица выдавали его истинное состояние. В свой неизменный фибровый чемоданчик он уложил нижнее белье, подушку, верблюжье одеяло, мыльницу и две пачки туалетного мыла, зубную щетку и большую коробку зубного порошка, две

банки рыбных консервов, две пачки чая, бумажный пакет с черными сухарями, четыре упаковки хорошего трубочного табаку. Надел на руку часы с металлическим ремешком за № 518781 (подарок самого Серго!). Курительную трубку и металлическую трубочистку вместе с двумя коробками спичек положил в боковой карман своего служебного френча. Потом полез в гардероб достал кожаное пальто, подаренное ему самим Серго в Бобриках, обернул небрежно вокруг шеи болотного цвета кашне, нахлобучил на лысеющую седую голову наркомовскую, кожаную фуражку, прошел в свой кабинет, остановился около картины Айвазовского, вздохнул глубоко и произнес чуть слышно: "Кто любит море, тот любит и бури"...

-Вот и всё, Зиночка! Прости и прощай, дорогая! Я думаю, что это ошибка, там видно будет! Мы с тобой обязательно увидимся! Всё образуется, всё будет хорошо! –произнес Иван Христофорович спокойно и буднично.

В прихожей они обнялись, но целоваться не стали, а просто потерлись щеками, и Зина, которая всегда была атеисткой, почему-то шепнула мужу на прощание: "Храни тебя Бог, Ваня!"

В прихожую вошла кошка. Она тоже решила принять участие в расставании, она так часто провожала Ивана Христофоровича в командировки, что это уже вошло у неё чуть ли не в обязательный ритуал. Она легко по спине хозяина взлетела на плечи Ивана Христофоровича и улеглась на шее в виде живого, пушистого воротника. Но в этот раз она не мурлыкала, не играла на своей кошачьей шарманке, а была чрезвычайно возбуждена. Шерсть на загривке и по всей спине поднялась дыбом, а, и без того пушистый хвост, увеличился вдвое и превратился в черный клуб паровозного дыма, громадные черные глаза неистово пожирали двуногих чужаков, которые внесли в спокойный и уютный мир её прайда флюиды беды и мерзкий запах псины...

-Уберите животное! Попрощались, и хватит, нам пора! –пролаял Эвадис, и было непонятно, то ли он боялся агрессивного вида кошки, то ли, действительно, он и его бригада не укладывались по времени в свой рабочий график.

Легко сказать, но чертовски трудно сделать. Когда Зина попыталась снять кошку с Ивана Христофоровича, но та запустила свои когти в кожаное пальто так глубоко, что потребовались большие усилия, чтобы оторвать бедное животное от своего хозяина-благодетеля. Из пальто с плеч самого Серго были вырваны маленькие клочки кожи. Но и оказавшись на руках Зины, кошка не убрала когти, а наоборот вонзила их в одежду хозяйки-мамки, в её тело, как будто понимала, что чужие люди-псы могут увести и её вместе с Иваном Христофоровичем, вожакom её прайда. Но Зина тогда не чувствовала боли, ибо боль в сердце была сильнее боли физической.

Свободной правой рукой Иван Христофорович погладил кошку за ухом, нежно потрепал её за пушистые щечки и с ласковой требовательностью произнес:

-Нельзя, Ксана, нельзя! Нельзя мамке делать больно, отпусти коготки! Жалей свою мамку, люби её! Ей без меня будет трудно. Жди меня, Ксана! Я быстро, я быстро вернусь. Скоро вернусь, скоро...

Открылись и закрылись входные двери, прогромыхали по лестнице вниз подкованные сапоги, еще раз хлопнула дверь подъезда, заурчала машина и с ревом исчезла за крутым изгибом Хохловского переулка, а Зина еще долго стояла у входной двери с кошкой на руках. Животное послушалось своего хозяина и спрятало когти, но оставалось еще долгое время возбужденным и нервным. Чувствовало ли оно непоправимую беду? Тогда Зине было не до этого, не до психологии животных, а сейчас Зина думает иначе: а почему бы и нет?

Если те же самые кошки, как показали наблюдения, заранее чувствуют землетрясения, цунами, разного вида катастрофы, то почему они не могут заранее чувствовать и катастрофу своего хозяина-покровителя? Вполне могут...

Кардиограмма № 12/37 («Спасите наши души!»):

Так бы и стояла тогда Зина у входной двери в оцепенении, как соляной столб, до самого утра с кошкой на руках, если бы не мама. Она осторожно увела её в спальню и уложила в постель вместе с кошкой. Но сон не приходил к ней, ему мешал дым беды, дым одиночества заполнивший реальность, которая с этой ночи стала сплошной, постоянной фантасмагорией...

Что было потом? Потом наступило утро, и Зине надо было идти на службу. Это утро было особенно ясным. Этим утром впервые за три последних года не раздался привычный звонок в дверь личного шофера Ивана Христофоровича, и не было у подъезда служебной машины. В это утро Зина пошла на работу пешком.

На Покровском бульваре мельтешила жизнь. Вот грохоча и звеня, промчался трамвай «А», «Аннушка», унося в своем чреве счастливых идиотов, а вот вспорхнула со скамейки стайка беспричинно смеющихся глупых школьниц и умчалась в сторону, а по тротуару длинной вереницей зашагали вверх по бульвару тупые чиновники Наркомпроса, у всех тусклые, важные, как у жрецов, лица. Но для Зины это уже была чужая жизнь и чужие люди...

День обещал быть ясным и морозным, но отчего перед глазами туман, один сплошной туман? Разве может быть такое? Глаза почти ничего не видят, только отчаянно бьется в висках кровяная жилка в унисон с бешеным биением сердца, и необычайно напряжен слух. Зина слышит все, о чем говорят прохожие, – они говорят обо всем, и в то же время ни о чем, по существу это даже не разговоры, это не речь, а просто блеянье овец идущих на пастбище. Снег резко скрипит под ногами, и этот натужный скрип глумливо передразнивает эхо внутренних дворов. Спускаться вниз к площади Ногина всегда было легко, а в это утро Зина добралась до серого здания Наркомата тяжелой промышленности удивительно быстро. У проходной вахтер внимательно сличал внешность Зины с фотографией на пропуске. Почему? Видно бессонная ночь изменила её черты, а может быть, он уже знал, что она с сегодняшнего дня жена врага народа?

Туман сгущался, сизый, ядовитый дым наполнил все помещения и коридоры здания наркомата. Навстречу ей бежали какие-то люди, но Зина не узнавала их, а может и не хотела узнавать, некоторые здоровались с ней, другие нет, прижимаясь к стенке, уступали дорогу и бежали дальше.

Не отвечая на приветствия и не видя всех в упор, Зина, как лунатичка, зашла в свой кабинет и уселась в кресло. Достала из ящика служебного стола чистый лист бумаги и стала писать заявление об увольнении с работы по собственному желанию на имя самого Лазаря Моисеевича Кагановича. Почему на имя Кагановича? А кто её знает, эту Зину тех лет! Может быть, ей не хотелось иметь дело с новым «назначенцем и выдвигенцем» на должность "Главкаучука", а может быть потому, что именно Каганович в то время был главным куратором Наркомата тяжелой промышленности...

В кабинет вбежала секретарша Валя, посмотрела на Зину, горестно всплеснула руками и завопила:

-Зинаида Петровна, миленькая, да что с вами?! Да на вас лица нету! Ах, ты Господи? Зинаидочка Петровна, родненькая моя, что с вами случилось!?

-Умолкни Валя. Захворала я, и видно серьезно.

-Так может мне врача вызвать? Это я мигом...

-Оставь меня в покое, Валя. Не мешай мне. Я сама пойду к врачу.

-Угробите вы себя на работе, Зинаида Петровна, сгорите, как свечка! – продолжала верещать сердобольная Валя, закрывая за собой дверь.

В кабинете начальника отдела кадров треста "Главкаучук" тоже было много дыма и тумана. Зина не видела лица главного кадровика, но у неё не было желания его

видеть, у всех кадровиков одинаковые лица.

Кадровик прочитал заявление Зины и прогнусавил:

-Ну, Зинаида Петровна, ну, вы даете! И зачем это вам? Зачем вы написали заявление на имя товарища Кагановича? Это я скажу вам, не по адресу, вы не такая уж большая величина, чтобы писать подобные заявления на имя члена Правительства и ЦК партии. Увольнять вас или оставлять в прежней должности –это право руководства треста "Главкаучук"...

-Нет, это не ваша воля, а моя! Мне решать: работать здесь или уйти, - резко возразила Зина.

-Не горячитесь, Зинаида Петровна. Давайте сейчас я порву ваше заявление и выброшу его, а вы пойдете на свое рабочее место и будете работать и дальше на благо нашей Родины...

-Только попробуй порвать, выдвигенец вонючий, только попробуй, я тебя, крыса, сразу же тут и задушу, - зло прошипела Зина и добавила: - Вложи мое заявление в моё личное дело! Немедленно вложи, ты меня понял? Негодяи, когда же вы перестанете меня мучить?!

-Зинаида Петровна, нельзя так грубо... Я о вас был другого мнения, - испуганно пролепетал кадровик.

-Мне сейчас наплевать на твоё мнение. Вот тебе мой пропуск, бери и оформляй увольнение по всем буквам закона!

-А обходной лист?

-К черту обходной лист, обнесете за меня, когда меня арестуют!

-Зинаида Петровна, нельзя из ареста мужа делать такие поспешные выводы. Кто знает, может быть, Иван Христофорович будет и оправдан. Всякое в жизни бывает...

Последняя фраза начальника отдела кадров "Главкаучука" добила Зину окончательно: всё ясно – все начальники подразделений главков Наркомата тяжелой промышленности уже были оповещены об аресте Ивана Христофоровича! Суки! Форменные суки! Новая волна ненависти захлестнула душу Зины. Её рука произвольно потянулась к тяжелому пресс-папье, но, перехватив животный страх в глазах чиновника-«назначенца», Зина брезгливо откинулась на спинку стула и скрипнула зубами. Тут ей почему-то вспомнился рассказ отца о Владимире Маяковском, и она вдруг неожиданно для себя произнесла совершенно спокойным голосом:

-Черт с вами! Если вы по-настоящему искренне сочувствуете мне, то оформите мне увольнение в течение пятнадцати минут по всем буквам закона вплоть до выплаты мне жалованья, но только умоляю вас, как мужчину, оформите всё как следует, но только без моего участия. Я устала, я страшно устала, я никого не хочу видеть, и ни с кем не хочу общаться. Вот вам все мои документы, берите всё, берите. Вы меня поняли?

-Конечно понял, Зинаида Петровна! Как же мне не понять вас!

-Не лгите. Сейчас вы лжете. Понять меня вы сможете только тогда, когда чекисты арестуют вас за близорукость в подборе кадров...

-Типун вам на язык, Зинаида Петровна, я честно служу партии!

-Все так говорят, а у чекистов на этот счет будет другое мнение. И ваш бывший начальник Ягода тоже считал, что он верный ленинец, а его вот взяли и арестовали как предателя.

-Зинаида Петровна, не надо! Прошу вас, не надо! Я мигом всё сейчас оформлю, даже во вред себе!

-Да уж, во вред, так вам я, сорокалетняя женщина, и поверила! Ха! Вам за столь «своевременное» мое увольнение, за так называемую политическую бдительность даже премию выдадут!

-Не надо ехидничать, Зинаида Петровна, не надо меня считать за дурака. Я

понял вас, как никто другой, вам хочется уйти по собственному желанию из нашего учреждения, чтобы таким способом избежать общественного осуждения...

-Гм, а кто этого не хочет? Кто хочет, чтобы его забивали до смерти камнями за свои добрые дела и труды?

-Ах, Зинаида Петровна, что поделаешь – время такое сложное у нас, трудное...

-Времена всегда были трудными и сложными, а виною этому люди-мерзавцы, а они всегда были и будут... Негодяи-трутни всегда руководили рабочими пчелами...

После этой фразы Зины начальник отдела кадров побледнел. Ещё бы не побледнеть: в его кабинете впервые зазвучали антисоветские речи! Но Зине на это всё было уже наплевать, она выговорилась, и на душе стало легче.

Не прошло и двадцати минут, как из кассы бухгалтерии ей принесли расчетную ведомость, и она с удовольствием расписалась под весьма приличной суммой. Вот, что такое смелость суждений там, где у всех кляп во рту!

Зина вышла из серого здания наркомата, перешла площадь Ногина и пошла вверх по бульвару к Лубянке и к Маросейке. Подниматься вверх, как ни странно, было легко и, Зина неожиданно для себя, быстро оказалась около чугунного памятника в честь доблестных героев Плевны. Памятник был изрядно запущен, человеческая рука не касалась его, видимо, лет сорок, а может и больше. С северной стороны два витража были давно выбиты, и внутри чугунного сооружения гулял холодный ветер, и бессмысленно кружились во тьме осторожные снежинки.

Зина остановилась, в её мозгу сверкнуло горькое и грешное: "Вот она так называемая благодарная память потомков. Убито десятки тысяч душ не известно за чьи интересы, и вот торчит эта чугунная часовня стоимостью в десять тысяч золотых рублей. И всё! И новые люди идут мимо этой несурязицы прошлого, не замечая её, как будто это не памятник прошлого, а просто чугунная нелепица. Как страшно! Как безнадежно больно видеть это всё – хлам великих начинаний и авантюрных идей.

А что же останется после них, после большевиков? Позор или слава? Что останется после Ивана Христофоровича и его сподвижников, что останется после неё, Зины? А ничего! Ни креста над могилой, ни внушительного памятника на известном кладбище. Это уже сейчас Зине ясно. В истории останутся только негодяи, которые присвоят себе труды многих тысяч людей. Да и кто она, Зина, сегодня? Никто. Деклассированный элемент? Нет. Паразитический элемент? Ещё нет. Безработная гражданка? Нет. В СССР нет, и не может быть безработных, есть только необходимый слой иждивенцев – детей, стариков, домохозяек. Так кто же она сейчас? С сегодняшнего дня Зина для всех – жена врага народа, социально-опасный элемент. Да!

Еще вчера она была славной труженицей социалистической индустрии, а сегодня Зина стала весьма опасной особой – сегодня Зина способна не только на антисоветскую пропаганду, но, и на другие злодеяния.

Отныне, по мнению компетентных органов, она может убить любого советского человека, организовать диверсию, отравить смертельным ядом весь московский водопровод, заразить бациллами чумы Московский метрополитен имени Кагановича и все цеха Автозавода имени товарища Сталина. Отныне она очень опасна даже без огнестрельного оружия...

Зина умом это осознавала, но её душа пела: "Ты свободна! Ты свободна! Лети, лети, вольная птица!"

И Зина пошла пешком через всю Москву, чтобы вдоволь насладиться одиночеством и свободой. Был обычный рабочий день, но на Охотном ряду было и на улице Горького было многолюдно, и не все прохожие были иногородними, большинство гуляющих составляли именно москвичи, свободные люди, явно далекие от трудовых подвигов на фабриках и заводах. И Зина с удовольствием присоединилась к толпам ранее неведомых ей советских бездельников. Её мучила

неопределенная жажда, нет, ей не хотелось обычной с сиропом газированной воды, и тем более пива, а что-нибудь, такое оригинальное и необычное, что-то волшебное, ну, например, коктейль «ананасы в шампанском», о котором она когда в юности читала в сборнике стихов Игоря Северянина. Зина вошла в ресторан гостиницы «Метрополь», туда, где жили и продолжали ещё жить славные руководители и члены Интернационала. Ходили слухи, что кухня тут была во все времена очень даже неплохая. Особенной была кухня ресторана, где расчет велся не на талоны, а на реальные советские рубли и валюту.

Зина заказала себе сто грамм коньяку, минеральную воду и заливную рыбу. Официант назойливо предлагал ей сачок, чтобы она лично выловила из бассейна, где бил фонтан, живого карпа, которого через полчаса повар зажарил бы и подал в сметане, но она отказалась. Она не хотела быть соучастницей в убийстве живого существа.

Но, увы, и здесь, она не могла насладиться покоем благостного уединения. Не успела Зина пригубить коньяк и запить его «Боржомом», как к ней подошел мужчина лет сорока, слегка приплюснутым черепом, тонкими губами, в потрепанном костюме и вежливо представился: "Я – Олеша Юрий Карлович, писатель. Вы, прекрасная, златокудрая богиня, прошелестели мимо моего стола, как ветка сирени! Разрешите мне преподнести вам бокал шампанского!

-Спасибо, Юрий Карлович, но я не люблю шампанское, от него потом дурная голова и глупые поступки...

-Но позвольте, позвольте несчастному писателю выразить глубокое уважение вашей несравненной красоте...

-Не позволю. Я хочу покоя, оставьте меня...

-Но я - Олеша, автор романа «Три толстяка»!

-Может быть. Ну и что? А я – жена врага народа.

-Жена врага народа? Здесь в ресторане? Зачем, вы так зло шутите? – опешил известный писатель.

-Какая к черту шутка! Вчера был арестован мой муж, а мой арест состоится со дня на день. Сегодня я в ресторане, а завтра, может быть, буду в ссылке или в лагере. Вы что, уважаемый писатель, на Марсе живете?

-Мадам, прекрасная дама, я вам не верю, вы меня разыгрываете. Нельзя так! Чем вам не нравится мой последний роман?

-Хороший роман, но в нем описана жизнь умозрительной страны, а я далека от проблем жителей некоей Тутанхамонии, мне ближе моя родная Охломония. И еще, разве этим миром управляют только одни толстяки? Кстати говоря, уважаемый писатель, толстяки, в основном, добродушные люди, а вот тщедушные, серенькие субъекты, озлобленные карлики, как раз таки и являются вершителями людских судеб. И не даром кто-то из мудрецов сказал, что самые большие глупости свершаются с серьезной миной на лице...

-Боже мой, кого я вижу! Нет, вы должны стать героиней моего очередного романа...

-Не городите пьяной чепухи, дорогой мой Юрий Карлович! От ваших фантазий и от юмора Ильфа и Петрова меня уже тошнит! Нельзя глумиться над своими соотечественниками! Мы живем в суровое время. И мне как читательнице, намного ближе романы Жюль Верна, нежели ваши социально-революционные опусы. Не надо романтики лжи! Прочь «Алые паруса» Грина и всякую дребедень! Не надо устраивать революций на Марсе и Луне! Довольно! Хватит! Опуститесь лучше на землю, трудитесь и умрите на ней! Возьмите в руку лопату, наймитесь в пастухи, черт возьми! Но только не морочьте нам, нашим детям и внукам, всякую романтическую чепуху! Оставьте нас в покое, и не надо из убийц делать ангелов, из воров прекраснородушных благодетелей.

Умрите вместе с нами, умирать сообща совсем не страшно. Вы что, меня ещё не поняли? Я – жена врага народа! Со мной вам опасно общаться! Уходите! Я прошу вас. Все вы – смерды, начиная от Маяковского кончая Исаковым, всем вам нужен кусок конский, жирный кусок. Вы меня поняли? Уходите! Я опасна для вас, глупый, вы человек!

Зина с ненавистью посмотрела на него, ибо почувствовала, что «инженер человеческих душ» не на шутку испугался её речей. Он очень перетрусил, он изменился в лице. Это явно был не её идеал. Писатель всё понял, извинился и ушел к своему столику, где уже сидело несколько окололитературных прихлебал и подпевал, из тех, кто лишний раз любит выпить за чужой счет, за счет спивающегося от духовных мук советского литератора.

Зине тогда было не до писателя Олеси. Она понимала: духовные муки поэта – это ещё не настоящие муки, а лишь частичная игра в них, что истинные муки познаются не в московском ресторане, а где-нибудь на ледяной кромке Ледовитого океана, без пищи и без крова.

Её душа ныла от излучения флюидов неожиданной свободы и от того тревожного ожидания, связанного с этой свободой беды. Свобода беды? Вот чушь собачья. Вот он вам воздух свободы – с одной стороны ты свободна, а с другой стороны всякая сволочь свободна тебя в любой момент, ничего не опасаясь, ограбить, изнасиловать и убить...

Она тогда стояла у последнего рубежа, когда на исходе были надежда и выдержка, а с ними великие и простые чувства – любовь, печаль, сострадание, отчаяние – смогли бы в последний момент помочь ей найти в себе силы, чтобы перешагнуть этот роковой рубеж.

А мысль одна: идите вы к черту все, романтики революции! От вашей кровавой романтики меня уже тошнит. Господи, сумбурные мысли, глупые мысли. А кто сейчас мыслит мудро и толково? Да никто!

Но это ещё вспомнется Зине потом, все эти мысли, приходящие во сне, где волк вначале отнимает у тебя тушу овцы, а потом, насытившись, благосклонно оставляет тебе две жилистых бараньих рульки на холодец, на блюдо неизвестное всему миру, странам и народам. Хочется ругаться матом, а как-то не может. Лучше умереть, чем ругаться матом, проклинать родную матушку.

Нигде нет покоя, даже в ресторане гостиницы «Метрополь». Да, ладно, можно пройтись по улице Горького и затеряться в толпе.

У Зины сейчас много денег, очень много, она многое сейчас может себе позволить. Многое позволить? А что именно? Зайти в ресторан «Арагви» и окружить себя на время пылкими поклонниками? Какая дешевка! Зине в этом году исполнился сорок один год.

Это средний возраст жизни всех жителей страны Советов. В этот хронологический отрезок времени вмещается всё в жизни советского человека – его жизненный маршрут и цель этого краткого животного маршрута. Греховное зачатие, убогие условия рождения, голодное вскармливание, полуголодное существование, взросление и рабский труд, продолжение рода в процессе выживания, а потом ранняя, тихая смерть раба, без тени обиды на своих мучителей ...

-Ваня, Ванечка, Ваню, ты жив? Ты меня видишь, ты слышишь меня? Ваня, ты где? Рядом, близко, или очень далеко?

Чудовищно: родиться и с раннего детства лгать, и умереть в сорок лет даже не успев, из-за войн и всяких сучьих, безумных реформ, оставить после себя здоровое поколение! Что разве не так? Именно так! Зина это все видела, всю эту насильственную случку во время Гражданской войны и после неё.

Осеменяли бесправных русских женщин бандиты с оружием в руках, изнасилованные женщины рожали от них агрессивных и неполноценных детей,

советских невольников. А какое потомство могли оставить после себя вечно голодные строители того же самого Бобриковского химвкомбината? Зина вспомнила страшную панораму поселка строителей и вздрогнула. Бр-р-р! Рожденные в землянках дети, не могут стать полноценными людьми, а родовое гнездо должно быть надежным, теплым и уютным...

Зине расхотелось гулять по улице Горького и, не доходя сотню метров до Моссовета, она пошла обратно, перешла Манежную площадь и вдоль решетки Александровского сада направилась к Большому Каменному мосту.

Зина прошла мост и направилась в Замоскворечье по Большой Полянке, потом свернула налево и стала бесцельно бродить по узким, кривым переулкам. Здесь было тихо и малоллюдно, здесь легче думалось и переживалось. Здесь прошлое застыло, как заповедный лес перед грядущей бурей, и казалось, что часы истории продолжали величаво отмерять неторопливый ход времени. Какая неведомая сила повлекла Зину в тихие и благодные места старой Москвы? Нет ответа. Скорее всего, это было тихое прощание Зины с Москвой на долгие годы, а может быть и навсегда. А может быть и расставанием с двумя эпохами, с двумя веками – прошлым веком и настоящим...

Солнечный морозный день. Тихие переулки: Старомонетный, Большой Толмачевский, Лаврушинский, уютные купеческие дома и особняки, церквушки, дворцы и уютные дворики. Вот где еще можно было бы жить-поживать лет до ста, не зная инфарктов, инсультов и безумия, умереть спокойно от старости в кругу своих родных и близких, если бы не эта болезненно-лихорадочная забота о райской жизни подрастающих поколений...

В ослепительно яркой голубизне неба величаво парило одинокое облако похожее на голову кошки. Но туман, морозная дымка перед глазами Зины не рассеивался, мутная мгла окутывала землю, и всё то, что на ней жило и держалось. Небо было голубым, а на земле было только два цвета – черный и белый, как на старинных гравюрах, как на черно-белой хроникальной киноленте.

Зина шла, раздвигая эту мутную мглу, чем-то похожую на лохматую границу сна, эту серую запретную полосу между светом и мраком, сном и явью, между смертью и жизнью. Нет, Остров Благоденствия в переулках Замоскворечья был обманчив так же, как и другие заповедные места великого, злого города. И даже те редкие черно-белые прохожие, идущие ей навстречу выглядели точно так же, как и всюду. Сквозь туман видны были их угрюмые, озабоченные лица, они бросали на Зину настороженные взгляды зверей, обнаруживших на своих охотничьих угодьях пришлого чужака, чужачку, важную и богато одетую даму, внимательно высматривающую для себя богатый особняк, родовое гнездо, чтобы вселиться в него, предварительно выбросив из него разношерстную, случайную ватагу «подселенцев». И каковым был маршрут Зины? Самым обычным – куда ветер подует и как душа подскажет...

Необъяснимы и загадочны явления человеческой психики! Буквально минуту назад Зина радовалась свободе и одиночеству, а вот мелькнул отблеск незримого, что-то екнуло под сердцем, и на тебе – одиночество стало угнетать, свобода обратилась в химеру, а люди, прежде не замечаемые в упор, стали пугать её основательной, непримиримой недоброжелательностью. Дым одиночества из сладкого и аппетитного превратился вдруг в дым смрадной смолокурни. Да, всё это так, но очень хочется увидеть нормальный человеческий лик! Хочется увидеть образ для подражания! И с этим ничего не поделаешь!

Зине вдруг захотелось общения с кем-то близким по беде человеком. Она стала перебирать в памяти всех тех, кто были обязаны в свое время ей не только относительным своим благополучием, но может быть, и самой жизнью, искала таких и не находила. И это было мерзко.

Почти все они, после всего того, что случилось с Иваном Христофоровичем и с самой Зиной, вызывали у неё смутные нехорошие подозрения. Вот она, беда! Многим отдала Зина спасательные круги от гибнущего в пучине судна, а себе не оставила, и кто сейчас ей отдаст спасательный жилет и найдет место в перегруженной шлюпке, утешит и согреет добрым словом? А между тем грозные валы неумолимо гонят шхуну «Надежду» на острые скалы Тавриды...

И вдруг сверкнуло что-то во мгле, озарило Зину: Соня Шлихтер, жена сошедшего с ума этим летом известного химика-физика Шлихтера из треста «Главуголь»! Вот кто может сегодня понять Зину! И как это Зина могла забыть эту фамилию, из-за которой во всей системе Наркомата тяжелой промышленности так много было шума? Какое безобразие!

У входа в Третьяковскую галерею стояла одинокая телефонная будка, и Зина позвонила Соне, чтобы узнать дома ли она. Она была дома, ей дали недельный отпуск уходу за больным ребенком.

Через пять минут Зина входила в её квартиру. Соне не надо было объяснять, чем вызван столь неожиданный визит. Она всегда была умной и тонко чувствующей молодой женщиной. И сразу же, в один миг, Зина с облегчением почувствовала, что Соня рада её приходу, знает, чем вызван этот визит, и что она готова внимательно вникнуть в суть дела подруги по несчастью.

-Сегодня я одна с дочкой, все соседи ушли на работу, - радостно шепнула Соня, когда они обнимались и целовались.

Пятилетняя девочка Сталина спала за тонкой, фанерной перегородкой в смежной комнате. Чтобы не беспокоить больную девочку, женщины решили пить чай и беседовать на общей, коммунальной кухне.

-Я дочку трудно рожала, Зинаида Петровна, очень трудно. Девочка никак не хотела появляться на этот свет, всячески упиралась, и только акушерка насильно щипцами вытащила её в этот мир. Я не знаю, хорошо это, или плохо. Девочка родилась очень ослабленной, и мы с мужем решили назвать её Сталиной, чтобы это имя изначально дало ей крепкое здоровье, крепкое как сталь! Вы в это верите?

-Нет, Соня, мне кажется, что всё это чепуха. Не имя, и не фамилия определяет судьбу человека. Его судьбу определяют сильные мира сего. Вот и вся формула. Кто знает, может быть, благодаря своему имени и миловидности она и сделает со временем нормальную карьеру. Кто знает...

-Зинаида Петровна, когда арестовали Ивана Христофоровича?

-Вчера и сегодня. Ночью. А что?

-Ничего. Просто я удивлена тому, как быстро вас уволили из треста.

-Меня никто не увольнял, я сама ушла, по собственному желанию...

-Как так, по собственному желанию? Да быть такого не может! – изумилась Соня и восторженно добавила: - Зинаида Петровна, вы – первая из жен «врагов народа», которая уволилась с работы по собственному желанию! И я думаю, что этот поступок будет замечен нашими высокими руководителями, и вас и ваших детей не тронут! Вы хоть понимаете, какой мужественный поступок вы совершили?

-Нет, Соня, не понимаю, и понимать не хочу. Я это сделала по самой простой причине нормального человека: не хочу этих разбирательств на общих собраниях коллектива, не хочу ни перед кем оправдываться, отрекаться от мужа и клеветать на него. Мне это всегда было противно и мерзко. А то, что меня не тронут, я в это не верю. Еще как тронут, вот увидите...

- Вы уверены, что дело Ивана Христофоровича абсолютно безнадежно, и что он не вернется к Новому Году домой?

-За последние два года никто из арестованных не возвращался домой из ведомства Ежова и Фриновского, обычно все арестованные исчезали из нашей жизни. И если вы, Сонечка, и знаете таковых, то назовите мне хотя бы одно имя...

-Не могу, Зинаида Петровна, я не знаю таких счастливиц, - удрученно прошептала Соня.

-То-то и оно! Мне, как и моему мужу, остается сейчас ждать ночи своего ареста. Скорей всего, что это произойдет через два месяца, а может быть и раньше. Одно ясно, что я должна спешить, чтобы завершить свои житейские дела. Ясно так же и то, что после моего ареста моя мама должна вернуться на своё прежнее место жительства к Петру Исааковичу, а наша ведомственная квартира отойдет какому-нибудь новому назначенцу. Меня же скоро ждет лагерь, в лучшем случае ссылка в Тьмутаракань. Поэтому сейчас я дам вам адреса своих родителей и детей, отдам все деньги, что у меня имеются при себе, а вы уж, Соня, поступайте по обстоятельствам, я вам верю, дорогая, как никому...

-Во мне, Зинаида Петровна, вы можете не сомневаться, я постараюсь выполнить всё, что нужно, ведь у нас с вами одна беда, - сквозь слезы произнесла Соня.

-Одна беда, Соня, одна, - негромко повторила Зина и спросила осторожно: - а как чувствует себя ваш муж? Есть ли улучшения в его здоровье?

Лицо Сони вдруг озарилось светлой улыбкой, можно было подумать, что этот вопрос Зины она давно ждала и была даже рада ему:

-С ним всё хорошо! Я недавно навещала его, лечение проходит нормально, там хорошие условия, он так рад, что попал в руки доброго доктора и в компанию интересных людей...

-Даже так? - удивилась Зина и добавила с укоризной: - Но разве можно радоваться тому, что твой супруг находится в психиатрической больнице? Странно как-то...

-Конечно нельзя, Зинаида Петровна, - вдруг смутилась Соня. - Но здесь особый случай. У моего мужа обнаружена гневливая мания на почве синдрома накопленной усталости. Эта болезнь, как сказал мне доктор, излечима, и ни в коей мере не отразится на научной деятельности моего мужа, а это самое главное! Не так ли? Да, он, после выхода из психбольницы, уже не сможет занимать ответственные, руководящие должности, ну и что из этого? Еще не известно, кем лучше в наше время быть - ученым-шизофреником или ответственным руководителем, занимающим заведомо «расстрельную» должность...

-И много там пациентов с таким «хорошим» диагнозом? - перебила Зина.

-Да нет! У всех диагнозы разные, и не все тихие шизофреники неизлечимы, только буйные сумасшедшие не имеют перспектив. А тихие, скажу я вам, очень даже милые, умные, обходительные и приятные люди, среди них много интеллигентов и ученых. Например, сосед моего мужа по палате, ученый-астроном Воронцов-Вельяминов... Чудесный человек! Он так захватывающе и образно рассказывает об устройстве Вселенной, что даже и в планетарий ходить не надо! Чудо-человек! Но вот беда - в конце года на него обязательно находит затмение сознания, и ему кажется, что он сам вместе с Вселенной сжимается вначале в маленький черный мяч, а потом в чуть заметную точку. А ему не хочется быть в этом мире больших предметов всего лишь черной точкой, пусть даже самой тяжелой в Мироздании. И он от этого мучительно страдает...

-Кто такой Воронцов-Вельяминов? -спросила Зина.

-Это молодой автор нового учебника по астрономии для старших классов.

-И кто же этого автора определяет в дом сумасшедших? Родственники?

-Нет, он сам приходит в больницу и просит врачей излечить его от этого странного наваждения. На него очень плохо действует полнолуние и лунные затмения. Но всё проходит, Луна уравнивает земную ось, порядок вещей сохраняется - и Северный полюс не становится экватором, а прежний Экватор не покрывается льдом, и на том спасибо! Наступает весна и ученый выписывается из больницы, и, как ни в чем не бывало, приступает к своей научной и

преподавательской деятельности. Вот и всё!

-А может он симулянт? – недоверчиво спросила Зина.

-Да что вы! Зачем ему это всё нужно?

-Всякое может быть, а вдруг у него родственники есть из троцкистско-зиновьевского вражеского лагеря, а может он и сам чем-то был связан с зарубежными разведками? Кто его знает? Может он немецкий шпион под маской астронома? Может ему удобно под крышей дома дураков проворачивать свои дела? Но это еще полбеды, а вдруг ваш астроном является стукачем на время прохождения большими судебно-психиатрической экспертизы?

-Вы это серьезно, Зинаида Петровна?

-Уж куда серьезнее, Соня! Здесь не до шуток, когда у тебя ночью уводят мужа, не предъявив ему никаких серьезных обвинений, кроме ордера на арест, с чьей-то закорючкой и невнятной синей печатью НКВД, тут только о чем не подумаешь. То ли твой муж действительно виновен, то ли он всего лишь –жертва доноса...

-Неужели и там, в сугубо специфических больницах, имеются доносчики?

-А почему бы нет?

-Вот ужас! –воскликнула Соня, и по всему было видно, что она не на шутку испугалась. Тогда Зине было не до анализа поведения Сони, тогда она лишь чутьем догадывалась о причине испуга молодой женщины, но не стала уходить в глубину этого психологического ребуса.

-Зинаида Петровна, неужели ваше положение безысходно? –продолжила Соня после некоторой паузы.

-Думаю, что да. Мне, как и мужу, остается сушить сухари и ждать своего ареста...

-Но так нельзя! Нужно искать какой-то выход, а не сидеть, сложа руки! Это не в вашем духе, дорогая!

-А что вы мне предлагаете?

-Обратиться за помощью к Калинин, Кагановичу, Микояну, Хрущеву...

-Ах, оставьте, Соня, умоляю! Эти люди боятся замолвить своё веское словечко перед Сталиным даже за своих близких родственников, а уж за меня, обычную жену врага народа и подавно...

-Тогда напишите жалобу лично товарищу Сталину...

-Наивная глупость! –возмутилась Зина.

-Не скажите! Не надо меня считать за наивную школьницу! Всё зависит от того, как и кем, она будет написана. Объясняю: жалоба на имя товарища Сталина должна быть написана психически нездоровой гражданкой Айдиновой, выдающей себя за двоюродную сестру самого вождя. Начало такой болезни уже вами положено – только психически неуравновешенный человек в наше время увольняется с высокой должности по собственному желанию, нормальные же люди продолжают сидеть на своих должностях до последнего момента...

-Ах, вот вы куда клоните, Сонечка, теперь мне всё понятно, вы предлагаете мне уйти вслед за вашим мужем в дом скорби, чтобы избежать уголовного наказания...

-Правильно! –воскликнула Соня и радостно захлопала в пухленькие ладошки.

Но Зина не порадовалась идее молодой женщины, вариант ухода от беды под теплый кров психиатрической больницы ни в чем её не устраивал, прежде всего, психологически, а также и ближайшей перспективой.

Зина была мамой трех детей, двое сынов уже как-то определились в этой жизни, а вот младшая дочь ещё нуждалась в опеке. Хороша она будет для своих детей, выйдя из психиатрической больницы! И еще, весьма немаловажное, – кем она будет работать, выйдя из дома скорби? Ведь её профессия – стенографистка со стажем, а эта профессия абсолютно исключает, даже косвенное отношение с какими-то ни было психическими заболеваниями. Одно дело, побывавший на излечении в «желтом доме» ученый-физик или астроном, другое дело –профессиональная,

засекреченная стенографистка, да еще и жена врага народа. Таким социальным уродам нет места на советской земле. Но прежде чем отказаться от варианта Сони, Зина на всякий случай спросила её:

-И как же по науке будет называться моя болезнь? Будет ли она излечима?

-Будет! –уверенно воскликнула Соня, как будто она сама была давным-давно психологом и психиатром, а потом добавила самоуверенно: - Это может называться синдромом навязчивых состояний, или как-то по другому, но как сказал мне лечащий моего мужа врач, эта болезнь и другие ей родственные не могут быть основанием для определения полной инвалидности. Всё очень просто, главным здесь должно быть ваше желание, Зинаида Петровна, вам нужно просто войти в роль, и при этом не переигрывать...

-Нет, Соня, я не смогу идти этим путем, я – не Ермолова и тем более не легендарный Камо, я – самая обыкновенная, слабая женщина, чуть ли уже не «бальзаковского возраста» с издерганными нервами и с плохой социально-политической репутацией. Меня раскусят сразу же на первой психиатрической экспертизе. Потом меня объявят симулянткой, и я стану одной из героинь очередного фельетона Ильфа, самой хитрой и коварной женой «врага народа» в СССР. И зачем мне это?

-Ну, раз так, раз вами так решено, тогда нужно искать иной выход..

-Нет другого выхода, Соня, нет! И не трепещитесь, как уловленная рыба на льду, всё бесполезно! Нас, как и зверей, нельзя загонять в угол, звери в таком случае идут на смерть, а мы и на это не способны, черт возьми! И меня сейчас, как одинокую львицу загнали в гнездо... Соня, Сонечка, мне сейчас очень тяжело, мне кажется, что я схожу с ума, я никогда не думала, что какие-то жалкие сутки моей жизни могут в один миг перевернуть всё моё мировоззрение... Такое впечатление, что кто-то надел мне на уши чудесные наушники и я стала слышать этот мир по иному, и этот новый мир говорит мне: умри!

-Зиночка Петровна, перестаньте, умоляю вас! Давайте, лучше выпьем хорошего, доброго вина!

-Я уже пила, не помогает...

-А кто знает, может бутылочка сухого, виноградного и поможет нам найти истину...

-Может, - тихо произнесла Зина, и на её глазах выступили слезы.

Соня метнулась в свою комнату, и через минуту уже открывала с помощью штопора заветную бутылку. Вино было отменным, оно даже немного отрезвило Зину и раскрепостило.

-Соня, я не так переживаю за себя лично, но мне больно за всех нас. Ну, нельзя же так поступать со всеми нами! Нас использовали на время, выжали из нас все соки, а теперь решили избавиться от нас! Обидно, чертовски обидно! Мы всю жизнь положили ради этого проклятого, светлого будущего, а сейчас нас, взяли и мордой об стол. Соня, милая Соня нас страшно обманули, обманули опытные мошенники. Всё, что мы с вами делали во благо, на что положили лучшие годы своей жизни, всё это - не для всех людей, а для узкого круга бандитов. Ай, какая беда! Ой, как поздно я прозрела! Ой, какая все-таки я, дура!

-Как такое могло случиться, и как быть с генеральной линией партии? – спросила Соня.

-А так. Как я думаю, нынешним руководителям не нужна больше синица в небе – мировая революция, их сейчас вполне устраивает жирная утка в руках –могучая, советская империя, могучая мировая держава. Им сегодня уже не нужны старые большевики-ленинцы и пламенные революционеры. Что они умели? Ничего, кроме как сеять смуту и устраивать революции, а Сталину сейчас нужны строители великой державы. Одним из таких строителей и был мой второй муж. Но за что, за

что его решили уничтожить? Этого я не понимаю. За что? Тут действительно можно сойти с ума. Нет, Соня, я пойду по жизни «Сталинским маршрутом», но тем которым летел из Москвы до Владивостока Чкалов и его экипаж, а другим – не самолетом, а поездом, почтово-багажным, в «столыпинском вагоне». А где надо пешком через всю Сибирь до Колымы, в сопровождении озверевшего конвоя вместе со всеми сотнями и тысячами таких, как я, жен врагов народа. Видно, пришел Соня, мой час, видно так надо партии и правительству, чтобы я пошла дорогой судьбы. Ах, да ладно, выпьем, Сонечка, за наше безнадежное дело.

-А разве можно за такое пить?

-Можно, Соня, можно и даже нужно! Главное, чтобы наши дети никогда не страдали за наши дела и ошибки. Главное, чтобы нашим детям и внукам не пришлось больше никогда проходить по жизни такого рода маршрутами. Убийство всегда гнусно, иногда оно необходимо, но всегда гнусно. Я теперь смогу многое перенести, смогу всё пройти, только бы остаться живой и увидеть своих внуков в добром здравии и счастливыми. Цель в жизни в том и заключается: жить так, чтобы и после смерти не умирать. Давайте, Соня, выпьем за это, за здоровье вашей доченьки Сталины, за всех тех, кому предстоит жить в этом веке...

-Замечательный тост, Зинаида Петровна, вы – прекрасный тамада! –восхищенно прошептала Соня, и на её глазах проступили слёзы.

-Какая из меня тамада, когда такая беда! Ничто не отбирает больше духа у человека, чем трусость и страх. Мне, Соня, иногда кажется, что если в эти страшные для меня последние дни и месяцы, я не преодолёю страх, то умру от сердечной недостаточности, умру глупо и бессмысленно как самая последняя, трусливая овца.

-Не надо так говорить! –воскликнула Соня и добавила убежденно: - Вам не нужно сейчас замыкаться в самой себе, в своем одиночестве. Да, многие субъекты, даже те, которые вам по гроб жизни обязаны, отшатнулись от вас, но есть ещё люди на этом свете, кто может поддержать морально вас в этот трудный час, и даже взять негласную опеку над вашими детьми. Хотя бы ваш первый муж, князь Львов, благороднейшей души человек!

-Я уже думала о нем, когда бродила по Москве, но...

-Вам неловко сейчас с ним встречаться?

-Нет. Здесь другое обстоятельство: я боюсь навредить ему своим общением. Вы, Соня, понимаете, что я хочу сказать? О встрече ведущего советского химика с женой врага народа могут донести, куда следует, и у Львова будут потом очень даже большие неприятности...

-А вам и не нужна личная встреча с ним, используйте для этого верного посредника. Им может быть ваш отец Петр Исаакович или на худой конец я. Вы не возражаете?

-Нет, не возражаю, - как-то расслабленно, почти равнодушно ответила Зина, туман перед глазами стал сгущаться, где-то под сердцем что-то щелкнуло, и голос души произнес внятно: "Неизвестно, где потеряешь и где найдешь!" Тут Зина почувствовала себя сухим, пожухлым кленовым листочком, увлекаемым стремительным течением реки куда-то вниз, к гудящему водопаду. Слова Сони стали удаляться, растворяться в реве, низвергающегося в бездну потока, резонировать, каждое слово её стало повторяться эхом. Такое бывает, когда разговариваешь тихо под куполом пустого, разоренного храма, а тебе кажется, что твою тихую беседу слышит весь мир. И вот оно, неведомое раньше, нашло, – в странном дыму времени, проявилась вдруг одна из картинок совсем недавнего прошлого...

Это произошло на другой день после партийного собрания, на котором новые назначенцы и выдвигенцы пытались лишить Ивана Христофоровича партийного билета «за потерю политической бдительности». Но все обошлось благополучно,

всего лишь строгим выговором, ибо коллектив любил и уважал Ивана Христофоровича за все его заслуги и замечательные человеческие качества.

Зина тогда собиралась, как обычно, на службу, переложила вещицы на туалетном столике. Оглядела внимательно его поверхность. Потом пол возле него, полезла под кровать. Вошел Иван Христофорович, застал её в столь странной позе. Ситуация была необычной. Вопрос ещё не сорвался с его губ, и надо было упредить. "«Ты не видел мою серьгу?»» — спросила Зина. «Нет. Я даже не знаю, где ты хранишь свои повседневные бирюльки: в шкатулке, или в банке с манной крупой». Муж острил, пытался выглядеть веселым. Он улыбался, точнее силился улыбаться, в глазах тревога. Всё будет хорошо, твердила про себя Зина. Надо бы сказать это ему вслух, но она не сказала. «Всё будет хорошо!» - сказал Иван Христофорович. «Да» -поддержала его Зина, едва сдерживая дрожь. «Я думаю, что твою серьгу как-то заиграла кошка, а может, и проглотила во время игры». — «Ваня, кошки не лакомятся ювелирными изделиями». —« Не скажи. Бывалые кошатники утверждают, что иногда такое бывает, особенно, если предмет мелкий». —«Я в эти басни не верю! Тут дело не в кошке и самой серьге, а в плохой примете. Ты будешь звонить Кагановичу?» —«Пожалуй буду звонить ему из наркомата и просить его о личной встрече. Но особого желанья нет. У меня двойственное ощущение, не знаю, как поступить, - неуверенно ответил муж. Зина почувствовала его волнение. «Думаешь, он тебя не поддержит? А ведь он —давний друг Серго. Помнишь, он сказал однажды, что Серго его лучший друг, что друзья Серго —его друзья?». —«Помню. Как не помнить. Но Серго уже нет, а Лазарь стал другим человеком. Ты знаешь, Зина, чего я боюсь?» —«Нет». —«Я боюсь, что Каганович не только не поддержит меня, а постарается, как можно быстрее меня утопить». —«Вот ужас! Тогда почему еще вчера ты хотел звонить ему?» — спросила Зина. «Это от отчаяния, что-то на меня вчера нашло. Тяжелый, видать, был день». —«А какой день в этом проклятом году у тебя был легким?» - «Ты права!» —тяжело вздохнул Иван Христофорович. «Не звони Кагановичу, пустое дело. Доверься своему чутью, оно тебя никогда не обманывало». «Да, ты права, видно, не стоит, -покорно согласился муж и спросил: -Что мы сейчас будем делать? Поедем на службу?» —«Нет, сначала позавтракаем. Мы с мамой вчера сварили пшенку по старинному рецепту, как ты любишь».

Они прошли на кухню. Иван Христофорович сел за стол. Сначала на его лице промелькнула неясная мысль. Он встал. Прошелся, потом вернулся. Сел. Начал есть. Отложил ложку. «Нет, всё. Решено. Не буду я ему звонить, никуда не пойду. Не будет у меня встречи с Лазарем Моисеевичем, ну её к черту!» И заулыбался — искренне, без прежней тревоги и страха в глазах.. Стал с удовольствием есть кашу. Вдруг что-то металлическое звякнуло у него во рту. Зина взрогнула. Иван Христофорович извлек желтый шарик с дужкой. «Вот она!» - «Что? Коронка?» — спросила Зина. «Серьга. Твоя серьга!» — «Как она могла попасть в кашу, ума не приложу!»-удивилась Зина, а муж рассмеялся: «Вот видишь, никогда не надо спешить с выводами и грешить на невиновное животное! И правильно говорят: ешь медленно, а то бы проглотил бы я это сокровище, и отправилось бы оно в канализацию».

В прихожей зазвонил телефон. Иван Христофорович с досадой встал, пошел к телефону, снял трубку. «Здравствуйте! Да, это я! Из канцелярии товарища Шкирятова? Понял. Когда? По какому вопросу? Понял. Еду. Буду через двадцать минут. Спасибо». Зина спросила:»Звонили от Шкирятова?» —«Да, Матвей Федорович созывает в десять часов расширенное совещание. Представляешь,Зина, такого никогда не было — на партколлегии будет обсуждаться вопрос об разукрупнении Наркомата тяжелой промышленности! А что это значит? Это значит одно — в скором времени, будут организованы новые наркоматы — резиновой промышленности, лакокрасочной продукции и другие. Ах, если бы не этот строгий выговор, быть бы

мне сегодня наркомом химической промышленности!» – «Ты уверен?» – спросила Зина, но Иван Христофорович не ответил, молча оделся и исчез. Приехал домой поздно вечером. С порога закричал: - «Знаешь, всё в порядке: до Нового Года будет создано восемь наркоматов, один из них буду возглавлять я! О выговоре мне по партийной линии никто и словом не обмолвился, как будто его и нет! А Каганович со мной был ласков и любезен как никогда!» – «И ты в это веришь?» – спросила Зина, и сама испугалась своего вопроса. «Если не будешь верить в благорасположение сильного человека, то тогда не стоит жить!» - ответил муж и как ни в чем, ни бывало, самодовольно заметил. –«Кстати, в начале марта намечается XVIII съезд партии, и вполне возможно, что я буду на нем одним из докладчиков!» - «Дай то бог нашему теляти волка съесть», - почему-то съязвила Зина, и сразу же пожалела о своих словах. «Ты что, в меня больше не веришь?» – спросил муж. «Я в тебя верю, но я за тебя боюсь. Мне почему-то стало страшно здесь жить». - «Это пустяки. Это нервы. Нам надо в будущем году нормально отдохнуть в Крыму или на Кавказе». Зина хотела что-то ему возразить, сообщить ему нечто очень важное для них двоих, но...

Но картинка вдруг резко оборвалась, перед глазами Зины вдруг запрыгали белые молнии и сполохи, какие обычно мелькают на белом экране, когда рвется старая кинолента. Но тут вместо стрекота киноаппарата в тишине зрительного зала возник монотонный голос Сони:

-Мне один уважаемый и мудрый человек сказал, что наше общество не будет долговечным в историческом временном измерении, что советская система искусственно создана на насилии, что она нежизнеспособна, она скоро замкнется сама в себе, и люди скоро вырождаются уже в третьем поколении...

...При таких условиях общество быстро разлагается... свои деспоты покажутся хуже иноземных, ... такой народ в скором времени станет легкой добычей интервентов...

...Жизнь в нашей стране порождает в людях страх перед жизнью вообще. Страх овладел всеми, только одни люди стараются его внешне не проявлять, а другие не могут его скрыть, и сходят с ума...

...Источник страха в нашем сердце, в сознании, а не в руках устрашающего...

...Еще он сказал, что страх двойственен. Страх сокращает и без того короткий век человека, но и в то же время страх перед жизнью делает человека бесстрашным перед смертью, ибо смерть избавляет человека от страха перед властью...

-Да. Да. Только смерть, - вяло прошептала Зина.

-И еще он сказал, что шизофреникам легче жить, чем нам, нормальным. Шизофреникам интересней жить, чем нам. Реальность поддерживает их необходимое, минимальное физическое существование, а воображаемый ими мир питает души... Нет воображения, нет и души, а без души нет и Бога...

...И еще он сказал, что над нами всеми производится идеологическая лоботомия, угнетение основных центров наших душ... чтобы мы всегда пели, за рабочим станком, за плугом и перед смертью... Умирили и пели, а по возможности и плясали... Умирили и славил палачей... «Дорогой наш и любимый, уважаемый палач!»! Всем глупым счастье от безумья...

...Он сказал мне, что глупые люди всегда счастливы, а мудрые всегда страдают. Всё благородное страдает – одни скоты блаженствуют...

-Да. Да, Соня, Белинский был прав...

- А еще я спросила его: "Как нам быть, если Бог есть"? Он ответил: "Для нас, безбожников, это плохо". –"А что будет, если Бога нет"? – "Тогда нам будет ещё хуже, нас тогда будет постоянно тошнить от жизни"...

-Да, да. Будет тошнить от жизни, уже тошнит, - машинально, как в гипнотическом сне, повторила Зина.

-А ещё он мне говорил, видно успокаивал меня, что несчастье не только

испытание, но и наука для людей...

Услышав последнюю фразу Сони, Зина чуть заметно вздрогнула, в её затуманенном сознании вдруг загорелась красная лампочка тревоги: когда-то, может быть, год назад она уже слышала эти слова. Где? От кого? В её ближайшем окружении последних лет, состоявшем из одних хозяйственников и специалистов, не было ни одного, кто мог бы в беседе бросаться такими вот крылатыми изречениями. И Зина вспомнила: нечто подобное она слышала от хмельного гостя комбрига Ивана Бессонова, когда он с Иваном Христофоровичем обсуждал перегибы Ежова. Тогда речь шла о несправедливых страданиях родственников арестованных и казненных, их жен и детей. Вот тогда Бессонов и сказал эти слова, но в его устах они звучали с оттенком профессионального ироничного цинизма: мол-де, эти страдания невинных родственников преступников необходимы для того, чтобы впредь и никогда ни у кого в стране не было даже и мысли пойти по пути своих отцов-заговорщиков. Чьи слова сейчас повторяет Соня? С каким таким подпольным философом-идеалистом общалась она? И разве такие философы ещё остались в советском обществе, разве они не уничтожены чекистами все до одного? И что Зина знает о Соне? Так, в общих чертах, поверхностно. Под сердцем завыл сигнал душевной тревоги: «Ты уверена, что муж Сони находится в психиатрической лечебнице? Ты уверена, что он сейчас не сидит в тюрьме НКВД? А что если, чекисты завербовали Соню, сделали её своим внештатным осведомителем-провокатором? И что если история её мужа с психушкой – всего лишь хитроумная чекистская легенда? С такой легендой информатор органов будет всегда вне всяких подозрений!» От этих тревожных сигналов Зине стало жарко и страшно, а вскоре и стыдно, в первую очередь за себя: как такое ей могло придти в голову? Безобразие! Какая мерзость! Как она, Зина, может так гнусно подумать о Соне! О, боже, опять этот туман...

Звонкий голос Сони стал превращаться в занудное, вялое бормотание, снова стал сгущаться туман и казалось, что на кухне стали стремительно сгущаться сумерки. Странно и необъяснимо: на улице под ясным голубым небом ослепительно искрился снег, а здесь уже наступил вечер, иное время. И снова возникла картинка, в ней не было прошлого и настоящего, скорее всего это было видение, ибо в нем не было ничего от страшной повседневности.

Зина увидела себя почему-то в белом халате в странном, стеклянном помещении, которое совмещало в себе поликлинику, молочный магазин и распределительный пункт продуктов, где было много молодых мам с грудными детьми и малышами только что ставшими на ножки. Здесь Зина видела себя самой нужной и самой главной, начальником молочных рек...

За окном шумел город, куда-то спешили люди, их было очень много, они были одеты ярко и оригинально, почти бесшумно проплыл мимо удивительной, обтекаемой формы трамвай. Промелькнули неизвестной Зине марки приземистые, приплюснутые сверху легковые автомобили... Но Зине было некогда следить за тем, что происходило за громадным толстым стеклом там, на улице, она важно прохаживалась по просторному светлому залу и следила за порядком. Пахло парным молоком, сывороткой, творогом и сытостью и миром. Очередь за изящными бутылочками с молочной смесью была маленькой и мирной, не было обычной нервозности и ажиотажа. Товара было много, и отпускался он ловко и быстро, и Зину это радовало. Волшебной пищи хватит на всех, и никогда больше не иссякнут молочные реки и будут всегда крутыми их сырные берега! Сгинь навечно проклятый дефицит, умри от тоски нехватка продовольствия! Вот она, светлая пора на пути лишений и страданий...

Над главной раздачей висели электрические часы и старательно, безмолвно отмеряли новое время. И Зину это успокаивало, она чувствовала себя в этом времени как рыба в воде. Только одно смущало Зину: над часами, как положено, не

было портрета товарища Сталина, вместо него, почему-то висел портрет Никиты Хрущева без бородавки на щеке! Куда делась бородавка? Неужели врачи её искусно срезали? А может, её удалил художник? Зачем? Чтобы убить правду жизни? А как же быть тогда с социалистическим реализмом в искусстве, черт возьми?!

Кто-то подошел к Зине сзади и осторожно прикоснулся к её локтю. Зина вздрогнула, обернулась. Перед ней стоял рослый, крепкого сложения подросток, нет, уже юноша, лет шестнадцати, а может и старше. «Бабуля, здравствуй», - пробасил он, глядя на неё исподлобья. «Здравствуй! - ответила Зина и спросила юношу: А ты кто, как тебя зовут?» - «Я твой внук! Я тот, который далеко телят не гоняет!» - «Ты, чей сын? Как зовут твою маму?» - «Бабуля, ты чего, а? Тебе память отшибло? Я - Макар, твой внук. А маму мою зовут Анной Ивановной». - «Ах, Аня! Она вышла замуж! Ах, да! Какое счастье!» - обрадовалась Зина, но, уловив недоуменный взгляд внука, осеклась, и спросила с напускной строгостью: Что тебе, внучок, от меня нужно?» - «Жрать дико хочется, бабуль, у тебя ничего не найдется похавать?» Зину слегка смутила лагерная терминология внука, но она, не подавая вида, сказала: «На бутылку кефира и французскую булку ты можешь рассчитывать. Иди за мной в кабинет, там всё есть». В кабинете, в тихой комнатке, Зина стала кормить внука. Он ел жадно, аппетитно, как все молодые здоровые звери. И пока он ели, Зина внимательно всматривалась в его черты: во внешности внука что-то было от князя Львова и от неё, Зины. Во внуке чувствовалась порода, и это льстило Зине. «Хочешь, я буду называть тебя Мусёнком? - робко спросила внука Зина. «Мусёнком? - удивился внук, - Почему Мусёнком? Я что котёнок для тебя?» - «Мне так хочется!» - «Ну, раз хочется, то называй кем угодно, хоть чурбаном, только корми меня! Я вечно хожу голодным». - «Бери ещё бутылочку ряженки, кушай мой дорогой»...

Зина с умилением смотрела на свою молодую, крепкую поросль и подумала: «Вот я и стала бабушкой. В одно мгновение! Не жизнь, а стремительный полет, краткий как жизнь бабочки, как жизнь мошки в теплых лучах заката. Но есть внук, им всё оправдано, жизнь продолжается!» Из глаз потекли по щекам слёзы благодатного умиления и светлой печали...

-Зинаида Петровна, что с вами? Вы плачете? Вам плохо? - раздался над потолком испуганный возглас Сони, и Зина почувствовала на своем плече её горячую ладонь...

-Что? А? - встрепенулась Зина, освобождаясь от наплывшего наваждения. Картинка-видение исчезла, и Зина сконфуженно ответила:

-Ах, Соня, извините! На меня что-то нашло, какое-то забытьё. Мне кажется, что я только что побывала в своем недалеком прошлом и в весьма отдаленном будущем. Да. Странно. Со мной никогда такого раньше не бывало. Сейчас, Соня, я увидела себя бабушкой и своего внука. Странно, очень странно... Я не думаю, Соня, что это был обычный сон, ведь я слышала вас, понимала, о чем вы мне говорите, а рядом, одновременно я видела другой мир... Странно...

-Ужас! - воскликнула Соня и добавила. - Ваши глаза все время были открыты, вы слушали меня, и в то же время не слышали, а глаза ваши смотрели мимо меня, куда-то за окно, в даль...

-Соня, это было видение, но я не знаю к добру ли оно...

-Постойте, постойте, Зинаида Петровна, минуточку, - вдруг встревожилась Соня, и стала внимательно всматриваться в Зину, особенно в её пышную золотую прическу, потом всплеснула отчаянно руками и завопила: - О боже, как это может быть! Зинаида Петровна, да у вас на левом виске появилась седая прядь! Раньше, я её не видела. Вот ужас!

-Неужели, Соня? - опешила Зина от такой страшной для каждой женщины

новости, и бросилась к зеркальцу около мойки. Да, Соня была права, и старое зеркало не обманывало: у левого уха четко проступала седая прядь, как будто кто-то незримый, или пьяный маляр, взял и, шутя, провел в этом месте кистью цинковыми белилами по волосам...

-Никогда не думала, что седина может выступить в течение нескольких часов, - огорчилась Зина.

-Давайте, я вас провожу до трамвайной остановки, - предложила Соня.

-Спасибо, не нужно, я дойду сама. Мне пора. Меня ждут дома мама и кошка...

-Не упрямитесь, Зинаида Петровна, мне это ничего не стоит, и к тому же мне нужно немного подышать свежим воздухом... Этот спертый воздух коммуналки...

Но не успела Соня закончить до конца фразу, как из её комнаты раздался детский, капризный голосок: «Мама! Мама! Ты где? Ты с кем? С кем это ты говоришь»? Это проснулась больная девочка Сталина, то есть, если ласково – Лина.

-Вот видите, Соня, как я всегда бываю права. Идите к дочке, Соня, идите, а я пойду к своим истокам, - шепнула Зина, быстро оделась и ушла...

Дома Зину давно ждали. Дверь открыла мама, за её спиной стоял Петр Исаакович, а рядом с ним в позе глиняной копилки сидела кошка. У всех троих глаза были наполнены тревогой.

Все трое были рады возвращению Зины домой (слава Богу, цела и невредима) и только радость кошки была неполной – не хватало для полного счастья ещё одного, самого главного члена её кошачьего прайда – любимого и незаменимого хозяина Ивана Христофоровича, мерзко пахнущего табаком, но и в то же время самого ласкового и доброго...

Кошка нежно потерлась о ноги Зины, внимательно посмотрела ей в глаза и мяукая, зовя за собой, направилась неспешно к опечатанному кабинету Ивана Христофоровича.

-Что с кошкой? –спросила Зина родителей.

-Тоскует по Ивану. Целый день ничего не ест, зовет его, мечется по квартире и просит меня открыть его кабинет. А я не могу открыть, кабинет опечатан. Кошка пытается его открыть сама, виснет на дверной ручке, и уже расцарапала печать НКВД, - пояснила мама.

-Бедное, бедное животное. Неужели оно скоро станет круглой сиротой, - чуть слышно пробормотала Зина и стала снимать с себя пальто. Оно оказалось очень тяжелым, как костюм водолаза, руки не слушались её, пальцы скользили и не гнулись, в них не было силы. Слегка покачиваясь, Зина продолжала разоблачаться и при этом бормотать:

-Бедное животное. Бедные мы. Мы плененные звери... Голосим, как умеем... Глухо заперты двери... Мы открыть их не смеем... Вот так! Да...

Петр Исаакович помог дочери снять тяжелое зимнее пальто, учуял запах вина в её дыхании и спросил с укором:

-Доченька, ты пьяна? Что ещё с тобой случилось? У тебя неприятности на работе?

-Всё в порядке, папа. На работе всё нормально, я уволилась...

-Как это так уволилась?! – почти в унисон воскликнули родители.

-Ты с ума сошла! –взвизгнул испуганно отец, а мама ойкнула и схватилась за сердце.

-Может, и сошла, а может, и нет, - пробормотала Зина и направилась на ватных ногах в гостиную. Она страшно устала, ей захотелось прилечь на диване, накрыть озябшие ноги плотным пледом и взять на грудь ласковую, горячую добрую кошку...

Ей хотелось покоя и одиночества, но не абсолютного одиночества, а того, которые могут создавать только животные. Ей безумно захотелось тишины, тепла и покоя, чтобы в этом ласковом мирке тихо и размеренно звучала кошачья шарманка, мурлыканье мудрого животного, которое по сути своей, является торжественным гимном сытости общего благополучия и взаимной любви...

Родители как тени бесшумно проследовали за ней. Зина плюхнулась на сиденье дивана, блаженно, до хруста в коленях вытянула ноги, откинула голову на спинку дивана и тоскливо прошептала:

-Бедная, бедная животная. Хорошо, что их не касаются вещия речи...

Родители молча пододвинули к дивану стулья, уселись на них и пристально, как совы, стали смотреть на Зину.

-Доченька, может тебе заварить крепкого чайку?

-Спасибо, мамуля, не надо, я хочу покоя, - расслабленно ответила Зина и прошептала чуть слышно: -Бедная животная...

-Животных жалеешь, а меня с матерью и своих детей тебе не жалко? – с укоризной заметил Петр Исаакович. – Мы, что у тебя на втором месте? Подумай, что будет с Жорой? Его же завтра с позором отчислят из Высших курсов милиции из-за твоего Ивана! Бедный мальчик! А что будет с Аней? Ты об этом думаешь?

-Думаю, папа, и думала задолго до ареста мужа. У детей будут сломаны судьбы, у них будет сложная, трудная жизнь. Нелегкая жизнь будет и у внуков, если таковые появятся на свет. Жора не станет следователем, Аню не примут в институт. Ну и что из этого? Такова, видно, их судьба. Ну, сам подумай, какой из Жоры, с его характером, может быть следователь? Аня? Девушка на выданье, многое будет зависеть от её замужества. Анатолий? Это уже вполне зрелый человек, инженер, беспартийный специалист, его наша беда не коснется. А вообще, папа, никто ничего не знает, даже такой мудрый и прозорливый человек, как товарищ Сталин, не может знать судьбу своих детей. Вспомни хотя бы конец жизни царской семьи. Кстати папа, а где сейчас Аня и Жора?

-Аня решила жить на старой квартире в Славянском подворье, а Жора завтра переедет жить к Анатолию на Суцевский вал. Они сами так решили, видимо не хотят быть свидетелями твоего ареста, - ответила мама за Петра Исааковича.

-Бедные дети! Неужели их заставят отречься от отца? – простонала Зина.

-Какой он им отец? Он им – приёмный отец! От такого отца ради своего будущего можно и отречься! Он предал Родину, партию, семью, этот тщеславный авантюрист погубил всех нас! – вдруг взорвался Петр Исаакович.

-Не смей так говорить о моем муже! Не смей! Ты совсем не знаешь его! – вскричала Зина. – Сейчас все стали смелыми, чтобы топтать его!

-А что ты о нем знаешь, Зина?

-Знаю, что надо знать любимой жене: и плохое и хорошее! Да, Иван тщеславен, но и он по натуре своей бескорыстно добр. Вспомни, папа, «Шахтинское дело» или «Дело инженеров-вредителей». Ты даже не знаешь, сколько людей обязаны жизнью Ивану.

-Может он этих вредителей с умыслом покрывал, кто его знает. Знаешь, рука руку моет...

-Не смей! – закричала Зина. –Если ты всерьез веришь, что Иван вредитель и диверсант, то ты самый глупый человек на свете!

-Как мне не верить, если он арестован, черт возьми!

-Арестован - это еще ничего не значит, это не говорит о том, что он в чем-то виноват! Ты хоть знаешь, что изъяли у Ивана в качестве вещественных доказательств?

-Откуда же мне знать?

-Чекисты взяли копии его научных трудов и книгу, которая есть во всех

библиотеках, «Историю гражданской войны», и фотографии. Вот и всё!

-Мне это ни о чем не говорит.

-Жаль. А мне это многое объясняет. Это значит, что у чекистов нет веских доводов для серьезного обвинения. Это значит одно: Ваня стал жертвой очередного, клеветнического доноса, или же показаний его бывших сослуживцев, которые не выдержали пыток. Тут много вариантов. Но кто, скажи мне, в нашем обществе, не может стать жертвой завистников? Чем важнее и почетнее пост, который человек занимает, тем быстрее он становится жертвой доноса. На него изливаются океаны грязи и клеветы... А к этому можно еще добавить и другое: чекистам нужно выполнить и перевыполнить любой ценой план по поимке врагов народа. Это сейчас называется «генеральной чисткой» под ширмой ротации кадров. Вот Ваня и попал в мясорубку так называемой ротации: сначала выдвижение на высший пост, а потом низвержение в пропасть...

-Это всё – слова, а я поверю в невиновность Ивана, когда он вернется домой и займет своё прежнее служебное место. Но это вряд ли произойдет, чекисты не любят допускать просчетов в своей работе.

-А что ты, папа, знаешь о чекистах? Да ничего! Сегодня НКВД неуправляемо, оно гнет свою линию и перегибает палку как хочет. Сегодня чекисты затеяли дело об инженерах-вредителях в Наркомтяжпроме, а завтра, если надо будет, они организуют дело врачей-убийц в системе Наркомздрава! И завтра тебя, папа, объявят пособником врачей, пытавшихся отравить товарища Сталина и его ближайшее окружение...

-Меня? За что? – вскричал Петр Исаакович. – Ты, Зина с ума сошла, городишь тут всякую ахинею! Я уже не практикую, я давно на пенсии.

-Тогда тебя обвинят в отравлении Максима Горького.

-Я никогда не пользовал этого писателя!

-Да, но он был под наблюдением твоего друга и коллеги доктора Плетнёва. Всем известно, что ты дружил с ним домами и был участником многих консилиумов под его руководством. Этого вполне достаточно для твоего ареста. Найдутся десятки добровольных свидетелей, которые подтвердят где угодно, что именно ты и твои коллеги отравили Плеханова, Ленина, Дин Рида, Инессу Арманд и даже Клару Цеткин...

-Чушь! Пьяный бред! Я – заслуженный врач республики, я всегда занимался только своим делом и никогда не лез в политику! Я всегда пытался лечить даже неизлечимых пациентов, я никого из больных не признавал неизлечимыми, никогда не уклонялся от выполнения своего долга, никогда не капитулировал до сражения. А твой Иван всегда шел на компромисс с любой властью. Твой Иван с юных лет не мог жить без неё! Какой же он ученый?! Чего ему не хватало? Власти и славы? Самое вредное – это чурбан, которому вскружили голову, стремление к власти развило в нем врожденный авантюризм. Когда человек начинает восхищаться самим собой, жизнь тут же преподносит ему какую-нибудь гадость...

-Ваня – не болван и никогда им не был, Ваня – старый большевик, он не из тех новых мещан, которым нужен футбольный матч и легкая дешевая оперетка. Ваня давно понял, что вне партии ничего великого не совершишь. У нас сейчас всюду политика: в здравоохранении, в индустриализации, в науке и культуре. Разве не так, папа? И не говори мне, что ты этого не понимаешь. Произошло то, что и должно было произойти. Иван сделал своё дело, Иван должен уйти. Оставим, папа, пустые разговоры. Передо мной стоит сейчас самый главный вопрос – как мне теперь жить среди этих людей?

-А чем эти люди вдруг перестали тебя устраивать после ареста Ивана? Они что, до ареста мужа были другими?

-Думаю, что нет. Но еще вчера они не казались мне такими отчужденными, как

сегодня. В течение суток в моей душе всё перевернулось, в одну секунду, как будто меня из парилки бросили в ледяную прорубь. Это ужасно. Ничто так не просветляет сознание человека, как личная беда.

-Не вышла бы замуж за этого тщеславного армянина, не было бы у тебя и беды. Чем тебе плох был твой первый муж Львов? От него у тебя дети, да и он сам, как теперь видно, весьма благородный человек...

-Папа, опять ты за своё! Ну что ты знаешь о князе Львове? Да не князь он вовсе! Его древний предок был лишен княжеского достоинства после бунта Степана Разина. Мой первый муж – всего лишь внук петрашевца, штабс-капитана и химика Федора Николаевича Львова. Вот и всё! И никакая я не княгиня, а всего-навсего обычная советская служащая, а в последние сутки – жена «врага народа». Оставь меня в покое, папа, пожалей меня, ты же – врач!

Зине действительно стало плохо, нестерпимо плохо. Тупая свинцовая, угрюмая боль сковала ей грудную клетку. А сердце, перестав бешено стучать, на секунду замерло, а потом, немного подумав, стало медленно и страшно отбивать безумную морзянку, схожей со стуком телеграфного ключа: точка-тире, точка, точка, тире, и так далее, часто и медленно напевно... Сердце Зины погибало, оно просило о пощаде, о помощи...

В коридоре продолжала требовательно мяукать кошка. Было слышно, как она нервно царапала дверь опечатанного кабинета своего хозяина, она терпеть не могла наглухо закрытых дверей! Ей непременно хотелось войти туда, где всегда было у неё надежное и теплое место под настольной лампой. Ей хотелось там быть, царственно возлежать на письменном столе и любовно смотреть на главу её прайда, чувствовать себя равноправным членом этого замкнутого, но уютного и сытного мира.

Но Петр Исаакович не унимался, и продолжал по-стариковски нудно ворчать:

-Может быть, Львов и не настоящий князь, может быть. Кому это сейчас интересно. Но он – человек воспитанный и благородный, а твой Иван –выскочка, живет как барин. Нашел время барствовать, когда вся страна, весь народ почти что продолжает голодать. И не я один об этом говорю, еще раньше отец Ивана, мудрый, кстати, человек говорил твоему мужу, что нехорошо он живет, богато, но не хорошо. В самом деле, зачем в ведомственной квартирке устраивать такой музей? Зачем ему эта антикварная мебель? Гобелены, ковры, люстры? Зачем ему нужны два автомобиля и ещё железнодорожный специальный вагон? Кто он такой, твой муж? Не от большого ума, Зина, всё это! Даже Ленин не позволял себе такого. Безобразие! Народ в нищете, дети недоедают, а этот, твой муж, едва вылупился в начальники, уже живет как буржуй!

-Успокойся, папа. Иван уже не начальник и не буржуй, он сейчас хлебает тюремную баланду...

-А ты как думала? Сколько веревочке не виться...

-Я ничего не думала...

-Ты никогда не думала! Даже тогда, когда выходила замуж за этого авантюриста, за этого «демократа», «ученика» Плеханова, черт его возьми!

-Да оставьте вы меня все в покое! Я безумно устала! – взмолилась Зина и ещё больше запрокинула голову на спинку дивана..

Косой луч люстры высветил седую прядь у левого уха Зины, и мама это заметила:

-Петя, уйди отсюда! Не мучь дочку! Посмотри на её голову, у неё – седая прядь! Ещё вчера её не было!

-Седая прядь? Где? Не может быть! – опешил Петр Исаакович, склонился над Зиной, положил ладонь на её горячий лоб, слегка повернул голову вправо: да действительно, это была настоящая, седая прядь! –Зиночка, деточка, прости!

Глаза Зины наполнились слезами, к горлу подступил тяжелый комок, а сердце сдавил незримый железный обруч, казалось, что наступило расставание души с телом. Сдерживая невольные слезы, Зина с трудом, заикаясь, произнесла слова одной опасной частушки, услышанные когда-то на строительстве химкомбината в Бобриках от одного из рабочих:

-Волосы седые на головке детской – хорошо живется нам в стране советской...

-Зина начинает бредить! – заключил Петр Исаакович и строго приказал жене. -
Мать, кипяти воду и подготовь шприц, сейчас я сделаю инъекцию...

Но, видно, Зину тогда возмутило такое заключение отца, и она, собрав последние силы, прошептала внятно и нараспев:

-Успоко-о-о-йте, вначале ко-о-ошку, у меня нет сил бо-о-ольше слы-ы-ышать её плач....

-Чем же её успокоить? Я же не ветеринар, - растерялся отец.

-Господи, лучше бы... ты... был... ветеринаром. Зверей лечить благородней...
Да! Дай ей кошачьего... корня, водного раствора... валерианы... Найдешь там, в аптечке... там всё есть, найдешь...

Успокоительный укол подействовал на Зину быстро:

-Бедная животная, бедная животная, - бормотала она почему-то на старорусский манер, когда мама помогала ей раздеваться. И как только Зина прикоснулась к подушке, сразу же и уснула. Это был очень сладкий и яркий сон, ибо он касался её светлого прошлого...

Красивый, уютный, теплый город без названия. Может быть это Харьков, а может Лисичанск, может Керчь, может и Москва. А может быть и просто город N. Но, разве от одного названия города зависит благополучие его жителей? Вот сидит в тени деревьев на садовой скамейке девочка лет шести-семи, и ест мороженое, а мимо проходят люди и все, до единого, любят её. У девочки головка пшеничная с серебром. Глаза синие-синие, как небо над ней. Личико белое, как снег. Девочка счастлива, она ест мороженое, смотрит синими глазами на весь мир и на людей. Она любит этот мир и людей населяющих его. А люди идут мимо скамейки, где сидит девочка, многие из них задерживаются, смотрят на неё как на некое чудо природы, и восхищенно произносят: "Посмотрите на неё! Это же ангел небесный!". А мама стоит невдалеке и беседует с каким-то важным господином в котелке. Но девочка не чувствует себя брошенной, наоборот, она – центр всеобщего внимания и восхищения. Вот сейчас к ней подошли несколько молодых людей в черной форме. Один из них, жгучий, кудрявый брюнет склонился над ней и спросил: «Ангел прекрасный, как тебя зовут!». – «Зина, Зина Червонская», - ответила девочка. –«Надо же, господа, какая мистика! Какая же золотая фамилия у нашего ангела?! – рассмеялся жгучий брюнет. –«А тебя как зовут»? –спросила в свою очередь девочка. - «Меня? Иваном. А что?» Девочка потупилась, засмузилась, ей понравился этот молодой дядя, от него веяло любовью и настоящим восхищением. –«Посмотрите, друзья, на эту красавицу, она самая красивая в нашем городе, а может быть и во всем мире!» – воскликнул Иван, а Зина вдруг возразила ему: «Самая красивая в мире – моя мама!». Студенты-инженеры рассмеялись, а один из них, бледный и белобрысый пророчески заметил: «Кто знает, Ваню, может этот ангел станет скоро твоей женой, всему своё время!»! Студенты снова рассмеялись, а Иван почему-то смутился. Потом пришла мама, строго посмотрела на молодых горных инженеров, и спросила: "Что вам угодно, господа студенты?" - «Мадам, извините нас, но мы любим вашу прелестную дочурку!»! –«Ах, оставьте господа, в покое моего ребенка! Я вижу, что вы уже изрядно подшофе, и ищите развлечений». – «Что вы, мадам, как вы могли о нас так плохо подумать, ваша девочка –сухая прелесть, она сказала нам, что вы –самая красивая женщина в мире, и мы ей сейчас верим, мадам. Вы – божественно красивая женщина - нашелся кудрявый Иван. - «Да будет

вам, - смутилась мама и строгим голосом добавила: - Зина, идем домой, погуляли и хватит!»! Студенты извинились и откланялись. А Зине так не хотелось, чтобы эти веселые молодые дяди уходили...

А потом вдруг возник вокзал. Полно людей, длинные очереди к кассам. Лето. Духота. Она всюду. Некуда деться. Очередь не двигается. До заветного окошка далеко, оно недосыгаемо. Стоять невыносимо, ноги горят, спина трещит. И тут жадный взгляд мужчины ожег внутренности. Случайный поворот глаз – и вот. Зина вовсе не хотела смотреть в его сторону. Но это приятное тепло изнутри, когда на тебя заинтересованно смотрит мужчина, волновало.. Но не только оно. Есть ещё и чувство опасности. Его взгляд попал Зине не в сердце, а ниже. И это вызвало холодок в спине. С чего, казалось бы? А? Это же не темное время суток, не глухой переулочек, тупик, или темный двор, где всегда найдется насильник? А он стоял в середине другой очереди и смотрел на неё жадно и желанно. И вот глаза Зины повело, сам собой её взор полетел навстречу ему и... попал в капкан! Немного стеснилось дыхание: теперь не будет, как прежде, всё будет по-другому! Это были не мысли, это были – её ощущения, и они не спрашивали согласия. Внутри было тепло и приятно, а в душе – холодок. И первая безумная мысль: я куплю сейчас билет, выйду, он - за мной. Я пойду, убыстряя шаги, он меня настигает, за моей спиной его жаркое дыхание, он меня догоняет и... Вокруг густые кустарники и могучие деревья, вокруг никого... Здесь и должно это всё произойти, черт возьми, хочется, очень хочется... Зина решительно тряхнула головой: никаких «хочется»!. Да кто он такой? Чтобы вот так сразу, с первого перегляда! Что он такое? Зина решительно повела глаза в атаку. Ничего особенного. Среднего роста, крупный мужчина – не её тип. Вот и всё. Зина отвернулась. Но внутри было – не всё. Будто сильные мужские руки проникали внутрь, мягко сжимали, притягивали. Лицо было обычным, южным, но глаза, глаза его были необычными. Зина вздрогнула, повернулась. Этого только не хватало. Его лицо показалось знакомым. Новое мучение: значит, я когда-то где-то его видела? Где? Когда? Окошко кассы приблизилось наполовину. Очередь дрогнула, зашевелилась, по ней пробежала волна. Взметнулись крики: "Обед, у них обед! Запоминайте, кто за кем"! Зина украдкой поискала жгучего мужчину, но его не было, и вздохнула облегченно...

В буфете она взяла кофе-эрзац из цикория, другого не было, и холодный пирожок с ливером. Устроилась за высоким столиком у окна, стульев не было, буфет в духе нового времени был стоячим. За окном – пустые железнодорожные пути и черная масса мешочников и другого разного люда. «Разрешите, мадам? – раздался голос. Зина резко обернулась – он! В руке стакан кофе, на стакане – черствый пирожок. В другой руке дорогой кожаный портфель с золотой пряжкой и серебряной, тусклой монограммой. Зина кивнула: "Пожалуйста". И тут же в голове пронеслось: "Дура! Надо было сказать «занято». Мужчина посмотрел на свою еду, потом на еду Зины, и произнес: "Вы меня не узнаете?" Зина пожалала плечом: вот ещё! Мужчина продолжил: "Мы с вами виделись дважды. Один раз на бульваре, когда вы ели фруктовое мороженое, а другой раз близ дачи Родзянко, где вы мне преподнесли веночек из одуванчиков. Это было давно. Вы тогда были девочкой-ангелом". Зина вскинула брови, взгляделась. Воспоминание влетело в неё, как ласточка в гнездо. Вот оно что! Конечно! Конечно! Это же Иван! Зине стало смешно. Сколько лет прошло, и надо же, вот здесь на грязном, заплеванном вокзале встретиться со своей детской любовью...

«Да, да вспомнила. Сколько же лет прошло?» – «Лет пятнадцать, пожалуй, будет». – «Где вы, Иван, теперь служите?» – «В тресте Донбассуголь. Но мне обещали перевод в Москву, к самому Серго Орджоникидзе». - «О, это прекрасный вариант!» – обрадовалась почему-то она. Но Иван тяжело вздохнул. «В чем дело? Вам не нравится Москва?» – спросила Зина. «все бы ничего –одно плохо». – «Что

же?» – «Опасно там, все зыбко и неустойчиво». Зина рассмеялась: "Какой вы, однако, осторожный». Он откусил пирожок, потряс им: "Даже если этот пирожок бить и пытаться, он все равно не скажет, с какой он начинкой. Так же обстоит дело и с Москвой". Зине стало весело и легко. «Иван, вы женаты?» – любопытствовала она. – «Нет, - ответил он и добавил: - я ведь вас до сих пор люблю принцесса вы моя ненаглядная!» – «Да будет вам! Вы с ума сошли. Какая я сегодня принцесса? Я замужем, меня в Москве ждет муж и ребенок! Вот и вся романтика!» – «Ну и что из этого? Всё это вздор! Выходите за меня замуж, Зиночка! Видит Бог, вы будете счастливы».

Через час купили билеты, Зина в Москву, а Иван в Лисичанск.. Это были, как выяснилось, билеты в будущее. Из душного вокзала вышли вместе. До отправления московского поезда оставалась немногим больше часа, до поезда на Лисичанск и того больше. Что делать? «Зиночка, я провожу вас. Давайте пройдем в городской парк, посидим там, поговорим», - предложил Иван, но Зина отказалась от его предложения. «Нет, - сказала она, - я не хочу видеть людей, давайте найдем другое место». – «И вы такое место знаете? – дрогнувшим голосом спросил Иван. – «Пока не знаю, но думаю, что мы его найдем вместе». Иван всё понял, глаза его зажглись тем прежним огнем, которым он испепелял Зину в той очереди за билетами... Огонь этот был насквозь проникающим и сладостным, он снова возродил в Зине приятное, влажное тепло внутри. «Так этому и быть!» – мелькнуло в душе, и Зина сразу же успокоилась. Они долго шли, взявшись за руки вдоль железной дороги, дошли до переезда и свернули влево, в густую чащу плакучих ив, обрамляющих зеркало маленького водоема, подернутого ранней, зеленой пленкой. Никого здесь не было, даже птицы не нарушали мертвую тишину. Казалось, что вся жизнь сосредоточилась в городе и на вокзале, где были какие-то жалкие крохи пищи, которыми можно было поддерживать свое жалкое существование всего живого. Это было очень жаркое лето, листва деревьев стала опадать раньше времени, не ожидая осени, точнее, – это была самая обыкновенная засуха. Вокруг был сухой зной, а Зина изнемогала от избытка влаги... Хочется, ох, как хочется...

Под самой раскидистой ивой, где плотным ковром расстелилась желтеющая листва, Зина бросила на землю свой саквояж. Обернулась к Ивану и тихо сказала: «Знаешь, ведь я тебя тоже до сих пор люблю, с тех детских, глупых лет. Нет, может, и не люблю так, как любят дети, но сейчас я, как женщина, тебя просто хочу! Ты меня понимаешь? Я хочу встретиться по-настоящему со своим прошлым! А оно у меня было прекрасным! Ты был первым, кто в этом жестоком мире заметил меня»!

Потом Зина стала, не спеша, раздеваться. Спокойно и деловито, как будто это было не под открытым небом, а в спальне. Она сгорала от желания, но старалась выглядеть спокойной. И только когда она стала снимать нижнее белье, руки её стали заметно дрожать. Оказавшись абсолютно голой, она подошла к изогнутому стволу ивы, обняла его. «Ну, как я тебе гляжусь? Желанна ли я тебе? – спросила Зина хриплым, непослушным голосом. «Желанна, любимая, всегда желанна!» - застонал Иван и бросился к ней. Он обнял её, а потом стал целовать её всю с головы до пят, и Зине показалось, что, целуя её ждущее тело, он плачет, всхлипывает...

«Ну, что ты, милый, плачешь? Всё будет хорошо! Вот увидишь! – шепнула Зина и ловко выскользнула из его рук. Подбежала к своему саквояжу, ловко открыла его, достала шерстяную кофточку, простелила ей на земле, и улеглась, раздвинув слегка ноги и забросив руки за голову: «Иди ко мне, мой ласковый, дурачок, иди»!

И когда Иван пришел, точнее, вошел в её шатер, она ойкнула, охватила своими длинными ногами его бедра, вцепилась мертвой хваткой в его спину и выдохнула страстно: "Вот мы и встретились с тобой, Ваня! Здравствуй, мой любимый!" – «Здравствуй!» – прохрипел он, и это слово было последним осмысленным звуком в сплошных потоках их общих воплей и стенаний...

Потом был снова вокзал, недолгие, бестолковые проводы. Иван дал Зине свой харьковский адрес, а она сказала ему на прощанье: "Ваня, с этой минуты ты можешь считать меня своей женой. Верь мне, я своими словами не бросаюсь"...

Когда это было? В каком году? Это было тогда, когда Зина была молодой, свежей, привлекательной и желанной... Это было очень давно. Во сне нет своих календарей, великих эпох и так называемых судьбоносных времен. Для кого-то открытие Днепрогэса – великое событие, а вот для Зины главным событием в жизни явилась встреча с Иваном Христофоровичем под одной из могучих, плакучих ив...

И тут Зина очнулась, с трудом разлепила непослушные веки. Каким ярким, реальным и чудесным был её сон! Между ног было по-прежнему горячо и сладко так же, как и там, во сне, на сухих листьях. Зина приподняла тяжелую голову и осмотрелась: на животе лежала кошка и внимательно смотрела ей в глаза. В комнате стоял душный сумрак, за окном – серая муть. Высокий потолок спальни давил своей свинцовой тяжестью. Старинная мебель и висящая над потолком богемская люстра выглядели нелепо и чуждо. Это был мир враждебной реальности, и Зине в нем стало противно быть. Какой все-таки скверный мир, здесь всё чужое, здесь всюду враги, одни враги! Какая страшная, однако, эта жизнь! И какой дурак сказал, что жизнь – это волшебный дар? Обман – она, дьявольски изощренный и злобный обман, вот и всё! Зина застонала, а потом стала тихо скулить, как скулит на морозном ветру потерявшая своих хозяев собака. Услышав этот скулеж, кошка испугалась, и убежала в коридор. Зине без неё совсем стало одиноко и бесприютно. Она стала выть, как воют отчаянно хронические алкоголики в момент похмельного синдрома от очередного осознания своей никчемной, бессмысленной жизни.

К постели подошла мама:

-Зиночка, доченька, что с тобой?

-Где папа? Пусть он мне сделает ещё один такой укол! Я не хочу просыпаться, я хочу снова видеть сны!

-Папа ушел по своим делам. А ты вставай и приведи себя в порядок. Нужно жить, Зиночка, нужно жить...

-А зачем, а на кой, ради кого?

-Да хотя бы, милая, для своих детей...

-А им, детям, зачем жить? Чтобы быть когда-то арестованными, хлебать тюремную баланду и строить новый мир для новых хозяев жизни, для этих политических бандитов? Ради радетелей о счастье всего человечества! Какие же они суки! Будь они прокляты! Будь они прокляты!

-Зина, успокойся! Пойдем со мной, я тебе дам успокоительные капли. Ты хоть знаешь, какой сегодня день, какое число?

-Не знаю, и знать не хочу! Даже если это и последний день Помпеи, мне-то, что с этого? Бедная животная, бедная животная! Бедный Ваня! Ванечка, родненький, как тебе сейчас живется-мается? Ванечка, за что, за что они тебя сгубили?

-Зиночка, доченька, не надо так убиваться, вернется твой Ваня к Новому Году, вот увидишь...

-Мама, оставь меня в покое, не надо мне петь военных песен! Они мне осточертели! После победных мелодий всегда следует похоронный марш!

-Не городи чепухи, Зина! Вставай и иди умойся! –строго приказала мама, и Зина её покорно послушалась.

Но она еще не понимала сон это, или реальность. Накинула голое тело халатик, прошла в ванную, посмотрела на себя в старое зеркало и убедилась воочию: "Да, это я! И довольно-таки молода! Моему телу сейчас не больше тридцати! Это зеркало не врет! Стоп! А может это всё –сон? Может и не молода я как воздух и вода? Может мне всё кажется"? Зина ущипнула левый сосок, он моментально стал твердым, а

потом последовала приятная боль. Нет, это не сон, это жизнь. Умывшись, она прошла к черному, резному гардеробу, распахнула его тяжелые дверцы, и стала, как кошка, внимательно внюхиваться в сорочки Ивана Христофоровича. От них пахло его чудным, несравненным мужским духом с примесью сладковатого запаха трубочного табака. Да, это жизнь! Это не сон. А когда Зина накинула на плечи кожаное пальто, подаренное Ивану в Бобриках самим Серго, когда она одела голову шапку-ушанку, тут ей вовсе стало хорошо, приятно и комфортно. От пальто Серго веяло властью и мощью, в таком одеянии сам черт не страшен...

И тут Зина решила выйти на балкон. Но там было много снега. Она пошла на кухню и взяла железный совок, он вполне мог заменить ей маленькую лопату. С трудом открыла дверь на балкон и стала сбрасывать снег вниз. Это занятие ей понравилось, оно отвлекало от тяжелых мыслей и разогревало тело бодрящей теплотой. Но, увы, снега оказалось не так уж много, а с балкона Зине уходить не хотелось. Да, над головой висела серая небесная каша, да, вокруг сиротливо прижались старые дома, но зато здесь, на балконе, можно было дышать свежим морозным воздухом. Зина оперлась на решетку балкона и стала смотреть вниз. Хохловский переулочек был пустынным, и только у бывшей церкви Всесвятой Троицы на Хохлах урчала грузовая машина. Её задний борт был открыт, рабочие по наклонным доскам скатывали на паперть тяжелые бумажные ролики. Рабочие грязно матерились, а рядом молилась женщина в черном монашеском одеянии. Это была матушка Федора, известная всему району монахиня, стойкая последовательница патриарха Тихона, молельница и охранительница поруганных, но еще не снесенных московских храмов, прорицательница, уста которой не боялись произносить вещие речи...

Вторая половина декабря, вплоть до наступления нового 1938 года прошла для Зины в состоянии ожидания чуда, что не сегодня, так обязательно завтра, зазвонит дверной звонок и на пороге появится улыбающийся Иван Христофорович, и скажет: "А вот и я! Я не виновен, произошла ошибка"! Но проходили как во сне, дни за днями, никто не звонил в дверь, и молчал телефон. Были только тусклые будни и будничные заботы, уборка квартиры, стирка белья, совместное с мамой приготовление пищи, и вынужденные хождения по магазинам. Выходить на улицу было неприятно, Зина не хотела встреч с соседями по дому – работниками треста «Главкаучук» и Наркомтяжпрома, Зина боялась встреч и общения даже с теми людьми, с которыми её раньше, кроме досуга, ничего не связывало. Что было этому причиной? Вероятно, что боязнь, страх и ложный стыд ("жена врага, жена преступника"). Всё это вместе взятое и заставляло Зину идти по улицам с опущенной вниз головой, смотреть себе только под ноги, не озираясь, только бы не увидеть во встречной толпе знакомого лица и не обменяться с ним взглядами...

Но деятельная натура Зины не могла долго терпеть эту нудную, пассивную, растительную жизнь. Нужно что-то делать, бороться за себя и своего мужа, а не сидеть, сложа руки! Ничто так разрушительно не действует на волю человека, как покорность перед обстоятельствами. Только снулая рыба плывет по течению! Да, жизнь Зины теперь – далеко не мед, но она на свободе, а Ваня в неволе, он сейчас ограничен во всем, даже в пище. И, почему бы ей, не пойти на Лубянку, чтобы узнать у чекистов: можно ли надеяться на свидание с арестованным мужем, и как ему передать продуктовую передачу? Вот чем нужно заниматься, а не распускать нюни после каждого кошмарного видения...

Зине надо было с кем-то посоветоваться, найти в этой благой цели единомышленницу, подругу по общей беде. А возможно ли это? Она стала перебирать в памяти таковых и, увы, не находила. Почти все они были арестованы вслед за своими мужьями, а те, кто еще оставался на свободе, внушали ей

нехорошие подозрения: некоторые из них уже отреклись от своих супругов, иные же были на грани отречения. Для таких жен звонок Зины хуже брошенной в окно гранаты...

Надо же, ещё полмесяца назад люди, как пчелы, роились около тебя, как около матки, а сегодня ты замерзаешь одна на январском ветру! Кому позвонить, с кем посоветоваться? Некому! И настала пора выбросить в мусорное ведро телефонную книжку! И Зина уже собралась это сделать, если бы её взгляд случайно не задержался на домашнем телефоне Григория Константиновича Орджоникидзе. Вдове Серго ей нужно сейчас позвонить! Вот кто может Зину понять и что-нибудь дельное посоветовать...

И Зина позвонила. Трубку взяла дочь покойного Серго – Этери:

-Вас слушают, - осторожно произнес детский голос.

-Этери, дорогая, здравствуй! Это звонит тётя Зина! Ты помнишь меня, Этери? Это Зинаида Петровна звонит, жена Ивана Христофоровича Айдинова, заместителя твоего папы. Неужели ты меня не помнишь? Мы у вас на даче часто бывали...

-Айдинова? Помню. И вас помню, тетя Зина. Здравствуйте, тетя Зина...

-Этери, позови, пожалуйста, маму...

-Не могу, он плохо себя чувствует, - неестественно равнодушно ответила девочка.

-Плохо чувствует? Извини, - упавшим голосом произнесла Зина, и решила уже положить телефонную трубку на рычаг, как вдруг что-то в трубке зашуршало, стукнуло, а потом усталый женский голос произнес:

-Зинаида Петровна, здравствуйте. Я заранее знаю ваш вопрос. Это и мой вопрос. Зиночка, прошу вас ничего не предпринимать в защиту мужа: никаких свиданий и передач. Если он останется в живых, то ходатайствовать о нем можно только после приговора, а пока не трепыхайтесь, готовьтесь к своему аресту. Беда вашего мужа в том, что он –старый коммунист, был бы он из «молодых вождей», таких как Ломинадзе или Сырцов, то его бы, может быть, и простили. Зиночка, мы жертвы особой политики, у которой свой моральный кодекс. Мы с вами делали вид, что этого не знаем, мы с вами до сих пор думаем, что такая политика –плод нашего несовершенства. Вы меня поняли? Если не поняли, то мне и вас и ваших потомков безумно жаль. Все они будут вечными жертвами мошенников. Этому новому рабству не будет конца! Это рабство будет нашим вечным проклятьем! Зина, исходите из худшего. Я сама могу быть в любой день арестована. За что? Сама не знаю. Уже арестованы два брата Серго. Кто за них заступится? Некому! Кто заступится за меня, вдову? Никто. И не звоните мне больше, прошу вас. Мы все сами во всём виноваты, мы вскормили зверей на своей груди. Факт, не партия руководит страной, а НКВД, во главе которого такие подонки, как Ежов и Берия... Вот так! Прощайте, Зина!

После этого разговора, Зина решила больше никому не звонить, и ещё больше ушла в себя. Только два находившиеся постоянно рядом, существа – мама и кошка, как-то скрашивали сумеречное состояние её души. Мама ухаживала за ней, как за больным ребенком, а кошка всю свою беззаветную любовь к хозяину прайда перенесла на Зину. Уже с утра она будила Зину нежным прикосновением лапки к щеке, а если это не действовало, то осторожно усаживалась на грудь, усердно коготками «месила тесто» и мурлыкала свой гимн благоденствию, миру и сытости: "Жить хорошо! Жизнь хороша! Хороша жизнь! Хор-р-рошо жить"! И Зина просыпалась, гладила кошку, нежилась в постели минут десять, а потом вставала и шла умываться. После водных процедур следовало «нежное катание на ослах и мулах» – кошка просилась на руки, Зина брала ее, животное живым воротником уютно располагалось вокруг шеи хозяйки и снова заводило свою кошачью шарманку: "Хор-р-роша жизнь! Хор-р-рошо жить! Жить хор-р-рошо, хор-р-рошо!" –"Нет,

Ксаночка, жизнь нехороша. Нет в доме папки! Плохо нам всем без него," - шептала Зина, медленно расхаживая с кошкой на спине по комнатам и коридору. Только с кошкой Зина могла от души печалиться об Иване Христофоровиче, ей казалось, что только это бессловесное существо вполне понимало её горе. Когда у Зины начинал дрожать голос, а на глазах выступали слезы, кошка прекращала свой «гимн радости» и начинала усердно вылизывать шершавым язычком завитки около уха хозяйки. «Бедная животная!» – стонала от умиления Зина, и только одной ей было понятно, кого именно она жалеет – людей или животных. Да, ей было тогда жалко и тех и других, но более всего бессловесную тварь. Животные – безгрешные дети природы, а у природы чистое сердце.

А вообще, не смотря на то, что январь нового года выдался солнечным, Зиной он воспринимался как самый тусклый, бесконечный месяц, как сплошной, муторный сон, в котором мучительная тяготица перемежалась с жуткими, пророческими видениями наяву среди ясного неба. В таком состоянии обычные предметы воспринимаются необычно, принимают символические образы, намекая тем самым зрителю, что в данный момент где-то происходят весьма значимые события, тесно связанные с его судьбой. Иногда бывает так, что, если долго и пристально смотреть на какой-нибудь предмет, то он начинает исчезать. А бывает и так, что достаточно мимолетного взгляда – и перед тобой вместо обычного предмета возникает настолько живой, четкий образ, что в пору и сойти с ума. Но эти вещие видения не бывают частными, может быть потому, что они вещие.

Зина хорошо помнит, что такая фантазмагория на фоне реальности особенно дожимала её тридцатого января почти всю вторую половину дня.

Часы пробили полдень, и она случайно глянула в окно. За окном церковь Всесвятой Троицы без крестов на куполах. Над кастрированными куполами – небо. В небе плывет отрубленная голова кошки. Косматое сзади облако. Там где должна быть шея. Страшное облако. Зине стало нехорошо, она передернула плечами. Это неспроста. И тут же обожгла людом тревога вокруг сердца. Нет, тревогу надо гнать от себя – беду накликаешь. Зина стала неслышно уговаривать себя: всё будет хорошо. Всё будет в порядке. Ничего не случится...

А отрубленная голова кошки продолжает плыть по голубому небу. Солнце не жалеет золота, его в тысячу раз больше, чем на куполах поруганной церкви. Небо распирает от голубизны. Взгляд Зины облетел окрестные крыши домов. На миг сладостное чувство покоя охватило сердце: при таком небе и таком солнце ничего плохого не случится! Потом она снова посмотрела на облако. Вместо головы кошки, она увидела вытянутый во всю длину труп кошки, но без головы! Нет, нет, что-то случилось! Что случилось? С кем? С Ваней? А может это бред? Может прав папа: всё это, всего лишь, галлюцинации на почве нервного переутомления. Нужен свидетель. Зина позвала маму. «Чего тебе? – недовольно пробурчала старуха. – «Мама, посмотри на это облако. На что оно похоже?» – «Это облако? Обычное облако. На что оно похоже? На волнистый кусок стиральной доски. А что?» – «Ничего!» - растерянно прошептала Зина. Как все быстро меняется в этом мире! Посреди неба, на месте страшной тучи была видна лишь старательно упорядоченная кем-то рябь облачков. Зина старательно протерла глаза и посмотрела вниз на Хохловский переулок. Он был пустынным. Только от дома № 13 к церкви-складу, важно оглядываясь, шла кошка. Это была Ксана. Вот она перешла дорогу, остановилась у церковной ограды и стала внимательно обнюхивать «кошачью почту». «Мама, посмотри, кошка на улице! – воскликнула Зина. – «Откуда кошка? В нашем районе не должно быть бездомных кошек! – возмущенно ответила мама, но все-таки посмотрела за окно. – « Это не бездомная, это наша кошка, мама! – отчаянно произнесла Зина. – «Успокойся, дочка, это не кошка у забора, а самая обыкновенная крыса. Их много сейчас развелось. Смотри, смотри, вон она нырнула

в подвал. А наша кошка дома, спит на твоей постели и в ус не дует! Успокойся доченька, успокойся. Дай я тебе потрогаю лоб. Ой, бедняжка, да у тебя жар! Иди на кухню и съешь немного свежего винограда, а потом я тебя уложу вместе с кошкой и дам сердечных капель». – «Свежий виноград? Виноград – это хорошо, – тупо пробормотала Зина. – «Да, доченька, свежий виноград. Его вчера папа купил на Центральном рынке. Купил для тебя, доченька»...

Зина глубоко вздохнула и, захватив полные легкие воздуха, не спеша, прошла на кухню. Здесь не было солнца и синего неба, здесь была полумгла и туман. За окном кухни, там, в низине, утопали в тени громадного дома и уходили в землю какие-то хозяйственные низкие, сгорбленные временем строения, склады, сараи, сараюшки и котушки. Сжалось сердце. Страх перед настоящим стал в него входить холодной змейкой. Зина услышала вдруг тяжелую поступь предопределенности. Из немыслимых высей и невероятных далей приблизилась мгновенно скрижаль судьбы на расстоянии вытянутой руки. От родного сердца к сердцу Зины со скоростью мысли понеслись сигналы из иного мира, в котором, как говорят умные люди, скорости как таковой и нет.

Зина осторожно открыла дверцу старинного буфета. Большая ваза с виноградом должна была стоять на верхней полке. Только там она могла поместиться. Зина подняла голову. На вазе лежала голова. Черное, закопченное лицо с выпученными глазами в кудрявом парике смотрело на неё. Это была голова Ивана Христофоровича! В животе возник мерзкий холодок, всё внутри задрожало, потом побежала горячая волна кверху, достигла сердца, и сердце было поглощено ею, и замерло, жар достиг горла и перекрыл дыхание, и сразу же - резкая вспышка в голове, и ноги согнулись в коленях, и Зина стала сползать на пол, теряя сознание. Падая, она задела одну тарелку, которую мама почему-то не убрала, оставила на открытой полке нижней части буфета. Звук разбитой тарелки был последним звуком этого мира. Это был хруст осколков жизни под тяжелым кирзовым сапогом будущего. Потом наступила пауза. Тот период покоя, когда время узнает бесконечную глубину пространства. Зина уже не помнит, сколько времени она была без сознания, но видимо недолго. Звук падающей тарелки был услышан мамой. Зина будто пробудилась от сна. Она не могла понять, где находится. И это её пугало. Но живое время мгновенно проглотило пространство пустоты и небытия. Она с трудом разлепила веки, и какая-то белая статуэтка оказалась перед глазами. Это была кошка. Её взгляд был тревожным, зрачки – черными и круглыми. Видно животное увидело то, что совсем недавно увидела её хозяйка. Зину стало тошнить. Над головой раздался отчаянный вопль мамы: «Зиночка, деточка, что с тобой?! Что случилось»?! – «Ваню убили! Сегодня Ванечку моего убили! Вот что случилось»!

Нет ничего худшего для здоровья человека как ежедневное, постоянное ожидание беды. Когда она придет к тебе? Сегодня, через полчаса, или завтра, а может через месяц? Зине намного было бы легче, если бы кто-то, хотя бы и Иван Бессонов, назвал ей точно роковой час, день и месяц. Но не было такого пророка. Неизвестность убивает, парализует волю. Петр Исаакович понимал состояние дочери и делал всё, что мог. Он делал Зине такие уколы, которые могли бы избавить её от наваждений наяву, любой даже самый кошмарный сон для психики намного лучше, чем безобидное на первый взгляд наваждение в мире реальности. Старания отца избавить дочь от кошмаров не прошли даром. В феврале Зина избавилась от них, к ней снова вернулись прежняя трезвость ума и деловитость. Во-первых, она сумела убедить родителей в том, что её арест неминуем, а во-вторых, предложила им перевезти на старую квартиру все ценности, за исключением мебели, из казенного жилища: антикварную посуду, столовое серебро, картины, подсвечники, люстры и один маленький, но ценный гобелен.

Зина не только предложила эту идею, но и сама активно включилась в тайный перевоз ценностей с Хохловки на Славянское подворье. Кроме этого она сняла с личного счета деньги и передала их вместе с облигациями родителям – так будет лучше. Февральские дни проходили в трудах и заботах, точнее, в приготовлениях к уходу в другую жизнь, но зато по ночам беспокоили сны. Но это были обычные сны нервного человека, и Зина их уже не помнит. Только один из них, самый последний, она запомнила на всю жизнь. Он привиделся под утро, за три-два дня до ареста, кажется, это было утро выходного дня...

Под утро – именно под утро – Зина приоткрыла глаза. За окнами серая небесная муть. Часы пробили шесть раз. Зина вновь прикрыла веки. Потом провал, темнота и сразу улица, вымощенная булыжником. Да это же Хохловский переулочек! Вокруг никого. Но это только кажется. Она знает, люди везде, от них не скрыться. Просто они невидимы. И это нормально. Там, где Зина сейчас находится, это в порядке вещей. В этом мире быть невидимым для всех – самое лучшее средство выжить. Зина идет по тротуару, ноги скользят по наледи, она боится подвернуть ногу. А еще хуже сломать ногу, тогда уж точно, что никакого свидания не будет. Попадешь в больницу, и будешь там валяться в гипсе полтора-два месяца. Да будешь, но за то тебя в больнице не арестуют. Кто это тебе сказал? Арестуют и в гипсе отвезут в тюремную больницу для надежности с точки зрения, так сказать, государственной безопасности. Ах ты, мамочка родная, хоть бы не упасть и не угодить под какую-нибудь телегу! Вон их сколько, этих телег, целый обоз движется от Покровских ворот по Хохловскому переулочку и, плавно извиваясь, уходит к Покровскому бульвару вниз к Солянке, к Котельникам, к месту слияния мертвых вод Яузы с мутными водами Москва-реки...

Зина подошла к дому №13 и увидела на тротуаре телегу – грабарку. Она стоит поперек, так что не пройти. Другая бы прохожая возмутилась бы, а Зина – нет. Обычная деревенская телега, такие тысячами перевозили грузы на Шатовской плотине при строительстве Бобрикской ГРЭС.

Зине хочется подойти к телеге поближе, но какая-то сила её не пускает, как будто незримая стена стоит между нею и телегой, да и ноги не слушаются. Отчего? Почему? Зина посмотрела себе под ноги, и увидела, что её стопы ушли под булыжник мостовой вместе с ботинками. Вот так! Что же делать? А ничего! За все надо платить какими-то неудобствами. За свидание – тоже. Все было хорошо. Одно лишь было плохо: телега была покрыта черным лаком, и конь вороной был в неё запряжен, и возница-грабарь сидел в черном кожаном пальто, седой и без головного убора. На телеге сено, два мешка овса, какие-то трубы и инструмент строителей социализма – кувалды, носилки, одноколесная тачка, штыковые и совковые лопаты, кирки и ломы. Зина наклоняется всем торсом вперед, но напрасны усилия, телега вырастает на глазах и сейчас главным объектом её внимания – грабарь в черном кожаном пальто с плеч самого Серго! Это был плотный коренастый мужчина. Он теребил в руках кисет, чтобы вытряхнуть из него хоть немного трубочного табаку, но кисет был пуст, и мужчина небрежно бросил его на мокрый снег. Потом вслед за кисетом полетела наземь и курительная самшитовая трубка, а потом к ногам Зины упал, знакомый до боли, раскрытый серебряный портсигар с драгоценными камнями на крышке. Но Зина не спешила поднимать семейные реликвии. Она продолжала пристально наблюдать за странным грабарем. Бедняга, он мучительно хотел курить, но курева не было! Вот он вытащил из внутреннего кармана пачку «Беломорканала», нервно вскрыл её, сделав маленькие воротца для выхода на воздух плененным папироскам. Но привыкшие к плену, они боялись выходить на свободу, жались плотно друг к другу, цеплялись за свой уютный покой, никому из них не хотелось гибнуть ни за что по чьей-то чужой воле. Но жилистая, беспощадная рука вытащила одну, потерявшую бдительность, папироску из пачки. Узловатые, черные как

асфальт пальцы крепко схватили её за белую талию (мундштук). Мужчина приподнял папироску, понюхал её с наслаждением и несколько раз постучал о пачку. Потом он стал искать огонь, но спичек не было. И у Зины их не было...

-Ваня, Ванечка, это ты? –спросила робко Зина.

-Зина? Ты откуда звонишь? – не оборачиваясь, равнодушным голосом произнес возница в черном пальто.

-Ваня, я здесь, позади тебя, в двух шагах. Оглянись!

-Не могу. Не положено. Я дал подписку, - пробубнил как из бочки Иван Христофорович.

-Ваня, ты куда уезжаешь? Куда едут эти все люди?

-Мы едем строить Кузбасс. Нам главное –снять верхний пласт, а дальше уголь можно брать под открытым небом голыми руками...

-А дальше что?

-А потом мы построим Город-Сад. Там будет всегда лето, и там все будут счастливы. Этот город будет под стеклянным куполом...

-А как будут жить те, кто будет не под куполом? –спросила Зина.

-Все будут жить под куполом, все будут под крышей...

-Для кого, Ваня, ты будешь строить этот Город-Сад?

-Как для кого? Ясно, что для детей, внуков и правнуков...

-А зачем, Ваня? Разве наши потомки будут рождаться безрукими неумехами?

Разве они не будут способны сами себе построить свой Город-Сад?

-Не знаю. Но так велели мне родная партия и правительство, - невнятно бормотал Иван Христофорович, - Ты, Зина, не волнуйся, у меня всё хорошо. Недавно я пошел на повышение, сейчас я возглавляю бригаду грабарщиков, у меня сейчас усиленный паек, все хорошо, всё – нормалёк...

-Кто возглавляет на этот раз эту великую стройку?

-Наш дорогой, уважаемый палач. Ты его знаешь, Зина...

-Ванечка, милый, дорогой, оглянись, я хочу видеть твоё лицо! - вскричала Зина.

-Не могу. Не имею права. У меня нет сейчас лица. Ни у кого его сейчас нет, Зиночка...

-Ваня, а что это у тебя на затылке какая-то клякса чернеет? Раньше её не было!

-Это так, пустяк, особый шифр. Этот знак у всех моих друзей по стройке. Без этого знака сейчас никак не обойтись, без него ничего великого не построить. Посмотри, Зина, на этот обоз, видишь...

-Вижу! Но возьми меня, Ваня, с собой, возьми! Без тебя мне тут жизни нет!

Возьми, возьми хотя бы в самую последнюю телегу!

-Не могу! Не положено! – глухо пробубнил Иван Христофорович, как будто его рот был зажат пуховой подушкой.

Эти слова Ивана Христофоровича были последними, не попрощавшись с женой, он стегнул лошадь кнутом, и его телега плавно влилась в строительный обоз. Зина стала смотреть на торжественно-мрачное продвижение строительного обоза, но лиц строителей, как ни старалась, рассмотреть не могла. Она могла видеть только их затылки, и на каждом из них были четко видны черные кляксы, в виде лохматого круга, в виде пятиконечной, или шестиконечной звезды, или же распластанного, мертвого осьминога. «Да они же все –мертвецы! –мелькнуло в голове Зины. – Это же обоз расстрелянных строителей светлого будущего. Вот ужас»!

И тут Зина проснулась, сердце бешено колотилось. Сон был таким ярким, что Зине захотелось его продолжения. Проклятое пробуждение! Оно прервало её долгожданное свидание с Иваном Христофоровичем на самом интересном месте. Зина так и не узнала главного: когда и где она воссоединится со своим супругом...

Она вскочила в нижней рубашке с постели и бросилась к окну. Хохловский переулок был пуст: и не было прохожих, и не двигался по нему обоз строителей с

черными метками на затылках. Только у церкви-склада, на паперти стояла матушка Федора и молилась. И пронзила мысль: "Я должна поговорить с этой вещью монахиней! В сию минуту, сейчас. Сейчас или никогда"! Быстро оделась и бесшумно выскользнула за дверь.

Кардиограмма № 02/38 («Вещие речи»):

Зина осторожно взошла на паперть, стала рядом с молящейся монахиней и стала ждать. Прошло минут пятнадцать, а может и больше. Зина стала зябнуть и переминается с ноги на ногу. Наконец, монашка перестала шептать молитву, трижды перекрестилась, обернулась и спросила ласково:

-Тебе чего надо, милая?

-Бабушка, извините, матушка Федора, простите, - стала лепетать смущенно Зина, не зная с чего начать, - простите меня, простите...

-Бог простит!

-Вот возьмите, пожалуйста, деньги... на храм, на свечи. Помолитесь, матушка, за меня... Плохо мне, матушка Федора, беда у меня. Страдаю я днем и ночью. Помогите мне, матушка, прошу вас! –отчаянно стала бормотать Зина, протягивая монашке несколько скомканных ассигнаций.

-Бог поможет! –ответила матушка Федора, взяла деньги, сунула их в карман, и добавила в утешение: - Господь терпел и нам велел! Это хорошо, что ты, милая, страдаешь. Божья Мать тоже страдала. Человек страданьями душу моет. Страждущих Господь любит: "Приидите ко Мне все страждущие, и Я утешу и спасу вас"! За страждущих и молиться сладко. Я помолюсь, дочка, за тебя, но не здесь на месте поругания святыни, а в храме Святителя Николая в Хамовниках у иконы Божией Матери – Споручницы грешных...

-Споручницы? –спросила Зина.

-Споручница значит Поручительница, Посредница, между Господом Иисусом Христом и согрешающими людьми, неусыпная за них Ходатаица и Молитвенница. Тебе бы, милая, к Ней самой бы пойти и попросить у Нея заступничества, а не чрез меня, рабу грешную. Хочешь, я отведу тебя к Ней?

-Не могу я, матушка Федора, не могу! Я –еврейка.

-Тогда пойди в синагогу, в иудейский храм...

-И туда не могу, матушка Федора! Я – безбожница!

-Ой, вот это беда! – горько вздохнула монашка, покачала головой и добавила: - То, что ты еврейка –это не беда, перед Богом все равны: иудеи, эллины и язычники, беда в том, что ты – безбожница. Наглухо заперта душа твоя в темнице неверия, не может пробиться благодать Божия к тебе.

-Что же мне тогда делать? – сокрушенно спросила Зина.

-Самой искать Божью милость, взывать к Богу. А для этого нужно знать молитвы. Хотя бы одну, главную. Хотя бы молитву к Божией Матери –Споручнице грешных. Всякое в твоей жизни будет, милая, не раз и не два страх смерти испытывать будешь, а молитва на устах – это щит перед любым страхом. Слушай, милая, и повторяй за мною эту чудную молитву.

- Я не запомню её, матушка, забуду...

-Не забудешь! Быстро вспомнишь, когда гром грянет! – твердо произнесла монахиня и приказала строго: - А ну, грешница, повторяй за мной каждое слово! Слушай! «Царица моя Преплагающая, Надежда моя Пресвятая, Споручница грешных!»! Это обращение. Повтори! Так, хорошо! Теперь слушай дальше и повторяй за мной: «Не остави меня всеми оставленную, не забудь меня всеми забытую, дай мне радость неведомой мне радости. О тяжки мои беды и скорби. Как тьма ночная житие мое и нет в сынах человеческих ни одного сильного, кто мог бы помочь мне. Ты единая моя Надежда, Прибежище и Утверждение. Утоли болезни души моей, укроти

ярость ненавидящих и обижающих меня, восстанови силы мои увядающие, обнови, как у орлицы, юность мою, не попусти ослабнуть в делании заповедей Божиих. Пресвятая Богородица, Матерь Божия – Споручница грешных, спаси меня! Аминь». Вот и вся молитва! А ты говоришь, не запомнишь. Что тут помнить? Даже малое дитя и то запоминает эту молитву с первого разу! А теперь, милая, повтори молитву сама!

Зина послушно повторила молитву слово в слово, и это её не удивило, у Зины всегда была хорошая память.

-А теперь перекрестись трижды! – приказала монахиня.

-Я не умею, матушка, - смущенно и чуть слышно прошептала Зина. Но тогда Зина лукавила, она знала, как это делается, с русскими православными людьми она часто общалась в имении князя Львова еще до революции. Просто Зине было стыдно креститься на виду у всех, да ещё на глазах у мамы, которая могла случайно увидеть её из окна квартиры. Зина опасливо оглянулась в сторону своего громадного серого дома, потом резко повернулась к нему спиной и торопливо, воровато перекрестилась. Монахиня заметила эту уловку Зины, но промолчала. А Зине так хотелось угодить матушке Федоре! Зине так хотелось, чтобы монахиня произнесла вещие речи, приоткрыла темную занавеску судьбы...

-Что-то рука меня не слушается, когда крещусь, - стала оправдываться Зина.

-Ничего, милая, когда бесы тебя мордовать будут, то рука твоя сразу станет твердой! - успокоила её монашка, и спросила: - Ты в инженерном доме живешь?

-Да. А что?

-Да так. Кто мог раньше подумать, что настанут времена, когда бесы станут инженеров губить. Кто без инженеров бесам новый Вавилон построит? Кто им башню Вавилонскую возведет?

-Найдутся, матушка, молодые инженеры, найдутся новые бесы...

-Ничего у них не выйдет, милая, ничего прочного не построишь на лжи и крови! Запомни мои слова! Лжа хуже ржавчины, она все пожирает. Она и власть бесовскую скоро разъест. Смотри, как мирская власть начинает саму себя хвалить и скрывать свои смертные грехи. Вон оно начало гибели царства Вавилонского...

-Хочется в это верить, да почему-то не верится, - печально произнесла Зина.

-А ты, дочка, не иди на поводу у лукавого ума. Ты страдай, но не впадай в грех сомнения и уныния. Сомнения от ума, а не от сердца. И не бойся одиночества. Для одного одиночество – это бегство больного человека от мира, для другого – бегство от больных. В аду тоже есть свои монастыри...

-Мне уготован ад? – испугалась Зина.

-Это ты сказала! Я же этого не говорила. Я – не цыганка-гадалка, не ворожея, не колдунья и не язычница-вещунья. Я простая великая грешница, и если что-нибудь вижу впереди, то это не от меня, а от Господа...

-Матушка Федора, умоляю вас, скажите, что будет впереди? Что нас всех ждет, что будет со мной, моими родными и близкими? Что там, впереди? Стоит ли мучиться, надеяться, ждать?

-Трудно мне, милая, узреть то, что незримо для всех кроме Господа Бога. Темна душа твоя! Но Голос мне говорит: возвещай! А что мне возвещать? Душа твоя замутнена бесами, а плоть, как всякая грешная плоть – трава, и вся красота твоя, как цвет полевой. Трава засыхает, цвет увядает, а слово Бога нашего пребудет вечно...

Дочь моя во Христе, ты будешь унижена как никогда. Придет на тебя бедствие хуже нынешнего, сойдешь ты во прах и будешь сидеть на нем вдовою долгие годы, ибо ты надеялась на злодейскую власть бесов и жила их бесовской жизнью. Это они сбили тебя с пути, смутили сердце твоё гордынею: "я и никто кроме меня"!

Но даже в тесном узилище не погубят душу твою бесы, ибо все они, старые и новые, будут сами постыжены и посрамлены. Будут напрасны их жертвы и жертвы

тех, которые верно служили им за миску чечевицы, труды их достанутся потомкам тех, кто не жал, не сеял и не строил. Придут новые псы, не знающие сытости, каждый до последнего будет смотреть на свою дорогу и свою корысть. Каждый из них изберет свою сторону. Никто из них не вступится за правду. Каждый будет надеяться на пустое, и жить пустым. Каждый из них будет говорить ложь, зачинять и порождать новые злодеяния. Никто из них не заступится за тебя, ибо такими станут для тебя те, дочь моя, с которыми ты трудилась и вела торговлю от юности своей.

И будет заключен союз со смертью и с преисподней сделан будет договор, ложь станет убежищем и обман прикроет бесов. И будет великая война, миллионы жизней будет загублено, но ты останешься жива. На той войне погибнет столько невинных душ, что победа над врагом не будет праздником, ибо люди не будут знать – веселиться им или плакать. Горькими будут плоды победы, ибо скоро победители будут унижены, а побежденные – возвышены.

И ты это увидишь, дочь моя!

Обманом, а не трудом праведным, станут жить многие люди. Труженики будут голодать, а трутни – обжираться. И возлюбят себя мошенники пуще матерей и отцов своих, и ради себя будут готовы на всё! И будет большой раздел богатств, так что хромые и убогие умом пойдут на грабеж. Грабитель будет грабить, опустошитель опустошать. Столы наполнятся отвратительной блевотиной, и не будет чистого места. И будет вечер, а с ним ужас. Не пройдет ночь, как прежде утра уже не будет Великой страны, и побегут народы как прах по долам от ветра и как пыль от вихря. Такова участь грабителей наших, жребий разорителей наших! И будет опущен в яму вне гробницы своей самый Главный Зверь, будет ногами попираем его труп, как презренная ветвь, как одежда им убитых. И ты, дочь моя, это увидишь! А вслед за Главным Зверем сгинут в черной бездне его слуги, большие и мелкие бесы, и никто не будет печалиться о них, никто не проронит на их смрадный прах чистую слезинку. И ты увидишь это! Ты будешь жить на этой грешной земле долго и переживешь всех своих главным мучителей и гонителей, ибо спасение твое придет через любовь ко всему существу, через великое покровительство Божией Матери. Это по Её благодати ты будешь спасена, не как жена, а как мать чад своих. Долго не зайдет солнце твое и луна твоя не скроется до конца сетования твоего! По воле пресветлой Богоматери, полюбишь ты скотину больше, чем людей! Не всеильные начальники спасут тебя, а бессловесный, безгрешный скот и выючные животные. В них будет твое долголетие и сила на путях земных, ибо тяжкая ноша твоя сделается бременем для усталых животных...

И тут вдруг раздался страшный шум и гвалт. Зина вздрогнула от неожиданности, по спине пробежали мурашки. Это взлетело с главного церковного купола напуганное кем-то воронье. Сделав два круга над церковью, возмущенно галдящее черное облако полетело в сторону Кремля.

-Во как взбеленилось бесовское отродье! - улыбнулась матушка Федора.

-Разве это не обычные вороны? – спросила Зина.

-Нет, милая, нет! Нечистая сила любит перевертывать грешных девок в сорок и ворон. Обычные вороны, милая, любят сидеть только на тех храмах, которые с золотыми куполами и крестами! Пора бы тебе это знать! А души бесовские во враньем обличье собираются над поруганными святынями. Здесь они ликут, здесь им вольготно, здесь нет над ними Святого Креста...

-Матушка Федора, скажите, что случилось с моим мужем? – спросила Зина.

-Ох, трудно, трудно смотреть в мутное зеркало. Только Господь видит небо на ряби беспокойных вод. Вот Голос мне говорит: возвещай! А что мне возвещать? В эту минуту, когда мы дышим, он – задыхается в серном дыму, и солнце уже не служит ему светом дневным и луна уже не светит во мраке ночном. Гонялся он за золотой пылью, обманутое бесами сердце ввело его в заблуждение, не смог он

вовремя освободить души своей и сказать: "не обман ли в правой руке моей"! И вот он лежит и просит легкой смерти у Создателя всего сущего, ибо противно ему умирать от меча беса, которому он прилежно служил. Тошно ему, понял он: за жалкую лепту был он продан, никогда и никем не будет он выкуплен из вечного рабства. Одни мертвецы покоятся с миром, другие же лишены покоя...

-Почему? – перебила Зина вещие речи монашенки.

-Бесы ни здесь, ни там не отпускают на покой своих верных слуг. Чем занимался твой супруг на этом свете, тем и будет заниматься на том, до второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа. А там, на Страшном Суде, видно будет...

Услышав последнюю фразу монашки, Зина вздрогнула. Она вспомнила свой утренний сон, и странную фразу Ивана Христофоровича об открытии гигантского угольного карьера, о строительстве Города-Сада, о возведении Великой Стены. Господи! Что это? Совпадение? Или, в самом деле, – вещая речь? Если да, то тогда нужно пользоваться моментом, пусть вещая старуха откроет то, на что не мог ответить меченый в затылок Иван Христофорович:

-Матушка Федора, я увижусь с ним?

-Свидишься, если сполна отстрадаешь за его грехи, - ответила строго монашка.

-И долго мне придется страдать, матушка?

-Долго. Всю жизнь. Знай, что в узилище грешат пуще, чем на воле, а раз так, то... О, Боже! Вот они! - вдруг воскликнула монахиня и стала часто креститься. Зина повернула голову направо и увидела семенящего по противоположному тротуару большого черного пса. В зубах он держал говяжий мосол. У подъезда дома № 13 пес остановился, стал осторожно озираться. По всему было видно, что он хотел перейти дорогу, но почему-то не решался, что-то настораживало его. Как будто вместо булыжной мостовой он видел перед собой широкую канаву, которую нужно было как-то преодолеть. Наконец, черный пес решился: четырьмя лапами он оттолкнулся от земли, подпрыгнул высоко, потом в метре от мостовой перевернулся через голову и... исчез! И в этот же миг на месте, куда должен был приземлиться черный пес с мослом в зубах... возник солидный мужчина в черном пальто с бобровым воротником и бобровой шапке на голове. В руках у него большой пухлый портфель, на ногах бурки.

Вот он идет семенящей походкой вдоль церковной ограды по пешеходной дорожке в направлении церкви, где стоят Зина и матушка Федора. Мужчина очень спешит, видно опаздывает на службу. Зина догадывается, куда он идет. Он спешит в Наркомат просвещения, только туда, на Чистые пруды, там нет ни одного крупного учреждения или конторы. Вот он проходит мимо, стараясь никого вокруг себя не замечать, голова откинута назад, взгляд отрешенный. Но Зина узнает его – это один из бывших приближенных Авеля Енукидзе, бывший член коллегии Наркомпроса РСФСР по внешним связям, швейцарский барон Борис Штейгер, «служащий коллегии по ознакомлению иностранцев с достопримечательностями столицы». Узнал ли он Зину? Видимо узнал, но сделал вид, что не узнал. Куда он так торопится? В типографию, что находится во дворе дома № 11, или в Наркомат просвещения? Нет только не в типографию, для него это учреждение низшего разряда, только в Храме просвещения ему место, только там он может найти себе применение. Он спешит. Вот он прошуршал мимо, оставляя за собой воздушные вихри и запах псины...

-Что это? Кто это? – дрогнувшим голосом спросила Зина матушку Федору и стала протирать кулачком свои глаза.

-Ты тоже, милая, видела? Что ты видела?

-Видела собаку... Черного пса с костью в зубах... Потом пес подпрыгнул, перевернулся и пропал... А потом этот черный человек... с портфелем...

-Слава Богу! Услыхала Богородица твою молитву, милая! Сняла с твоих очей

бельма! Отныне будешь видеть то, чего другие не могут видеть! – обрадовалась монахиня.

-Да? А я думала, что снова начинаю бредить. Кошмар какой-то, такое и во сне не увидишь! Что это? Кто это?

-Это перевертыши, перекидыши, вовкулаки, оборотни, -пояснила матушка Федора и перекрестилась.

-Оборотни? – изумилась Зина. –А я думала, что оборотни – это выдумка темных людей...

-Если б так, милая! А то ведь нынче в Москве эти перевертыши кишма кишат. И не только в Москве, но и по всей Руси-матушке плодятся оборотни как крысы в смуту. Нынче по всей стране перевертня идет в порядках, в управлении, в мыслях и душах. Вчера было так, а сегодня эдак. Вчера в Москве был великий поход крыс на Садовом кольце. Слышала? Нет? Ну, как же, даже в «Вечерней Москве» была заметка.

Нынче Главный Зверь всё перевернул по-своему, и сам перевернулся через голову, страшает всех, и всем грозит: "Я вас всех переверчу, всех переверну! Я заставлю вас, меня слушаться, и все дела делать, по-моему. Я – царь ваш, я –бог ваш"! И все испугались его, стали перевертышами, шаткими, непостоянными, ненадежными людьми. Бегут к нему оборотни-вовкулаки, чтобы верной службой живот поправить, а он их кишки себе на руку накручивает, на их же кишках их и вешает. Вот она награда за свое непостоянство! А они как хотели? За все надо платить. За легкий хлеб тоже. Хочет лиса заведовать курятником? Пожалуйста! Только сначала должна она перевернуться через голову, отречься от леса и сородичей. Страшная перевертня в стране –волк становится пастухом, пес – тюремным надзирателем, свинья –огородником... Оборотни и шаткие люди погубят Вавилон, устанет народ от вечной перевертни, опустит руки...

-Матушка Федора, мне от ваших речей плохо становится. Так жутко, так страшно. Скажите, за что Бог так наказал Россию? – простонала сквозь слезы Зина.

-Будто сама не знаешь. За то, что наши люди отвергли Бога и впали в соблазн – отнять пищу у труженика и её сожрать; за то, что царя с невинными деточками его убили; за то, что моего супруга-священника на церковных воротах распяли и закололи его штыками и за многое другое, на что не каждый народ способен! Вот за что!

-Вашего мужа распяли? –охнула Зина бледнея.

-Да, распяли. У меня на глазах, - почему-то смиренным, почти равнодушным голосом подтвердила матушка Федора, и перекрестилась.

-И вы, матушка Федора, даже не думаете отомстить врагам за своего замученного мужа?

-Мстят только глупые люди. Господь наш, Иисус Христос даже жалел своего ученика-доносчика Иуду Искариота...

-Ой, не могу! Не могу представить такого! Жалеть убийцу, проститутку, доносчика, вора и мошенника! А кто же будет жалеть невинные жертвы?!

-Господь всех рассудит, Он всех простит, а кого надо и накажет, может сегодня, а может быть и завтра.

-Завтра? А может быть завтра для нас не будет? Зачем нам то, чего мы не увидим? – пронзила своим огненным взглядом Зина матушку Федору. – Может быть лучше, чтобы эти перевертыши мучились на глазах у нас, чтобы их мерзкие дела не были примером для молодых? Чтобы молодые знали: за смертные грехи следует смертная расплата...

-Успокойся, не меси напрасно воздух. Всем будет урок, и всем будет достойная расплата. Многие будут желать легкой смерти взамен легкой жизни. И не думай о других, а думай о своей душе. Иди и страдай. Думай и молись о себе. Вот и всё! Ступай! Принимай страданье! Видишь, опять воронье закружилось над поруганной

церковью, опять закружился над нами февральский снег, и нет нам покоя, нет нам утешения... Иди, раба Божия, и страдай...

И Зина пошла к своему серому, вдруг ставшему ей ненавистным чужому дому. Но страха не было, ибо всё стало ясно и понятно, отныне она знала, что будет сегодня, завтра и послезавтра... Хорошо, очень хорошо! Только неизвестно, кого благодарить.

Из двора, где располагалась старая типография издательства «Безбожник» вдруг выбежала ничем не привлекательная кошка, перевернулась через голову и, в одну секунду превратилась в молодую женщину, очень похожую на современную поэтессу Магнию Марто.

Женщина-кошка вышла оттуда явно счастливой. У неё в руках были обложки её книги, посвященной юным безбожникам. Неужели с этого начинается земная слава?! Ведь совсем недавно Зина видела её на встрече пролетарских художников и писателей, где был и Демьян Бедный, который всячески восхвалял эту поэтессу за её весьма смелые антирелигиозные детские стишки, а она была такой скромной и нежной. Было. Было. Всё было. А мне то от этого не легче? А? Кого мне уважать, тех, кто яростно отрицает и уничтожает невидимого Бога, или тех, кто верит в Бога земного? Бог Небесный не даст мне селедку и кусок черного хлеба, а вот наш вождь нас всех накормит. Кормилец наш, ненаглядный! Отними всё у всех и накорми нас! Мысль безумная и в то время трезвая!

А так и было! И Зина с этим сейчас вполне согласна. А что? Всё правильно!

А потом, что было потом? А было очень просто. Зину вывели на улицу и посадили в хлебный фургон. Внутри тускло горела лампочка, по бокам виднелись откидные сиденья. Привыкнув к темноте, Зина заметила, что она здесь не одна, в воронке сидели ещё две женщины. Всё ясно: она – не одна, и не последняя, ибо как позже выяснилось, были чуть позже арестованы и другие... Чекисты, как выяснилось, были очень здравомыслящими людьми: «веерные аресты» – самый лучший метод арестов врагов народа, – экономия времени и экономия бензина!

Ну да ладно! При чем здесь бензин!? Жертве все равно, на чем её везут на расстрел, на телеге, на автомобиле последней марки, или на погребальном катафалке.

И всё-таки есть что-то такое гипнотически парализующее, устрашающее, когда за вами закрываются тюремные ворота. Одно дело знать о тюрьме понаслышке, другое – читать о ней в дешевых романах, а другое дело, когда тебя туда везут, и там тебя оприходуют как самый дешевый материал. Но унижения физические были потом.

Один из чекистов, переговорив о чем-то наедине с дежурным, провел арестанток через проходную по какому-то глухому коридору, остановился перед большой стальной дверью с ржавыми заклепками, которая плотно входила в щербатый бетонный проем стены. В двери открылась стальная форточка, и чья-то рука забрала у чекиста сопроводительные документы. Громадная, кованая дверь, немножко подумав, медленно и со скрежетом открылась вовнутрь. За ней был длинный и темный коридор без окон, вдалеке тускнела лампочка, забранная под металлическую сетку. По обе стороны коридора – одинаковые двери. Сначала Зина думала, что это двери тюремных камер, но вскоре выяснилось, что это не тюрьма, а место дознания, тюрьма находилась где-то недалеко, за еще одной железной дверью, в конце коридора. Именно туда и повели трех её попутчиц по воронку. А Зину почему-то оставили здесь в коридоре.

-Конечно, после полуночи допрашивать нельзя, но для вас мы сделаем исключение, – сказал сопровождающий чекист.

И вот Зина сидит в следственном кабинете № 11. Три старых стула, обшарпанный, грязный стол, темное окно в решетке, лампочка над потолком в решетке, а на стене засиженный мухами портрет Ленина и трещины в штукатурке.

Тюремная убогость, нищета и бедность...

Следователь был мягок и добр. Он как бы сострадал Зине, он был опечален тем, что такая благородная, красивая женщина вдруг оказалась в такой довольно-таки нехорошей ситуации. Ну, бывает, бывает так, что кто-то чихнет, а после этого чиха кто-то умирает! Такова жизнь!

"Вежливый" следователь представился офицером госбезопасности Кузнецовым а заодно назвал и фамилию своего помощника – офицер Даганский. Второй следователь на Зину произвел угнетающее впечатление: его внешность полностью отображала его гнусную и агрессивную суть. Его взгляд был пронизывающим и бесстыдным, он как бы раздевал своим взглядом Зину и оценивал её как кобылицу на готовность случки с жаждущим жеребцом.

-Садитесь, арестованная, - мягко предложил Кузнецов взял пишущую ручку, обмакнул её в чернильнице и добавил: - Сейчас мы вместе с вами будем писать протокол допроса. Всё сейчас будет зависеть от вас. Если вы, Зинаида Петровна, будете отвечать на наши вопросы искренне и правдиво, то сразу же будете определены в уютную камеру, где можете жить надеждой на справедливый и мягкий приговор...

И тут Зине вспомнились пьяные рассказы Вани Бессонова о допросах наивных советских граждан в ЧК, о том, как их сначала пугают, а потом через страх покупают.

Зина посмотрела в серые, свинцовые глаза следователя. И сразу возник вопрос: к чему такая спешка? Зачем они так спешно идут на сделку? Зачем им нужно быстрое признание Зины? Им бы её подержать, как говорил Бессонов, пару недель в тесной, душной, общей камере, без вызовов на допрос, чтобы она с ума начала сходить от неизвестности, сырости и вонищи, чтобы она одурела от страха, что её изнасилуют уголовники и «бытовички», и выкрутят ей соски к чертовой матери!

Ясно, что это была сделка, девятнадцатый и запрещенный в царской России прием дознания. Сделка. Бог мой! Между кем и кем? Раньше сделка, как один из психологических приемов требовал от жандарма клясться словом офицера или Божьим именем! Ха! Ха! А сегодня?

Об этом Зине когда-то рассказывал Иван Христофорович, который не один раз имел дело со следственными органами Российской империи, их разными, разрешенными законом, приемами дознания, тогда было много приемов, но тогда никому не защемляли детородные органы армейским сапогом... Тогда «политических» жандармы уважали... А сегодня?

Здесь Зина вспомнила свою беседу с матушкой Федорой и перебила следователя вопросом:

-Извините, у вас, что в вашем аду имеются свои райские уголки?

-А как же нам быть без них? –ухмыльнулся офицер Даганский. –Без них нам никак нельзя, так же как и без камер пыток...

-У вас, у советских чекистов, имеются камеры пыток? –дрогнувшим голосом спросила Зина.

-Что вы, Зинаида Петровна, что вы! Мой коллега мрачно пошутил. Просто тех, кто нас обманывает, кто запирается в своих показаниях, тех мы определяем в общую камеру к уголовникам, а там, смею вас уверить, таким как вы живется довольно уютно...

-Там их насилуют в хвост и в гриву! –смачно добавил хам Даганский.

-Какая подлость! –гневно выдохнула Зина.

-А быть женой врага народа и всячески ему потворствовать во вредительстве – не подлость? – возразил Даганский и добавил: - Была бы моя воля, я бы вас всех отдал уголовникам, а после этого расстрелял бы как бешеных собак! Не пойму, почему Советская власть с вами так церемонится!

-Очень плохо, что вы, как офицер НКВД, до сих не поняли суть гуманных законов

Советской власти! –сухо заметила Зина.

-Ты посмотри, ты посмотри, как эта рыжая сука со мной говорит!? Вот оно змеиное гнездо! – обратился к следователю младший лейтенант Даганский.

-Я тебе не сука! А если и сука, как ты считаешь, то ты для меня - сучёнок, ты мне в сынки годишься, выродок! Ты - ублюдок ублюдка Генриха Ягоды! – не выдержав оскорблений, закричала Зина.

-Ты, смотри, эта рыжая змея решила задеть честь чекистов! Ты, жидовка вонючая, считаешь товарища Ягodu ублюдком?

-Да считаю! Сегодня товарищ Сталин его сделал министром связи, а завтра он будет министром грязи! Завтра он будет министром гальюнов! А послезавтра вы же его и шлёпнете как врага народа! Неужели, вам всем не ясно, что Ягода –мерзавец, и дни его сочтены! И вам бы, его служакам, надо бы и о себе немного подумать! Если и ваши биографии как следует копнуть, то и у вас тоже можно найти много грешков! Или вы все себя считаете пролетарскими ангелами? Такого не бывает, при вашем подходе к человеку! Чего? Не нравится? А? А мне нравится здесь быть только потому, что я вышла замуж за врага народа? Чего на меня вытаращились? А? А если бы я родилась в Австралии? А? Тогда бы я вас вообще не видела, будьте вы прокляты! Не буду вам давать никаких показаний, мерзавцы, мучайте, убивайте меня! Ублюдки, войны на вас нет, чтобы вас всех убили! Паразиты! Герои вшивые! Вам бы только с детьми и женщинами воевать, будьте вы прокляты!

-Ты, смотри, скоро она начнет поливать грязью и нашего великого чекиста товарища Ежова! Ох, ты змеюка рыжая, ну, тварь вонючая, мы тебя сейчас быстро оформим под расстрел! – истерично заорал Даганский, вскочил с места, взял в пятерню пышные волосы Зины и больно вздернул их кверху: - Я тебе сейчас матку выверну наизнанку, если ты не расскажешь нам о вредительских делах своего мужа! Я тебя сейчас быстро успокою!

-Отпусти меня, мразь! – вскричала Зина и правой рукой вцепилась Даганскому в ухо. –Тебя бы сейчас на фронт, в окопы! А ты, щенок здесь с женщинами воюешь, падаль гнилая!

-Товарищ Даганский, отпустите арестованную и выйдете из кабинета. Я думаю, что и без вас найду общий язык с Зинаидой Петровной! – прервал эту дикую сцену «добрый следователь» Кузнецов.

-Ну, сука, ты меня запомнишь на всю жизнь! Никто, кроме тебя, сволочь, не дергал меня за уши! – злобно прошипел Даганский и вышел.

-Успокойтесь, гражданка арестованная. У наших работников сейчас нервы на пределе. Время такое! – мягко заметил добрый следователь.

- У вас всегда время тяжелое! У вас всегда, ещё со времен Гражданской войны, всюду враги и везде враги: в Кремле, в ЦК партии, во всех наркоматах, колхозах и совхозах! Но так же жить нельзя! Вы все с ума сошли на врагах народа! Если у вас всех нервы на пределе, то лечиться надо, или идти работать в забой на шахту, там под землей нервы вмиг успокоятся! –резонно заметила Зина.

-Так, именно так, но в любом ведомстве есть свои авралы, а с ними и психическая перегрузка сотрудников! –миролюбиво произнес следователь и принялся составлять протокол допроса:

-Ваша фамилия, имя отчество?

-Айдинова Зинаида Петровна.

-Год рождения?

-Тысяча восемьсот девяносто шестой...

-Место рождения?

-Город Харьков.

-Когда и где вы познакомились с Айдиновым Иваном Христофоровичем?

-Женой Айдинова я являюсь с 1925 года, это юридически, а фактически стала

жить с ним в Москве с 1928 года, так как он с 1925 по 1928 год работал в Донбассе, где и проживал.

-Расскажите, что вам известно о прошлой политической деятельности Айдинова?

-Со слов моего мужа Айдинова И.Х. мне известно, что он с 1905 по 1917 год состоял членом РСДРП (меньшевиков). В 1917 от меньшевиков отошел и в 1921 году вступил в ВКП (б).

-Что вам известно об антисоветской деятельности Айдинова, за которую его арестовали?

-Об антисоветской деятельности Айдинова Ивана Христофоровича мне ничего не известно.

-Назовите сослуживцев вашего мужа, арестованных органами Советской власти.

-Из сослуживцев моего мужа по Анилтресту, арестованных органами Советской власти, мне известны следующие лица: Лифшиц – начальник планово-производственного отдела; Заграничный – заместитель начальника треста по техническому обеспечению; Клейман – заместитель Айдинова по общим вопросам Анилтреста. Клейман являлся не только сослуживцем моего мужа, но и знакомым, так как иногда приходил к нам на квартиру в гости.

-Какие личные взаимоотношения были у Айдинова с указанными вами выше арестованными сослуживцами вашего мужа?

-С Заграничным и Лифшицем у моего мужа личных взаимоотношений не было. С Клейманом более близкие взаимоотношения были, но они выражались в том, что он иногда приходил к нему на квартиру и беседовал с моим мужем об антиквариате.

-Работали ли вы когда-либо на секретной работе?

-До работы в системе Наркомата тяжелой промышленности я не была связана с секретной работой, но с момента перехода в НКТП сразу же была засекречена, ибо всё, связанное не только с моей работой, но и с деятельностью моего мужа, многое было засекреченным. Особенно то, что касалось поставок новейшего химического оборудования в СССР.

-В каких отношениях вы были с врагом народа Осиповым-Шмидтом?

-У меня с ним были только деловые отношения, ибо он для меня был основным консультантом по закупке в Германии самого новейшего химического оборудования.

-Почему именно вы, а не ваш муж занимались закупкой импортного оборудования?

-Потому, что мой муж Айдинов был очень занят, и я часть его работы взяла на себя, чтобы с помощью опытных специалистов, каким и был Осипов-Шмидт, ускорить комплектацию новых советских химзаводов.

-Однако следствие располагает объективными материалами, доказывающими вашу вредительскую деятельность в срыве своевременной комплектации химических заводов новой техникой и в замораживании средств...

-Это неправда. Поставки нового оборудования умышленно задерживала германская сторона...

-Чем вы это можете доказать?

-Служебной перепиской между двумя сторонами.

-Даже так? Интересно, очень интересно! –удивленно вскинул брови следователь и добавил: - Говорите, рассказывайте, Зинаида Петровна, это очень интересно, черт возьми! Но я думаю, что Ваши рассуждения не войдут в протокол допроса. Это просто, кроме нас с вами, никому не интересно!

-Черт тут абсолютно ни при чем, гражданин следователь. А что касается германской стороны, то ей изначально невыгодно было обеспечивать СССР новой техникой и новыми химическими технологиями, ибо немцы уже сейчас до начала новой мировой войны уверены, что наши инженеры не смогут в самые краткие сроки, в полном объеме овладеть новыми изобретениями...

-Вы хотите сказать, что скоро начнется мировая война, и началом её будет конфликт между дружественной нам Германией и СССР?

-Да, не я это говорю! Поймите меня! Факты - об этом говорят! Немцы в последнее время перестали уважать правительство СССР. Требуют от нас сырье и хлеб, а технику умышленно задерживают! Знают, что за полгода, или год наши инженеры не смогут ею нормально овладеть... Ну, это же так ясно, гражданин следовательно!

-Что ясно? Немцы скоро нам объявят войну?

-Несомненно! А иначе, зачем им всячески осложняют нам вопросы индустриализации и развития химической промышленности?

-Это очень интересно, однако вернемся к протоколу допроса, и к вашим взаимоотношениям с гражданином Осиповым – Шмидтом. Вы действительно являлись его доверенным лицом?

-Я? Доверенным лицом? В чем? В наследстве?

- Во вредительской деятельности.

-Чушь! Я у него брала консультации по закупке нового химического оборудования, а не он у меня.

-Не валяйте дурака, Зинаида Петровна!

-И из меня тоже не надо делать дуру, гражданин следовательно! Я арестована как жена врага народа. Если мой муж признал себя таковым, то и я вынуждена признать себя его женой. Вот и судите меня, как жену врага народа! И определяйте мне меру наказания за это! Ну, неужели за то, что я когда-то вышла замуж за определенного, любимого мужчину, вы должны меня уничтожить? Что вы тогда за люди? Да, вы пришли к власти, но это ещё не значит, что вы нормальные, хорошие люди! Я, по-вашему, жена врага народа? Но я то лично ни на кого не покушалась, никакими диверсиями не занималась, и в мыслях у меня такого не было. И поверьте, если бы я была активным членом антисоветской организации, то я бы давным-давно могла бы произвести несколько акций, направленных против руководящего состава нашего правительства, ибо была там, на общих встречах.

-Резонно. Однако ваши отношения с Осиповым-Шмидтом у нас вызывают определенный интерес...

-Ничего не было, гражданин следовательно! Это клевета!

-Мне жаль вас, Зинаида Петровна! Я думал, что вы женщина искренняя и правдивая... А вы, как оказалось, не желаете оказать помощь следствию. Нехорошо, очень плохо!

-Я не могу говорить того, чего не было! Я –беспартийная, но я – советская женщина, и не хочу быть врагом родной Советской власти. Я никогда не была доверенным лицом Осипова-Шмидта!

-Вы еще раз подтверждаете это?

-Да! Но при этом не отрицаю своих служебных взаимоотношений с ним. А как же иначе? Работать на ответственной работе в одном учреждении и не общаться ни с одним из ответственных работников? Это равносильно тому, гражданин следовательно, если бы вы не общались со своими коллегами и высшим руководством, среди которого тоже могут оказаться враги народа. Нет, и не было в нашей стране учебного заведения по подготовке прозорливцев, которые могли бы по одному внешнему виду вычислить врага народа. Если эту роль на себя взяло НКВД, то почему тогда и эта система не застрахована от своих внутренних врагов?

-Мы отвлеклись, Зинаида Петровна. Я думаю, что контрольные органы НКВД разберутся в деятельности бывшего наркома. А что касается лично вас, Зинаида Петровна, то тут дело обстоит довольно серьезно: вы обвиняетесь не как жена врага народа, а как враг народа по статье 58-й, - строго заявил следовательно Кузнецов.

-Даже так? За какие же грехи? –вздрыгнула Зина.

-Статья 58 имеет несколько пунктов. Комбинация обвинений по ним позволяет

органам правосудия вынести вам любой приговор от ссылки до расстрела, Зинаида Петровна. Поэтому оставьте при себе свою иронию и запомните не самый опасный для себя «букет» из следующих пунктов: ст.58-1а – покушение на измену Родине, совершенную не военнослужащим; ст.58-10 –антисоветская пропаганда и агитация; ст.58-11 – организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений...

-Ни один пункт этой статьи ко мне не подходит, ибо ничего подобного я не совершала, судите меня как жену врага народа. Если партия и правительство считают нужным меня изолировать от общества, я согласна на ссылку, - твердо произнесла Зина.

-Вы так считаете? –то ли ехидно, то ли удрученно заметил Кузнецов. И тут в кабинет вошел этот мерзавец Даганский. Зина вздрогнула и сжалась в комок.

-Что? Эта жидовка ещё и торгуется? – глумливо спросил Даганский своего коллегу, развязно и расслабленно плюхнулся на стул и, не поворачиваясь к Зине, сказал: - А пятнадцать лет лагерей и плюс пять лет ограничения в правах она не хочет? Она не хочет выйти на свободу беззубой, лысой ведьмой? А? А на блядоход в общую мужицкую камеру она не хочет? А к стенке она не хочет, чтоб с пулей в затылок? А? Это мы вмиг обеспечим! Мы тут разных княгинь видали, все они по одному калибру...

-Зинаида Петровна, к сожалению, всячески отрицает свою принадлежность к банде вредителей и диверсантов, окопавшихся в системе Наркомата тяжелой промышленности! – удрученно произнес следователь Кузнецов.

-А чего с ней нянчиться? Нужно ей предъявить документ и она во всем сознается! Как всё просто – не надо выкручивать руки и загонять иголки под ногти! –хохотнул мерзко Даганский, взял папку, достал из неё несколько листков бумаги и протянул их в сторону Зины: - Читай, вражина, читай, эти чистосердечные показания бешеной собаки и сволочи Осипова-Шмидта о том, что ты, сука, была его доверенным лицом, что за деньги и мелкие подачки выполняла задания троцкистско-зиновьевской группы по ослаблению военно-промышленной мощи Советского государства...

Зина взяла в руки документ и узнала почерк одного из заместителей своего мужа о тресту «Синтетический каучук». Бегло пробежала текст, сморщилась, сердце сжалось и в левой лопатке что-то заклинило.

-Это – неправда! Он на меня клеветает вынужденно. Вы его пытали и через пытки вынудили клеветать на меня! Господи, ну зачем вам это надо? –тихо прошептала Зина, потом добавила: - Для выполнения плана по поимке врагов?

-Какие пытки, Зинаида Петровна? Какой план? Что вы говорите? Человек искренне признался – и всё тут! Мы же вас, уважаемая гражданка, не пытали! Разве не так? –удивился следователь Кузнецов, а следователь Даганский добавил зловеще:

-Если бы мы пытали, нам намного легче было бы здесь работать...

-У вас еще есть подобного вида показания? - спросила Зина.

-Целое море! Обо всей вашей гнусной жизни, мадам! Целый роман! –хохотнул мерзко Даганский. – На основе этих донесений, вас даже мало расстрелять, а нужно разделать как овцу на шашлыки и зажарить!

-Что вам от меня сейчас нужно? Что я должна подписать? Оставьте ли вы в живых моих детей?

-Ну, зачем так трагично, Зинаида Петровна! Подпишите в протоколе абзац, где говорится о том, что вы являлись доверенным лицом этого мерзавца Шмидта и, надеюсь, что вам сохранят жизнь, и вы после нескольких лет исправительных работ вернетесь к нормальной жизни, увидите своих детей и даже внуков! – заверил Зину оптимистично, и даже весело, следователь Кузнецов.

-Ладно, ваша взяла! Видит Бог, эту чепуху я подписываю ради своих детей! –

обреченным голосом сказала Зина.

-А вот бог тут абсолютно ни при чем! – отпарировал следователь Кузнецов, вспомнив своего «черта».

А когда Зина подписала последний лист протокола, смягчился и следователь Даганский, который сквозь зубы пробормотал:

-Вот видишь, мы тоже –люди! Если с нами по-хорошему, и мы –тогда хорошие! А за ухо ты меня напрасно тогда дернула! Тебе это когда-то зачтется не в твою пользу. Вот увидишь...

-Да? Ты, что – пророк? А может быть, и тебе зачтется в большой минус, как ты меня, беззащитную женщину, драл за волосы? Вот начнется война, тогда увидим, кто герой...

-Вот баба! Ты смотри, какая неуёмная баба! Иди! Иди! Мотай свой срок. И скажи нам спасибо, что мы оставили тебя в живых! А то могли бы и подвести тебя под расстрел! – почти миролюбиво, с нотками некоего уважения к арестованной произнес Даганский.

И здесь Зина, наконец, очнулась от этого странного и нереального допроса, и здесь она вдруг поняла на какую горькую юдоль обрекли её эти здоровые молодые мужики, и произнесла, как сквозь сон:

-Чтобы вам и вашим детям и внукам жить такой жизнью...

Но следователи уже не слышали её последней фразы, они завершили ещё одно уголовное дело, они устали и жаждали отдыха. Еще одно дело было доведено быстро и без особых усилий до конца. Тяжела и опасна работа чекиста! В любой момент тебя может подсидеть твой коллега, уличить тебя в «мякотелости, в партийной близорукости, а хуже всего – в буржуазном милосердии к врагам» и донести на твою «слабую» работу куда следует, и всё... Конец! Нигде не найти такому бедолаге легкой и сытной должности. Надо или умирать, или идти на завод, а это для чекиста хуже смерти. В самом деле, назовите имя разжалованного чекиста, который бы после такой славной службы, взял и стал бы за заводской станок?

А что было потом? Потом конвоир проводил Зину по длинному переходу в женское отделение Бутырской тюрьмы и передал её как вещь женщине-контролеру.

Здесь, в отдельном отсеке, Зине приказали раздеться, раздвинуть ягодицы, открыть рот.

Во время личного досмотра были изъяты чемодан, подушка, корсет с подвязками, мыльница с душистым мылом, футляр с зубной щеткой, коробка с зубным порошком, пояс от платья, девять штук желтых (золотых) шпилек, бусы и дамская сумочка, губная помада, несколько ватных жгутиков-тампонов. А вместе с ними были оприходованы и документы: медицинскую карточку №3132, профсоюзный билет, паспорт МО №2, 297978. Отдельной квитанцией за №14672, согласно ордеру на арест №1022, было изъято у Зины 250 рублей 14 копеек. Ах, какая промашка вышла с этими треклятыми деньгами И когда тюремная валькирия выписала квитанцию № 10614 на изъятые вещи, Зина спросила:

-Зачем изымаете средства гигиены? Вы что здесь совсем очумели?

-Со свободы ничего брать в камеру не положено! –отрубила басом надзирательница и грубо толкнула Зину в спину. - Проходи вперед, сейчас тебя обстригут, где надо!

-Это ещё зачем?

-Затем! Чтобы не было лобковых вшей, дура!

Потом была общая камера. Обычная камера-отстойник, где ютилось свыше сорока женщин. Но там не было этих страшных уголовников и уголовниц, которыми так пугали Зину на допросе следователи Кузнецов и Даганский. Там Зина встретила и своих попутчиц в ночном воронке. И вообще там были свои люди, такие же жены врагов народа, как и сама Зина. Там, в общей камере, был другой мир, мир общей

беды, и в нем Зине не было так страшно одиноко, как было до ареста...

Там Зину поразила свобода общения, «свобода слова», и было взаимопонимание, сопричастность к общей беде, исповеди друг перед дружкой. И хоть в камере было тесно, но и для Зины нашлось местечко, где можно было, простелив зимнее пальто, улечься на полу, подложив по щеку, вместо изъятой домашней подушки, теплую ладонь и немного придти в себя.

Кажется с момента ареста, обыска и допроса прошли считанные часы, а Зина безумно устала. Нет, ей не хотелось спать, она лежала на полу, закрыв глаза, и слушала гомон своих новоявленных подруг по несчастью. Было ясно, что многие из них находятся в этой камере не одни сутки, и что Зина здесь самая, что ни на есть «новенькая», а новенькую ни в коем случае не надо тормозить излишними разговорами, новенькой нужно дать отдохнуть, «оклематься» от всего мерзкого и страшного...

Конечно, лежать на кафельном полу, даже если под тобой добротное зимнее пальто, жестко, это далеко не домашнее ложе, но всё-таки это определенный покой в новой и необычно страшной жизни. Какой бы ни была где угодно страшной жизнь, но человек в ней ищет, прежде всего, минуты покоя. Без них нельзя долго жить на этой жестокой Земле, где постоянный стресс, где ежесекундно живое сжирает живое. Зина лежала на полу общей камеры и слушала отрывки разговоров своих сокамерниц...

-Бабы, дорогие мои, за что погибли наши мужики?

-За ласку начальства, за кусок хорошей колбасы и за орден-цацку...

-Как это так, за орден-цацку? Ты считаешь орден Ленина цацкой?

-А от чего же мне этот орден не считать цацкой, если моего мужа его лишили после ареста?

-Ох, причем тут ордена, когда моего муженька арестовали за то, что он усомнился в трудовых подвигах Стаханова! В чем его вина, вина моего мужа? Да в том, что он потребовал для установления шахтерского рекорда, таких же условий, какие были у этого мошенника Стаханова! Настало время мошенников. Побивают трудовые рекорды тысячи, а только один, самый наглый, получает цацку, кто по скромней – похвальный лист или почетную грамоту, а самый честный – гроб тесный!

-А кто воевал за советскую Родину-мату, тот попал в расстрельную яму...

-Говорят, врагов народа сначала стреляют, а потом в котельных сжигают, чтобы сэкономить на угле...

-Это врагов сжигают. А красноармейцев-героев в общих ямах закапывали как скот, называли это «братскими могилами». А рядовых красноармейцев вообще не хоронили, оставляли их под небом гнить, чтобы вдовам жалкую пенсию не платить...

-А мой муж погиб за дело – он погиб за Родину, за Россию в борьбе против этой партии.

-А для меня, подружки, эти наши идеи о земном рае – сплошная блевотина! Жить – так на воле, умирать так дома! Что наша жизнь сейчас? Ужас! Нам всякий начальник указывает, как нам думать и как действовать.

-А где, как вы думаете, сейчас находится Ваш муж?

-Там, где всегда пьют водку, закусывают винегретом и побивают трудовые мировые рекорды. На вольной каторге. А Ваш где?

-А мой там, где с чистой совестью валят лес и на голодный желудок перевыполняют годовой план...

-А Ваш?

-А мой погиб по заданию партии...

-И за его гибель партия отблагодарила Вас тюрьмой?

-Да. Чекисты думают, что я была посвящена в секретную работу своего мужа...

-Правильно, они думают, они подозревают, а нам гнить ни за что... В какой

стране мы живем? Мы когда-нибудь об этом задумывались? Нет.

-Мы живем в СССР.

-Да? Спасибо за информацию. А что такое – СССР? Российская империя? Россия? СССР – это абракадабра! И у неё нет будущего. Может быть только Россия. Если нет России, то это – только северная, неуютная, суровая земля. И больше – ничего. Это – Гренландия, это – Северный и Южный полюс, где нормальная жизнь только для белых медведей, моржей и пингвинов!

-Ах, что Вы говорите, это так ужасно и безнадежно...

-Весь этот мир страшен, ужасен и безнадежен! Тюрьма и лагерь Вам эту истину с лихвой подтвердят. Вот увидите!

-Спасибо на добром слове...

-Не стоит. Это я так сказала от чувств. Может я и ошибаюсь, но скажу Вам, что у нашего народа нет светлого будущего. А знаете почему? А потому, что он продал своё настоящее и будущее за так называемую даровую, чечевичную ежедневную похлебку. У него, дурочка, изъяли силой все запасы чечевицы, половину едоков истребили, а после этого оставшимся в живых стали выдавать за доблестный труд и предательство чечевичную похлебку. А эти, оставшиеся в живых дурачки, этому и рады, и готовы идти на всё ради лишней миски похлебки. И эти дурачки никак не поймут, что это они кормят этих бандитов, а не бандиты и жулики от политики его. Да. Власть всегда была бандитской, а наша власть – беспредельно изуверская и беспощадная к своему народу...

-Да, ладно, будет Вам. Мне кажется, что Вы перегибаете палку...

-Может быть. Но время покажет. И лагерь образумит. Лагерь не любит романтиков...

-Вот и пришло время расплаты. Забыли мы в суете сует Бога, его заповеди и любовь к ближнему, - прошелестел чей-то расслабленный, скорбный голос.

-Ах, вот вы, мочалки, когда бога вспомнили, когда в кондее очутились, а когда на свободе гуляли, на авто раскатывали, жрали, что хотели и по театрам бегали, тогда вам бог был не нужен! О любви они, видишь ли, заговорили, да ещё о любви к ближнему своему. Где? Там, или здесь, в тюрьме? Невинных ангелиц сейчас из себя корчите, как будто не знаете, что все люди от природы ненавидят друг друга, как только дело дойдет до голода, самца или самки! - раздался вдруг злобный, злорадный, хриплый прокуренный голос. – Ничего, окажетесь за колючкой, не того бога искать будете! Не захотели ваши мужья иметь своего бога – товарища Сталина, что ж, – теперь вашим богом станет – начальник лагеря, а архангелами – его вертухай! Вы сейчас товарища Сталина испугались, вы теперь другого бога хотите – добренького и милосердного? Ха! Ха! Ха! И чего вашим мужикам не хватало? Жили сытно, в почете и уважении, жили не хуже царских господ, так нет же – им всё мало! Мало власти, мало денег! А мы, бедные люди, всё время голодаем, уже двадцать лет мучаемся из-за вас, предателей и паразитов. Я то и воровкой стала, чтобы прокормить своих четверых детей! Из-за вас, кошелки поганые, и ваших мужей-предателей, я стала вдовой в тридцать лет! Да, да! Из-за вас, которые здесь вдруг заговорили о боге и о любви, погиб мой мужик, который за кусок сала и полбулки хлеба полез на купол снимать крест! Сорвался мой Трофим с купола и разбился насмерть, а нам за это даже спасибо не сказали. А мне детей надо было кормить. Где взять деньги? На фабрике? Но там же ваши мужья платят гроши, на них можно жить только одиночке...

-Молчи, собака страшная! Молчи, уголовница! Никаких детей у тебя нету, знаю я вас не по первой ходке, как вы умеете чужую судьбу одеть на себя! Молчи сука! А если у тебя и есть дети, лучше бы они от тебя и не рождались! Что проку от них? Вырастут уголовниками и паразитами общества!

-Ах ты, лярва, антисоветская! – взревела прокуренная глотка уголовницы. –

Значит, от меня рождаются только одни уголовники, а от тебя только хорошие советские вожди? Дстойная смена? Да? А ты знаешь, что от таких, как ты двурушниц, рождаются новые, юные предатели, перевёртыши, гадёныши? Товарищ Сталин – не дурак, он знает, что от предателя рождается только новый Иуда. Вот он вас всех, жидовню, и решил вырубить под корень. Ишь ты, какая умная нашлась! На! Бери! Выкуси, сука, и подавись!

-Заткнись! На зоне будешь свои права качать, если тебе позволят! А сейчас не гоношуй, и не трепи нам нервы, поганка! Тоже мне нашлась многодетная мать-героиня! Многие из нас, да будет тебе известно, кроме своих детей имеют ещё и приёмных, из детдомов и даже испанский детей! – возразил сурово уголовнице чей-то хорошо поставленный женский голос.

-Ах, ах! Я вся так и расплылась от умиления! «Благодетельницы» вы наши, мать вашу так! Из нескольких миллионов беспризорных вы приютили около сотни детишек, и рады! И гордитесь этим! Организовали три детских колонии под мундиром НКВД и объявили на весь мир о любви к детям! Ха, ха! Чекисты стали вдруг отцами детей белогвардейских офицеров! Свинья стала воспитательницей детей нежной газели! А уж когда вы испанских детей усыновили, то уж совсем кранты, полный упад! С ума сойти можно! В рай вас за это надо определить! Ах вы, твари двуликие! Да все ваши ублюдки, сыночки и доченьки, выжили за счет голодной смерти тысяч детей! Разве не так? А? Сердобольные какие! Вот сейчас и ваших деточек определят, куда следует – в детскую колонию! Вот мы и посмотрим, какими они оттуда выйдут! Вот и посмотрим лет, этак, через шесть...

- Женщины! Товарищи! Да это же провокаторша! Она умышленно вызывает нас на антисоветскую пропаганду! Бей её!

-Нет! Женщины, успокойтесь! Давайте не будем поддаваться на провокацию, а просто на данное время объявим этой особе бойкот до того часа, когда нас разведут по камерам! – объявил тот же самый властный женский голос, которому почему-то хотелось подчиняться и с которым буквально во всём хотелось соглашаться...

Ах, слабы мы, слабы, и с этим ничего не поделаешь. Зину тогда поразила необыкновенная раскованность суждений своих сокамерниц. Здесь, в мире заточения, свободно высказывалось то, за что в мире свободы грозило заточением. Парадокс и только! Зина тогда ещё не знала, что общая камера большой центральной тюрьмы – это как бы нейтральная полоса между двумя мирами, где все возможно – да и нет – здесь временно разрешена самая рабская лояльность, и рядом с ней самая откровенная антисоветчина. В общей камере-«отстойнике» громадной тюрьмы, как правило, не может быть доносчиков и тем более всяких «подсадных уток». Эти доносчики-информаторы, этот особый разряд двуногих особей зарабатывает хлеб свой насущный только в отдельных камерах, где содержатся сильные духом узники, которые даже под пытками не желают взять на себя всякую напраслину. Именно там и нужны «чистосердечные» признания, которые потом, на основании отчетов «подсадных уток» могут быть истолкованы следователями как угодно. Но эти все мелочи тогда не волновали Зину, тогда ей безумно хотелось, чтобы возникший конфликт в общей женской камере как можно быстрее закончился. И в самом деле, а зачем возбуждать волны в лягушачьем болоте? Зеленая, плотная ряска несвободы подернула его некогда голубую зеркальную поверхность, и отныне даже самая высокая волна мщения не достигнет его берегов...

А женщины в камере продолжали шуметь. У них сейчас в общей камере возникала другая «общественная, коллективная» жизнь. И в этой другой жизни должны были каким-то чудесным образом найти общий язык мораль несвободы с моралью свободы. Но ни одна из женщин, и Зина в том числе, не могла в тот момент четко представить себе мораль так называемого свободного общества. И это было

ужасно. Ужасно потому, что не было между этими двумя мирами особой грани, один мир с его моралью плавно переходил в другой. Менялись только начальники, а жертвы, как были раньше жертвами, так и оставались ими, только начальники в новом мире, чем были мельче, тем становились сильнее и жестокосердными. Вот он закон социальной жизни – наступает время, и тогда самый маленький начальник для тебя, раба, становится выше царя! Не от царя зависит твоя судьба, а от самого, что ни называется мелкого учетчика твоего самого добросовестного труда, зависит твоя жизнь и смерть. И вот тогда, каким себя ни объяви: творением Божьим, великим художником или ученым – всё бесполезно. Всегда твою судьбу определяет маленький начальник или случай в лице какого-нибудь другого большого начальника или просто удачливого человека – мецената, владельца шальных денег, ничтожного нувориша, который стремится обессмертить свое ничтожное имя с именем великого и страдающего человека. Удивительно, но оказывается, что страдания великого человека можно с помощью денег разделить пополам, купив его страдания, и тем самым обрести с ним прощение, а вместе с ним и память потомков. И что тут важнее – туго набитая кошелек, или дарованная свыше гениальность? Ну, так же нельзя! А почему нельзя? Кто сказал? И где об этом написано? А может, и сама жизнь – есть проклятие для всех, праведных и неправедных, и может в ней неправедным больше удовольствия от благ земных, чем праведным? Неизвестно, будут ли когда счастливы праведные. Но то, что праведные в этой жизни страдают – это факт! Жаль, что по этому вопросу Зина не смогла поговорить с матушкой Федорой. Жаль...

А в общей камере продолжался женский гомон, брошенные в общую клетку мыши продолжали выяснять между собой, кто из них прав или виновен, кто лучше, а кто хуже...

И здесь Зина почему-то вспомнила молитву Божией Матери – Споручнице грешных и про себя прочитала её, а потом добавила к этой молитве несколько слов от себя, мол-де спаси меня здесь, в узилище, и дай мне краткий покой...

И что же произошло? Произошло чудо, Зина мгновенно уснула среди этого шума и бедлама, прямо на кафельном тюремном полу.

И сразу же стал сниться сон. Стал сниться сон яркий, жаркий и четкий. И Зина в нем была только в одной тунике на голое тело, а тело её во сне летело над домами и избами, над дворцами и древними руинами. Было легко лететь над влажными лугами, но очень трудно над сухими дорогами, по которым брели куда-то унылые люди. Кто они, бредущие вниз, Зина не знала, а только догадывалась: видимо, паломники. А может и не паломники, а так просто, голодные бродяги с голодной Украины, потому что само слово «паломники» было давно исключено из советского языка, а русский язык, с его устаревшими словами, был загнан в угол как зверь опасный и непредсказуемый. Нет, то, что это был сон, Зина понимала, а поэтому ничего не боялась. Одно дело бояться чего-то во сне, а другое – в жизни!

И многое во сне Зины было непонятным. Во-первых, странным был пейзаж, который простирался над нею. Пока она летела в сторону Николиной горы, всё было ясно и понятно – обычный среднерусский пейзаж! Но как только она спустилась на песчаный берег громадного озера, то сразу стало сухо, жарко. На душе стало невыносимо тоскливо, берег был безлюден, и не было поблизости ни одного нормального тенистого дерева, под которым можно было бы укрыться от зноя. На первый взгляд это была река Ока во время разлива, но на самом деле это был другой берег, другая вода и чужие берега, а там, на другом берегу синели низкие, голубовато-серые горы и холмы... Таких высоких гор в Подмоскowie нет.

Зина пошла босиком вдоль песчаного берега на юг, легкий ветерок подгонял её в спину, слегка поднимал одежды и шептал что-то нежное на ухо, теребил ласково волосы. Идти было легко, а когда на берегу встречались валуны, Зина, легко

оттолкнувшись от мокрого песка, взлетала вверх на несколько метров и перелетала каменные преграды. Путь её лежал к Мертвому морю, к селению Фара. Это было где-то рядом, недалеко от усадьбы художника Поленова, в каких-то жалких сотнях стадий от древнего города Иерихона.

Было жарко, было время жатвы, был четырнадцатый день месяца Ияра, праздник первых плодов – мацот и была Пасха для тех, кто не смог совершить первую. В этот день всякий человек должен приносить первородный дар, первые плоды Богу в знак благодарственной жертвы во имя жатвы и во имя жизни.

Идти берегом моря Зина всегда любила, а здесь такая прогулка была для неё вершиной блаженства, главное, что берег этого большого водоема был совершенно безлюдным. И только пройдя прибрежный город, она, наконец, в тени нескольких могучих маслин встретила одинокого рыбака. Это был мужчина лет 30-40 не более, похожий на нищего-бродягу. В руках он держал тростниковое удилище, рядом на песке валялись две связки ключей, истрепанная старая книга, точнее, толстая тетрадь из сшитых суровой нитью нескольких десятков листов кожи, а на самодельной книге сидел петух. Увидев Зину, вздорная птица встрепенулась, петух взмахнул несколько раз бешено крыльями и громко выругал идущую к хозяину женщину на своем курином языке.

Ругань петуха отвлекла внимание рыбака от неподвижно застывшего поплавка. Он повернул голову и посмотрел на Зину небесно-голубым взором, а Зина, встретив глазами этот необычный взор, низко склонилась перед ним до земли, и ласково произнесла:

-Мир тебе и здравие, добрый рыбак!

-Да благословит тебя Господь, сестра! Далеко ли путь держишь, златовласая?

-Я иду в долину Кедрона, к подножию горы Офель, к источнику живой воды Гион, где в скалах строится тоннель к пруду Силоама, что у стен нижней части города Иевуса...

-Это очень далеко, больше семи тысяч вавилонских стадий будет. Тебе, сестра, надобно немного отдохнуть в тени маслин и сикимор, утолить голод, набраться сил. Долог путь до маленького дома, долог твой путь до встречи со своим вторым мужем Иоанном! – вздохнул глубоко рыбак, вскинул удилище и в воздухе затрепетала серебром пойманная рыба. Ловец ловко освободил рыбу от крючка и бросил её на прибрежный песок к ногам петуха. Но тот не обратил никакого внимания на последнюю агонию живой, безмолвной твари, он продолжал злобно искать в прибрежном песке свою самую драгоценную жемчужину.

-Господи, вижу я, что ты не рыбак, а Пророк! Как ты узнал, что я хочу найти своего Ивана, и то, что он мне второй муж?! – удивленно воскликнула Зина.

-Я – не пророк, я Симон, сын Ионы, родом из Вифсаиды, а дом мой здесь поблизости в Капернауме. А с тех пор, как я стал ловцом человеков, мне дано новое имя –Петр. Но рыбу ловить люблю! – пояснил охотно рыбак и добавил ласково. - Не будем, сестра, говорить о пустом, давай-ка, радость моя, принимайся за трапезу!

На Зину краткая автобиография рыбака не произвела никакого впечатления: обычная биография, имя, место рождения и ни одной даты, названия чужих, неизвестных городов и населенных пунктов. Такие биографии только у бродяг, деклассированных элементов...

-Где твоя трапеза Симон Петр? Вот эта еще живая рыбешка? И всё?! – рассмеялась Зина. –Так её хватит, может быть, только для вкусного обеда кошки!

-Ах, вот как! –воскликнул рыбак и ловец людей, поднял вверх правую руку и сухо щелкнул три раза пальцами. И в тот же миг у ног Зины оказалась плетеная корзина с запеченными на углях громадными рыбинами и пресными лепешками. Зина ахнула, всплеснула восторженно руками и принялась жадно есть. Такой вкусной пищи она не едала за всю свою жизнь! И чудо было в том, что и рыба и пресный

хлеб были свежими, только что с пылу-жару, от них веяло костром и дымом горящих угольев дрова. Зина, поглощая эту чудо-пищу предков, украдкой оглядывалась по сторонам, чтобы увидеть где-то поблизости тонкую дымную струйку открытого очага, большой «общественной кухни», но вокруг ничего не было и в помине. А рыбак Петр стал ловить рыбу одну за другой без всякой наживки. Не успела Зина одолеть одну жареную рыбу, а вокруг неё уже трепетала и переливалась серебром целая гряда пойманной рыбы...

-Слушай, брат Симон Петр, а зачем тебе так много рыбы? У тебя, что очень большая семья? – полюбопытствовала Зина.

-У меня очень большое стадо, сестра! Очень большое. И его надо насытить, ибо известно, что голодные овцы разбредаются по долам и становятся легкой добычей хищников. Сегодня мне трудно на море Галилейском, нет со мной брата моего Андрея, недавно он ушел проповедовать в студёную страну Скифию, и нет сегодня здесь Ходящего по водам. Были бы они здесь, то в сетях их было бы столько рыбы, что ею бы насытились два таких города как Тивериада...

-Как город Серпухов, у подножия которого мы сидим? – спросила Зина.

-Серпухов? Какой такой Серпухов? Город серпов для жатвы? – не понял Зину рыбак Петр, а потом вдруг спохватился, хлопнул себя по лбу и сурово добавил: - Вчера был этот твой Серпухов, а сегодня нет его, он стал городом императора Тиверия, то есть Тивериадой. Ты что, сестра, закона Времен и Чисел не знаешь?

-Откуда мне знать мудрость языческих жрецов, когда я сама даже не язычница, не истинно верующая еврейка, а так, ни пойми что, пирог ни с чем! Атеистка я! И то, что я сейчас вижу перед собой – это для меня сон и не более того...

-Сон? Неужели? – усмехнулся Симон Петр. – Тогда объясни мне, чем отличается этот миг общения со мной от того, который был до него? Разве раньше ты не пила и не ела, не страдала и не мучилась догадками? Разве до этого ты не видела, как удят рыбу, и не сидела у водной глади? А может, это раньше был сон, а сейчас настала суровая явь, и то, что раньше было пережито тобой во сне, не выдерживает здесь никакого суда? Ты не веришь, что одной маленькой рыбешкой можно накормить десять таких взрослых женщин как ты? Однако ты ешь уже третью рыбу, и не думаешь о том, что перед тобой только что была всего одна. Мой мир самый настоящий, как золотой самородок и бессмертный, а твой мир тварный, тленный и падший! И, рожденные тобой, всегда будут падшими, если не проснутся их души...

-Верю, верю, брат Пётр, но если одной рыбкой можно накормить тысячу человек, тогда зачем ты продолжаешь ловить рыбу? Разве того, что ты наловил мало для тебя и твоих гостей?

-Несчастливая, любое чудо требует труда. Почему не потрудиться ради жителей этого города, лежащего над нами?

-Разве жители этого города не умеют ловить рыбу? Они лишены рук и головы?

-Нет, они хорошие, нормальные люди, но им нужно чудо. Без веры в чудо они жить не могут. Они хорошие, но глубоко несчастные люди: им Сатана давным-давно внушил, что не они, труженики, кормят своих угнетателей-господ, а господа-бездельники кормят тружеников. С тех пор труженики-рыбаки стали верить в то, что, выловленная ими рыба - не их добыча, а добыча тех, кто её не ловит. И они, несчастные, с этим правилом смирились, и отсюда их беды. И это ли не безумие того мира, в котором ты живешь, сестра моя!

-Но если ты, брат Симон Петр, это понимаешь, то зачем ты продолжаешь совершать чудеса для этого безумного племени?

-Это – не племя, это большое неразумное стадо, которое время от времени разбредается по разным пастбищам, и чтобы собрать его воедино, увы, нужны чудеса, чтобы сухие скалы исторгали в пустыне животворные водопады, чтобы Vero Ikon - платок Вероники, на котором отобразился истинный образ Ходящего по водам,

обязательно заплакал кровавыми слезами. Не потекут обильные слёзы по льняному холсту, или кедровой доске-иконе – и никто не поверит в Богочеловека! И так всегда! И так всё время! И это мне очень обидно! Чтобы собрать всех овец воедино, нужно чудо. А чтобы найти заблудшую овцу, тоже нужно чудо. Ты скажешь мне сейчас, сестра моя, а за чем искать одну овцу, когда надо заботиться о стаде, в котором десять тысяч овец? А я отвечу тебе словами Господа, который когда-то сказал: "Добрый пастырь оставит своё стадо и пойдет спасать одну, попавшую в беду овцу!" Разве это не справедливо? Или ты имеешь против этого своё слово?

-Брат Симон Петр, неужели интересы одной овцы выше интересов всего стада?

-Если интересы одной овцы из большого стада – ничто, то тогда и жизнь всего стада – ничто, и незачем тогда ему топтать тучные, зеленые луга. Тогда и тебе, сестра моя, незачем топтать свои ноги в этом мире, в который ты изначально не веришь. Возвращайся лучше назад, и служи дальше большому стаду, которое разбрелось, которое скоро будет обильной пищей свирепых хищников...

-Не хочу, брат Симон Петр. Хочу идти своей дорогой к источнику целебной воды.

-Несчастливая сестра, зачем тебе целебная вода? Она для живых в грешном мире. А здесь есть только вода живая для мертвых, которым надобно воскреснуть.

-Ничего мне не надо, ни воды живой, ни воды для мертвых, мне хочется увидеть своего Ванечку! Вот и всё! К чему лишние слова?! Да, я грешна. Ну и что? А как мир людей жил бы без грешников и праведников? Да никак! Да и нужен ли такой мир, где ничего нет, ни жизни, ни страсти? А если кому-то свыше и необходима, как и людям, абсолютная справедливость, то пусть в этом и в других мирах, пусть повсюду, во всей Вселенной, где царит Творец, пусть везде и всюду живое перестанет сжирать живое! И тогда всем всё будет понятно... А пока, мой добрый рыбак, всё это - одни слова, слова, слова и соблазн...

-Не грехи сестра моя, а ступай с Богом, - смиренно произнес Петр и предложил: - Прости меня, сестра, за то, что я, кроме снеди, ничего не могу дать тебе в дорогу, но возьми хотя бы себе из маленькой связки ключей самый маленький ключ...

- Ключ? Зачем? Почему самый маленький? – спросила Зина.

- Это ключ от маленького дома и от маленькой двери. Самый маленький ключ из этой связки даст тебе самую длинную дорогу, самую долгую жизнь! –ответил рыбак Симон Петр.

-А зачем мне долгая жизнь?

-А потому, что тебе предстоит долгая дорога к месту свидания, глупая! Долга дорога к реке Забвения, к реке долгожданной Встречи! Или ты уже не хочешь видеть своего второго мужа? Что молчишь? Думаешь? Размышляешь? Нужно ли открывать маленькую дверь? Не лучше ли остаться на улице, на безлюдном пустыре? Можно ли склеить разбитый кувшин, набрать в него свежей воды и напиться? Можно ли? Нужно ли?

-Можно и нужно! Можно, брат Петр, склеить разбитое зеркало или кувшин, использовать его, а после выбросить на свалку! Разве не так устроен этот жестокий мир? Докажи мне, брат Петр, что это не так, а всё наоборот, и тогда все овцы соберутся воедино и я, тварь мерзкая, пристану ко всем, и тогда Всевышний будет во славе, а жрецам делать будет нечего, и будут они усердно жать серпами пшеничные колосья! И тогда не будет царей-деспотов, вождей-сумасшедших и всякой твари властной, которую якобы допускает Господь Бог. Брат мой Симон-Петр, не делай никаких чудес, оставь на время овец своих, передохни немного, а там видно будет, может и не надо никого учить и спасать? А зачем? А?

-Сестра моя, неужели тебе не ясно, что ты впала в ересь? За что провинился я пред тобой? Всё я сделал для тебя: приютил, накормил, утешил. Что еще тебе надо? Чтобы я тебе доказал, что всё это – не сон? А нужно ли? Тебе и так многое открылось, разве этого тебе мало? Или ты хочешь узнать, почему этот мир

принадлежащий человекам, так неуютен для них? Не много ли ты хочешь? И заслужила ли ты тайного знания о нём?

-Брат Петр, а зачем ты на рыбалку берешь этого старого и вредного петуха? - спросила Зина, стараясь уйти от сложных и мерзких житейских вопросов.

-О, сестра, этому петуху цены нет! Он лучше всякого будильника и колокола на самой башне! Когда моя совесть начинает засыпать, он её будит! И тогда мне становится скорбно и больно, и тогда я плачу горькими слезами! А что поделаешь – такова моя горькая юдоль! Каждому бы человеку такого совестливого петуха, однако, Господь наградил почему-то им одного меня! Ах, ладно, ступай с Богом, сестра моя златогривая! Иди с миром!

-Спаси тебя Бог, мой добрый рыбак! – пропела ласково Зина, оттолкнулась от валуна и поплыла в небе над тихими водами моря Галилейского.

На душе было хорошо и светло, а главное была верная цель, указанная добрым рыбаком, и была путеводная нить в руках, заветный ключик зажатый в кулачке...

В таком ярком и явном сне, если это, и в самом деле, был сон, хотелось быть всегда, для такого сна можно было бы и помучиться на земле несколько десятков лет! И дело было тут даже не в великолепной мягкой погоде, а в совершенно другом - в наслаждении от пути-дороги, когда легко проходишь, буквально пролетаешь тысячи стадий и не устаешь! Усталость от дороги приносят нам только неприятности и неудобства по пути следования – это очевидно. Что лукавить, было очень даже хорошо путешествовать таким образом. Именно таким, никем не организованным...

Но там, в пяти стадиях от устья Иордана, в солёных водах Мертвого моря вдруг возникло какое-то смятение и крики людские. Где-то поблизости была опрокинута лодка, люди пустыни, не умеющие плавать, стали тонуть там, где невозможно утонуть по всем правилам природы, и увлекать друг друга за собой на дно. Поднялся страшный гвалт и сон прервался...

О том, что наркома внутренних дел Николая Ивановича Ежова сменил Берия Лаврентий Павлович, Зина узнала из газет. Но о том, что новый нарком решил отпустить на свободу невинно осужденных и родственников, что Берия якобы решил через Советское Правительство объявить большую амнистию, Зина узнала именно через старых соратниц таких лидеров оппозиции как Радек и Лев Сосновский. И, действительно, после нападения Гитлера на Польшу, стали частыми в лагерях акты помилования и досрочного освобождения. От них же Зина узнала о выступлении троцкистов, сидевших на Колыме, которые организовывали забастовки, распространяли прокламации с требованием освобождения, свободы передвижения, изменения рациона питания заключенных.

Странными были эти женщины, «валькирии революции». Даже здесь, в лагере, они жили только своими идеями, а не заботами о себе и своих родных, которые остались там, «на материке, на свободе». Иногда у Зины складывалось мнение, что эти курящие и чифирящие женщины изначально родились сиротами, без отца, без матери, без семьи и инстинкта чадородия. Иногда Зине казалось, что общей дочерью для них была «мировая революция». Их беседы проходили в бурных и бесконечных спорах о «роковых» ошибках Плеханова, Ленина, Сталина, о перспективах мирового коммунистического движения и о многом другом, связанным только с политической жизнью, а не жизнью вообще. Но при всем этом, они в какой-то мере сочувствовали Зине и говорили ей: "Лови момент, дурёха, пиши прошение о пересмотре своего дела! Скоро начнётся большая война, и властям не будет дела до тебя и твоих детей! Пиши о себе, как о мамке, и не задевай политики"!

И, действительно, война началась. Через девять месяцев как Зина написала заявление на имя Лаврентия Павловича, началась советско-финская война. Это был пролог к Великой войне, и этот пролог, как узнала Зина через своих старых

большевический, оказался трагическим. У финнов было отвоено тридцать километров территории, за каждый из которых Красная Армия потеряла по десять тысяч солдат! Да, это было далеко не озеро Хасан и не блестящие победы над японцами при озере Халхин-Голе, нет, это был – позор красных маршалов во главе с Ворошиловым.

А когда началась Великая война, тогда и воцарился в лагерях великий страх, и все насельники этих лагерей стали жить страхом смерти. Где-то в конце сорок первого года по всем зонам пронёсся слух, что в Архангельской области, по всему старинному, бывшему «ломоносовскому» тракту войсками НКВД, в спешном порядке были расстреляны жители двадцати трех довольно крупных деревень вместе с детьми стариками и женщинами. Это были так называемые спецпереселенцы, раскулаченные в своё время на Украине и Дону, а также те, кто, спасаясь от голода в тридцать третьем году, бежал без документов в центральную Россию в поисках работы. За семь лет жители южной России сумели приспособиться к условиям Севера, вновь завели относительно крепкое хозяйство, сумели даже породниться с местными, и вот на тебе – ни за что, ни про что – расстрел! При этом лагерный телеграф сообщал страшные подробности: и местных и спецпереселенцев чекисты выгнали в лес, в болото и всех, до одного расстреляли. Рассказывали, что во многих избах ещё продолжали дымиться печные трубы, а в печах вариться щи. Где-то в русских печах пекся хлеб, а хозяева теплых жилищ уже валялись под тонким льдом в болотной жиже. Для кого млел в печах хлеб? Уже для других, для безнравственных вырожденков, для тех, кто в своей жизни никогда его не выращивал и не убирал, для мерзавцев и негодяев от власти.

Большевики панически боялись мести со стороны спецпереселенцев, их возможного сотрудничества с немецкими оккупационными властями. Свой страх за свои злодеяния они внушили и чекистам, и те тщательно провели акцию по уничтожению потенциальных врагов. Да, как и прежде, и сейчас, накануне войны, всюду и везде были враги. Но при этом, почему-то никто, из власть имущих, не придавал особого значения тому, что в первые дни войны в Красную Армию вливались сотни тысяч добровольцев. Как будто это и положено. А почему, это положено, когда вы почти тридцать лет издевались над своим народом?

Что было в мыслях и душах самих переселенцев уже никто никогда не узнает. Но старые большевички объяснили Зине, что спецпереселенцы занимали выжидательную позицию: кто кого одолеет? Фашисты большевиков, или большевики фашистов? А вдруг фашисты окажутся лучше большевиков, будут освободителями? В таком случае, почему бы и не поддержать борцов с "красной чумой"?

Может, оно было и так, но кто знает? Зину, эти предположения валькирий «мировой революции» о намерениях, обиженных большевиками масс, угнетали. Те, кто окружал их раньше, и сейчас были, для них, не каким-то определенным народом или нацией, а просто «народными массами», которые в определенные периоды истории могут быть пассивными или активными, «революционно зрелыми или незрелыми», одним словом, некими фруктами или овощами, глиной, годной или не годной для изготовления горшка. При этом, они до сих пор, находясь в безнадежном заточении, почему-то считали себя незаменимыми селекционерами и горшечных дел мастерами.

Вслед за этими печальными известиями прокатилось и другие слухи о том, что якобы вслед за спецпереселенцами войсками НКВД будут уничтожены все зэки и зэчки в спецлагерях, все «враги народа» их жёны и приближенные, находящиеся в центральной России и в бассейне реки Волги, вплоть до Астрахани.

Конец сорок первого года Зина прожила в тревожных снах и страхах – в любой день Зину и её товарок, могли вывести из жилой зоны и расстрелять, уничтожить как потенциально опасный «живой материал» и уложить его в мордовскую землю.

Причиной таких смертельных страхов послужили восстания заключенных в Княж-Погосте и на Печоре, на лесорейде Воркутлага, в шести километрах от райцентра Усть-Уса. В декабре 1941 года здесь был создан подпольный штаб заключенных из семи человек во главе с завхозом, троцкистом Иваном Зверевым, который в своё время возглавлял троцкистскую группу в Рязске и был тесно связан с одним из лидеров оппозиции Львом Сосновским. Четырнадцатого января 1942 года заговорщики подняли мятеж, захватили райотдел милиции, освободили содержащихся там арестантов, часть из которых к ним примкнула. Последнего из восставших удалось ликвидировать только четвертого марта. Лагерная почта доносила узникам ГУЛАГа разные версии событий на Печоре. Ходили слухи, что восстание было спровоцировано местными властями, местным НКВД. Несколько позднее, дошли слухи о том, что эти восстания были организованы агентами комбрига Бессонова, начальника штаба 102-й стрелковой дивизии РККА, бывшего генерала НКВД, который 26 августа 1941 года попал в плен и стал служить немецким захватчикам.

Оказавшись в плену, он предложил немцам смелый план, который, если бы он был реализован, мог дорого обойтись СССР. Ибо систему, на которую он предполагал опираться, генерал НКВД знал досконально. Одно из направлений идеи комбрига Бессонова – подготовка высадки десантов в глубоком, даже очень глубоком тылу Советского Союза, а именно в районе лагерей. Еще по работе в НКВД комбриг хорошо знал ГУЛАГ. Суть его предложения якобы состояла в следующем: создать на базе «Политического центра борьбы с большевизмом» десантно-штурмовые отряды, забросить их в район лагерей на Северной Двине и на Оби, разоружить охрану лагерей, поднять восстание заключенных и создать в итоге повстанческую армию. Если бы его деятельность увенчалась успехом, в глубоком тылу СССР был бы создан партизанский край. А после победы Гитлера над Сталиным, было бы создано своё государство Северная Россия, со своим троцкистским правительством, во главе которого были бы сам И.Г.Бессонов и его два сподвижника: бывший командир 301-го стрелкового полка полковник В.В. Бродников и бывший начальник артиллерии 308-й стрелковой дивизии полковник Н.Н. Любимов.

Этой тревожной информации, переданной из верховьев Печоры в Чувашию, вездесущей лагерной почтой, Зина могла бы не верить вообще, если бы не знала, что в совсем недалеком прошлом генерал НКВД Иван Георгиевич Бессонов "тесно дружил" с её вторым мужем Иваном Христофоровичем!

Да это был тот самый Бессонов, который неоднократно был в их квартире в Хохловском переулке и подарил Ивану Христофоровичу маленькое полотно из поздних голландцев, якобы учеников Рембрандта, и странную рукопись расстрелянного в 1933 году некоего блаженного попика-проповедника некоего Макария, соратника патриарха Тихона.

Но Господь миловал Зину и её подруг. Где-то в начале декабря их всех погрузили в десять двухосных вагонов-теплушек по сто пятьдесят человек в один вагон и отправили сначала в город Златоуст, а потом чуть южнее, в северный Казахстан. А там уже были люди, это были приволжские «русские» немцы, и там было относительно хорошо.

И там, в Казахстане, Зина не раз вспомнит своих сестёр по несчастью, старых, романтически настроенных и фанатичных, несчастных женщин, таких умных, прозорливых и так глубоко во всех отношениях несчастных. Всё будет потом. Потом у Зины будет долгая жизнь на поселении, которая окажется для неё ничуть не легче лагерной, пять лет несвободы продлятся до восьми лет, долгие четыре года Великой войны, а после неё ещё четыре года. Сколько терпеть? Сколько жить? И нужно ли? А?

Потом будет так называемое освобождение и жалкая жизнь в Москве на нелегальном положении, но зато в кругу близких, родных и знакомых. И вспомнит Зина добрым словом потом своих коровок-бурёнок своего лагерного скотного двора, и их многочисленных деточек, которым она помогала появляться на свет, которых возвращала и ласкала вместе с их мамками-коровами. Всегда будет вспоминать Зина своих родненьких тёлочек – Жданку и Нежданку, Зорьку и Вечорку и ласкового малыша бычка по имени Мусёнок. Этот бычок бегал за ней по ферме как собачонка, всё время тыкался влажными холодными губами ей в подол, жевал его, выклянчивал у "мамки Зины" солёный сухарик. Бедное животное - для него солёный сухарик был самым лучшим лакомством на земле!

Тот далёкий бычок, тот ласковый, добрый, четвероногий малыш, потом чем-то будет напоминать Зине такого же, ласкового, но вечно голодного, резвого непоседу, лобастого, упрямого подростка – внука Макара.

Всем своим существом, духовным и физическим, Зина обязана животным – коровам, собакам, кошкам – именно они, а потом уже люди, помогли выдержать её выпавшие на её долю испытания.

Ласковый добрый малыш-бычок, он в чём-то похож был на внука Макара. Ах, как всё в этой жизни повторяется!

А потом будет мрачный визит из прошлого – к ней, к Зине придет некий бывалый экз Венгр, с отвислым как у бульдога лицом, и постоянно слезоточивыми глазами. Венгр вернется живым из соляных подземных шахт и объявит Зине небывалую весть – её муж, Иван Христофорович, не был расстрелян чекистами на Лубянке, он сам себя уморил сухой голодовкой!

Потом будет её реабилитация и посмертная реабилитация самого Ивана Христофоровича, и вернут Зине его серебряный с позолотой портсигар, но два самых крупных бриллианта будут отсутствовать на его крышке, но останутся пять мелких и это даст возможность Зине, загнав в комиссионный магазин этот памятный портсигар, приобрести себе несколько модных вещей. Потом Зине возместят в денежном выражении всё изъятое в тридцать восьмом году, в том числе и картины поздних голландцев, за исключением картины Айвазовского "Шхуна «Надежда», терпящая бедствие", и Зина, на эти деньги купит себе квартиру в Химках.

Но всё это будет потом, потом...

Потом наступит «оттепель», разоблачение культа Сталина, бывшие грешники станут, чуть ли, не ангелами и «верными ленинцами», а потом польётся мутной рекой Большая Ложь и сплошная духовная маята. И всё хуже и хуже будут становиться кардиограммы...

Всё будет потом хорошо, но жизнь уже будет изжита, не будет в ней прежней радости, светлых надежд и высокого смысла. В ней уже не будет тех высоких чувств и переживаний, не будет в ней своей особенной соли. Будет тускло и обыденно. Только и радостью одною будут наследники, кровиночки её, внуки – Боря, так похожий во всём на Ивана Христофоровича, и Макар, и физически и характером похожий на неё, Зину.

Но это будет потом, в будущем.

Но в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года, Зина думала об ином – правильно ли она поступила, написав прошение в НКВД? Не осложнила ли она своим заявлением на имя Лаврентия Павловича Берия жизнь своих родных и близких? Не усугубила ли она этим документом нормальную общественную жизнь своих детей? Может, и не надо было писать это заявление? Кто знает? С кем посоветоваться? Не с кем! Всюду враги, везде враги и чужие люди. Не поспешила ли Зина со своим прошением о пересмотре своего дела? Может быть, надо было с этим немного помедлить? Прошло ведь всего-то девятнадцать месяцев с момента её ареста.

Только год и семь месяцев находится Зина в неволе, в другой жизни, которую и жизнью-то назвать язык как-то не поворачивается. Но и в то же время, разве это срок? Но это как сказать. Для бывалых узниц ГУЛАГа, отсидевших за колючкой несколько раз и по несколько лет, даже три года политизолятора – сущий пустяк, а для Зиначки-"первоходки" – целая вечность, а пять лет лагерей вообще нечто невообразимое! За пять лет можно пешком дважды обойти вокруг Земли и дважды побывать при этом в Москве! Так-то оно так, но если здраво рассуждать, а что, в сущности, изменилось за эту её временную лагерную «вечность» во внутренней политике страны? А ничего! Как было до её ареста, так и осталось. Как приходили раньше с воли свежие этапы с такими же, как Зина, осужденными, так и продолжают приходиться. Ничего не изменилось, хоть плачь, хоть молись. Как крутилось прежде кровавое Колесо, так и продолжает крутиться, и никто не может сказать, когда замедлит оно своё беспощадное вращение и остановится.

Кто скажет сегодня, как остановить этот, ставший чуть ли ни вечным двигатель массовых репрессий? Да и есть ли сегодня в стране те, кто может его остановить? Нет. Да и кому выгодно его останавливать? Никому! Уже ясно всем, и в том числе такой наивной глупышке как Зиначка, что в новой России никому из активных партийцев невыгодно останавливать этот кровавый конвейер, ибо без него трудно будет добиться безраздельной и безответственной власти, без «врагов народа» не на кого будет списать свои ошибки и просчеты.

Что может сегодня остановить кровавое колесо? Только война с внешним врагом, только она! Тут Зина полностью согласна со своими подругами по заточению – анархистками, эсерками, меньшевичками и троцкистками. Действительно, и это так: когда жареный петух клюнет в зад власть имущих, то они в один момент становятся патриотами и националистами, начинают «любить и уважать свой народ».

Уже сегодня явно наметилась война с белофиннами, а завтра грянет новая, великая война с Германией. Что будет с нашей страной, когда случится эта мировая катастрофа? Готово ли советское общество, в котором "все враги и всюду враги", противостоять западной цивилизации в её самом агрессивном и технически оборудованном образе? Что в таком случае должны делать правители СССР во главе с товарищем Сталиным? Ясное дело – всячески ослабить внутривнутриполитическую напряженность, и прежде чем начинать большую войну, им необходимо не иметь за своей спиной ни одного «врага народа». Только при этом условии можно победить врага внешнего. И не потому ли новый нарком внутренних дел Берия стал освобождать из лагерей тысячи невинно осужденных жестоким карликом Ежовым людей?

Хорошо если так. Тогда у Зины остается хоть какая-то надежда вернуться к своим детям и внукам, а если всё иначе? А если новый нарком Берия затеял крупную политическую игру, в которой милосердие и справедливость и так называемая пролетарская законность являются всего лишь дымовой завесой для простодушных советских граждан? Тогда что? Где гарантия тому, что невинно осужденные люди после освобождения, не будут, по законам военного времени, вновь арестованы и не исчезнут без следа?

Да, Ежов – злодей, душегуб, слепой исполнитель чужой дьявольской воли. Зина с этим согласна, именно Ежов и его подручные уничтожили Ивана Христофоровича и заточили ни за что ни про что её, Зину. А кто сказал, что Лаврентий Берия на посту главы НКВД будет лучше? Её подруги по несчастью - троцкистки? Как бы не так! Им есть, за что ненавидеть Николая Ежова: он почти всех оппозиционеров изолировал от общества, запретил им всюду, даже в местах лишения свободы всяческую политическую деятельность, лишил их всех прав и привилегий политических заключенных.

Конечно, кто спорит, при Генрихе Ягоде оппозиционеры в политизоляторах

чувствовали себя весьма вольготно, почти так же, как и прежде в царских тюрьмах и в ссылке, в условиях легко ограниченной свободы, той свободы, которая и не снилась рядовым подданным Российской империи.

Да, Николай Иванович Ежов оказался не только не профессионалом, но и отъявленным негодяем, свалившим свою ответственность за слепой террор на своих заместителей. Именно с его легкой руки пытки стали нормой и методом дознания, а политические доносы - основной и неопровержимой уликой. В этом старые большевички-зэчки, наследницы Ленина, были правы, но есть ли гарантия, что новый «шеф советских жандармов» Берия будет гуманистом?

Никто не спорит, что профессиональные революционерки, лежащие на лагерных нарах, были не лишены политического чутья, но и они были, по наблюдениям Зины, не лишены права на ошибку. Чем дольше они сидели в заточении, тем больше отрывались от реалий жизни. Та информация, которую они черпали из официальных газет, и не совсем объективной лагерной почты, заводила их в заблуждение, всё дальше и дальше отдаляла их от жизни на "материке". Пока они здесь тянули срок, Зина на воле имела возможность наблюдать за активной деятельностью Лаврентия в ещё 1934 году, когда Сталин для окончательной расправы с оппозицией подключил его к ведомству Ежова в порядке так называемой помощи.

Давно это было, и недосуг было тогда Зине интересоваться интригами политической борьбы того времени, но до сих пор помнит она неприятную, насквозь фальшивую физиономию Лаврентия.

=====